

ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ
THE CENTER FOR CONTEMPORARY JAPANESE STUDIES

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ЯПОНСКИЙ ФОНД
THE JAPAN FOUNDATION

**ЯПОНИЯ-2000:
КОНСЕРВАТИЗМ И
ТРАДИЦИОНАЛИЗМ**

**JAPAN-2000:
CONSERVATISM
AND TRADITIONALISM**

Москва
Moscow
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2000

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(5Япо)
Я70

Ответственные редакторы

А.Б.Жуков

А.И.Кравцевич

Ed. *by* **A.Joukov**

A.Krvtsevich

Япония-2000: консерватизм и традиционализм. Japan-2000: Conservatism and Traditionalism. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. — 303 с.
ISBN 5-02-018240-0

Коллективная монография «Япония-2000: консерватизм и традиционализм» посвящена актуальной научной теме — роли традиций в жизни этой страны. В работе исследуется широкий спектр проблем современного японского общества в сфере политики, государственного управления, права, экономики, науки и культуры. В книге раскрывается сложная противоречивая связь между консерватизмом в современном понимании этого слова и особенностями жизни японского общества, основанными на многовековых историко-культурных традициях. В исследовании приняли участие сотрудники Института востоковедения РАН, МГУ им. М.В.Ломоносова, университета Хосэй (Токио).

ББК 63.3(5Япо)

© Центр по изучению современной Японии, 2000
The Center for Contemporary Japanese Studies, 2000
© Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 2000

ISBN 5-02-018240-0

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Консерватизм и традиционализм в современной Японии (**Жуков А.Е.**) 7

Часть I. ГОСУДАРСТВО И ПОЛИТИКА

Институт императора как фактор устойчивости государственной системы в Японии (**Маркарян СБ.**) 20

Традиция в политике и праве Японии: взгляд из России (**Еремин В.Н.**) 39

Устойчивые и подвижные элементы в бюрократической системе Японии (**Молодякова Э.В.**) 60

Элементы традиционализма в системе принятия решений правительственными органами (**Стрельцов Д.В.**) 79

Неоконсерватизм и теория «третьего пути»: японский контекст (**Саркисов К.О.**) 102

Часть II. ЭКОНОМИКА И БИЗНЕС

Традиции и экономическая целесообразность в японском бизнесе (на примере системы субподрядных отношений в промышленности) (**Лебедевай П.**) 129

Национальные традиции и западные технологии в японском менеджменте: история взаимодействия (**Матрусова Т.Н.**) 153

Традиционные основы региональной политики японского государства (**Тимонина И.Л.**) 172

Исторические корни японской философии бизнеса (**Лещенко Н.Ф.**) 193

Часть III. КУЛЬТУРА, НАУКА, ОБЩЕСТВО

Японская культура: вековые традиции в контексте динамичной современности (**Катасонова Е.Л.**) 211

Инновационный потенциал Японии: что снижает его эффективность? (**Денисов Ю.Д.**) 229

Роль традиций в современной японской семье (**Тихоцкая И.С.**) 252

SUMMARY 273

CONTENTS

PREFACE	
Conservatism and Traditionalism in Modern Japan (<i>A.Joukov</i>)	7
P A R T I. STATE AND POLITICS	
The Imperial Power Institution as a Factor of Stability of Japanese State (<i>S.Markaryan</i>)	20
Traditions in Japanese Politics and Law: A Russian View (<i>V.Yeryomin</i>)	39
Stable and Dynamic Elements of Japanese Bureaucracy (<i>E.Molodyakova</i>)	60
Some Traditional Elements of Governmental Decision-Making in Japan (<i>D.Streltsov</i>)	79
Neoconservatism and the Third Way Theory: The Japanese Context (<i>K.Sarkisov</i>)	102
P A R T II. ECONOMICS AND BUSINESS	
Traditions and Economic Effectiveness in Japanese Business: The Case of Subcontract Relations in Industry (<i>I.Lebedeva</i>)	129
National Traditions and Western Technologies in Japanese Management: A Story of Interaction (<i>T.Matrusova</i>)	153
The Traditional Basement of the Regional Development State Policy in Japan (<i>I.Timonina</i>)	172
Some Historical Roots of Japanese Business Philosophy (<i>N.Lestchenko</i>)	193
P A R T III. CULTURE, SCIENCE, SOCIETY	
The Japanese Culture: Ancient Traditions in the Context of Dynamic Modernity (<i>E.Katassonova</i>)	211
The Japanese Innovative Potential: What Hurts Its Effectiveness? (<i>Yu.Denisov</i>)	229
The Role of Traditions in Contemporary Japanese Family (<i>J. Tikhotskaya</i>)	252
SUMMARY	273

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Денисов Юрий Дмитриевич, кандидат технических наук
Институт востоковедения РАН

Еремин Владимир Николаевич, кандидат юридических наук
Институт востоковедения РАН

Жуков Александр Евгеньевич, кандидат исторических наук
Институт востоковедения РАН

Катасонова Елена Леонидовна, кандидат филологических наук
Институт востоковедения РАН

Лебедева Ирина Павловна, кандидат экономических наук
Институт востоковедения РАН

Лещенко Нелли Федоровна, кандидат исторических наук
Институт востоковедения РАН

Маркарьян Седа Багдасаровна, доктор экономических наук
Институт востоковедения РАН

Матрусова Татьяна Николаевна, кандидат экономических наук
Институт востоковедения РАН

Молодякова Эльгена Васильевна, доктор исторических наук
Институт востоковедения РАН

Саркисов Константин Оганесович, кандидат исторических наук
Университет Хосэй (Япония, Токио)

Стрельцов Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук
Институт востоковедения РАН

Тимонина Ирина Львовна, доктор экономических наук
Институт востоковедения РАН

Тихоцкая Ирина Сергеевна, кандидат экономических наук
Географический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова

ПРЕДИСЛОВИЕ

CONTRIBUTORS

- Denisov Yuri**, Ph.D. (Technology)
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- Joukov Alexandre**, Ph.D. (History)
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- Katassonova Elena**, Ph.D. (Philology)
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- Lebedeva Irina**, Ph.D. (Economics)
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- Lestchenko Nelly**, Ph.D. (History)
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- Markaryan Seda**, Prof. (Economics)
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- Matrusova Tatyana**, Ph.D. (Economics)
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- Molodyakova Elgena**, Prof. (History)
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- Sarkisov Konstantin**, Ph.D. (History)
Hosei University (Tokyo, Japan)
- Streltsov Dmitriy**, Ph.D. (History)
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- Tikhotskaya Irina**, Ph.D. (Economics)
Lomonosov's Moscow State University, Faculty of Geography
- Timonina Irina**, Prof. (Economics)
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- Yeryomin Vladimir**, Ph.D. (Law)
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

КОНСЕРВАТИЗМ И ТРАДИЦИОНАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

Всякий говорящий или пишущий о Японии рано или поздно обращается к теме японских традиций. Действительно, несмотря на то что Япония занимает весьма прочные и влиятельные позиции в современном «глобализованном» мире, эта страна продолжает оставаться экзотической для иностранного наблюдателя. Дело тут не в сакуре, кимоно и прочем содержимом туристских буклетов. Каждый, кто соприкасается с Японией, быстро понимает, что жизнь ее народа построена на совершенно особых, самобытных принципах.

Конечно, свои традиции есть и в других странах. Но в Японии их присутствие не ограничивается фольклорными праздниками или особенностями быта, а проявляется даже в самых «интернационализированных» областях — науке, бизнесе и т.п.

Это само по себе довольно необычно. Все области жизнедеятельности современного общества подчинены жестким законам, краеугольным камнем которых является эффективность. Только следование ей обеспечивает той или иной стране высокую «конкурентоспособность» и достойное место в мировом сообществе. Традиции же являются продуктом предшествующих эпох, в которых действовали иные законы и правила, существовала иная система ценностей. По самой своей сути они представляют собой консервативный элемент общественного бытия, объективно тормозящий реагирование социума на вызовы времени.

Однако все сказанное как бы не имеет отношения к Японии. При всей своей самобытности современное японское общество оказывается вполне эффективным как в сфере экономики, так и в области политической и правовой саморегуляции. Причем имеется множество примеров того, что традиции не только не препятствуют его развитию, но даже способствуют ему.

В связи с этим возникает ряд важных вопросов. Во-первых, являются ли национальные традиции в современном мире в первую очередь тормозом общественного развития или же эффективным средством адаптации человека к головокружительным переменам? Во-вторых, какова судьба национальной самобытности в современном мире глобальной взаимозависимости и интернациональных информационных потоков? И в-третьих, можно ли считать пример Японии уникальным или сходные явления, связанные с положительной ролью традиций в общественном развитии, можно обнаружить и в других странах и культурах?

Иностранные исследователи Японии, как правило, тяготели к генерализированному, универсалистскому подходу в рассмотрении вопросов, касающихся японской национальной самобытности и традиций. Разумеется, они не могли не видеть особенностей этой страны, но зачастую объявляли их «пережитками прошлого», «наследием феодальной эпохи» и т.п. Такие выражения постоянно встречались в работах как западных либералов, так и отечественных марксистов (впрочем, тоже наследников западной традиции). И теми и другими Япония оценивалась как промышленно развитая, но социально отсталая страна или даже как общество «с современной наружностью и феодальным внутренним содержанием».

Такое сходство оценок идеологических антагонистов объяснялось просто. И те и другие имели в своих головах некую идеальную общественную модель, с которой сравнивали объект своих исследований. Несовпадение с шаблоном охотно трактовалось как «недостаток» или «свидетельство отсталости». При этом речь шла не только о конкретных политических институтах или экономических моделях, но зачастую и о желательности изменений в системе нравственных представлений и моральных ценностей, т.е. в том, что представляет собой сердцевину национальной культуры.

Например, часто в качестве «пережитка феодализма» рассматривался институт императорской власти. При этом без внимания оставался весь комплекс проблем, связанных со становлением и развитием императорской системы на протяжении столетий японской истории. Между тем именно длительная историческая традиция определяла тот факт, что императорская система играла важную стабилизирующую роль в японской политике и обществе в целом. Особенно ярко такая роль проявлялась в переломные моменты японской истории XIX-XXвв. В частности, в условиях, когда японское общество еще не освоило комплекс современных

политических и философских идей, именно монархическая традиция сделала возможным формирование идеологической основы революционных по своей сути преобразований второй половины XIXв., начавшихся под флагом реставрации императорской власти, причем в формах, относящихся еще к VII в.

Такое необычное идеологическое оформление революционных преобразований было связано с тем, что японцы, которым предстояло в кратчайшие сроки овладеть достижениями западной цивилизации (причем не только в сфере техники и технологии, но и в строительстве современного государства), нуждались в собственной «национальной идее», способной поддержать их чувство собственного достоинства и ощущение ценности собственной культуры. Ею стала идея божественного происхождения нации, персонифицированной в императоре, которая и раньше поддерживала в Японии политическую преемственность и духовное единство. Таким образом, реставрация императорской власти означала демонстративный возврат к древней, «истинной» традиции, наполнившейся в дальнейшем совершенно иным, современным содержанием.

Весьма односторонними могут оказаться и сделанные вне исторического контекста оценки политической и общественной роли японской бюрократии. Само это слово имеет в русском языке (как, впрочем, и в западноевропейских) негативный оттенок. Следует, однако, иметь в виду, что Япония исторически относилась к сфере влияния китайской цивилизации и конфуцианской культуры, в которой общественный статус чиновника традиционно был очень высок. Кроме того, условия ускоренной «догоняющей» модернизации, в которых японское общество существовало на протяжении первых ста лет после реставрации Мэйдзи, требовали высокой степени концентрации национальных ресурсов, что могло быть осуществлено только силами государственной власти. Поэтому роль государственного чиновничества в успешном развитии процесса модернизации Японии была очень высока (подобное явление наблюдалось и в других странах, оказавшихся в сходных исторических условиях, в том числе и в России). В связи с этим можно сказать, что японская традиция уважения к власти ее представителям объективно способствовала успешному выполнению задач всестороннего реформирования и развития страны.

Таким образом, история показывает, что в Японии весьма консервативные по своей сути институты и явления общественной

жизни при определенных условиях довольно легко наполняются новаторским и даже революционным содержанием. Причина этого заключается в том, что японский народ на протяжении веков выработал особый тип развития, основанный на сохранении исторической преемственности. Если на Западе новая ступень развития достигалась на основе отрицания предыдущей, то в Японии качественный скачок достигался на основе обновления традиций, а не их отрицания (см.: *Молодякова Э.В., Маркарьян СБ.* Японское общество: книга перемен. М., 1996, гл. I). Возможно, такой подход к собственному историческому наследию коренится в многовековой практике культурного взаимодействия с центрами цивилизации, по отношению к которым Япония занимала периферийное положение. На протяжении большей части японской истории роль такого центра играл Китай. Соседство с ним при отсутствии прямой политической зависимости очень рано поставило перед японцами проблему сохранения самобытности в условиях массированных культурных заимствований и побудило выработать практику синтетического соединения внешних по своему происхождению нововведений с местными традициями, которая определила характер взаимоотношений традиции и инновации в японской истории и культуре вообще. В результате в Японии слабо выражен антагонизм между традицией и инновацией, между консерватизмом и реформаторством.

В этой связи особой проблемой является терминологическая путаница, которая возникает при попытке описать политическую жизнь Японии в обычных западных терминах (консерватизм, центризм, радикализм и т.п.). Нельзя сказать, что они вообще неприменимы к Японии, но их использование обязательно должно опираться на конкретное знание особенностей политического процесса в этой стране.

В современной Японии существует весь спектр политических сил, характерных для остальных развитых стран мира. В нем представлены правые («консервативные»), центристские и левые партии. В настоящее время неустойчивым большинством в нижней палате парламента располагает консервативная Либерально-демократическая партия, которая и формирует правительство страны.

Вместе с тем, несмотря на внешнюю похожесть японских политических партий, институтов и процедур на их западные аналоги, политическая жизнь Японии отличается существенным своеобразием, связанным с особенностями национальной истории и культуры. Весьма ярко проявляется оно и в структуре, политике и идеологии консервативных политических сил.

Прежде всего следует сказать о том, что консерватизм в изначальном смысле этого слова (т.е. «охранительство») глубочайшим образом укоренен в японской национальной психологии. Японское общественное сознание явно отдает предпочтение эволюционному, а не революционному типу развития во всех областях общественной жизни. Так, японское слово *какумэй* («революция») употребляется только в отношении других стран и не используется для характеристики событий национальной истории. В последнем случае вместо него традиционно применяют другой термин — *исин*, т.е. «обновление», причем такая практика закрепились даже в левых политических и научных кругах, находящихся под влиянием марксистской идеологии.

Использование разных терминов применительно к зарубежным и «внутренним» историческим явлениям отражает японские национальные особенности восприятия окружающего мира, истории, общественной жизни и понимания своего места в ней. Важнейшими ценностями для японца являются традиция, преемственность, континуитет. Их нарушение вызывает серьезный общественный дискомфорт. В основе такого мировосприятия лежит восходящий к конфуцианству социально-психологический стереотип *ва* («равновесие», «гармония»), на котором зиждется вся социальная практика японцев (взаимоотношения в коллективе, между работодателем и наемным работником и т.п.).

Такое отношение к собственной истории и общественной жизни (к слову, резко контрастирующее с извечным русским стремлением «отречься от старого мира») оказывается весьма продуктивным с точки зрения обеспечения преемственности национальной культуры и сохранения духовного потенциала нации даже в условиях весьма радикальных по сути общественных преобразований. Кроме того, оно ставит серьезную преграду на пути распространения радикальных политических учений и, напротив, создает благоприятные возможности для укоренения консервативной идеологии. Однако здесь следует иметь в виду ряд обстоятельств, специфичных для Японии и существенно отличающих ее от европейских стран.

Дело в том, что идейный блок, характерный для западных консервативных партий и движений в XX в., основан на традиционной концепции индивидуализма и обычно апеллирует к политическому и экономическому либерализму. «Охраняемые» ими ценности являются естественным плодом идейной эволюции Запада и в этом смысле, несмотря на свою сравнительно недолгую историю, могут с полным правом считаться традиционными.

В Японии же ситуация совершенно иная. Вплоть до второй половины XIX в. эта страна вообще не испытывала серьезного воздействия европейского комплекса идей. Как уже говорилось, на протяжении примерно полутора тысяч лет она принадлежала к ареалу китайской цивилизации, не выработавшей концепций гуманизма и индивидуализма в европейском понимании. Характерно, что в японском языке даже отсутствовало специальное слово для обозначения понятия «индивидуум» (сейчас — «кодзин»), и его пришлось специально изобретать, чтобы сделать возможным перевод европейских философских и политических сочинений. Кроме того, европейский индивидуализм очевидно противоречил традиционным для Японии конфуцианским принципам социальной гармонии. Таким образом, возникло противоречие между приемлемым и привлекательным «охранительным» принципом консерватизма и его конкретным идейным содержанием. В известном смысле в Японии сформировался конфликт между «консерватизмом» (по-японски «хосюсюги») и традиционализмом.

Освоение японцами европейских общественно-политических идей заняло несколько десятилетий и было весьма противоречивым и драматичным. Процесс модернизации радикально изменял систему отношений в японском обществе. Однако перемены происходили столь стремительно, что люди не успевали осознать их сущность и выработать рациональную модель политического поведения, способную адекватно выразить и эффективно защитить их интересы. Дорога к современным формам организации общественно-политической жизни заняла в Японии гораздо больше времени, чем потребовалось для создания эффективного административного аппарата и конкурентоспособной экономики. На протяжении этого времени японское общество отдало дань всему спектру идейных течений и поветрий, возникавших во внешнем мире. При этом, накладываясь на японскую реальность, они зачастую неизменно меняли свое лицо.

Так, на определенном историческом этапе либеральные идеи были в Японии синонимом политического радикализма. При этом защитники «свободы и народных прав» были яростными сторонниками японской военной экспансии в Азии. Позднее, по мере развития японской экономики и вовлечения страны в мирохозяйственные связи, в Японии возникла влиятельная политическая сила, которая опиралась на торгово-промышленные круги и была близка к западным консерваторам с их либерализмом и стремлением к социальной и политической стабильности. Этим консер-

вативным силам противостояли националисты, апеллировавшие к японским традициям и одновременно обличавшие пороки капитализма и выдвигавшие комплекс радикальных социально-утопических идей. Разобраться во всем этом с западной меркой было нелегко. Во всяком случае, ко времени поражения Японии во второй мировой войне и проведения радикальной демократизации японского общества под руководством американских оккупационных властей противоречие между консерватизмом и традиционализмом так и не было преодолено.

Такое противоречие проявилось и тогда, когда в Японии формировались новые, послевоенные политические партии с их идейно-политическими платформами.

Надо сказать, что программные документы японских политических партий (за исключением марксистских) традиционно отличаются весьма общим характером формулировок и изрядной лаконичностью (возможно, так проявляется стремление избежать открытого общественного конфликта, следуя духу гармонии-аа). Не были исключением из этого правила и документы сформированной в 1955 г. консервативной Либерально-демократической партии (далее — ЛДП). Правда, на протяжении многих лет существования партии идеологи ЛДП опубликовали множество «неофициальных» разъяснений идейных основ ее политики (в нашей стране их анализ был впервые проведен И.А.Латышевым). Последние характеризовались именно как «консервативные» в смысле сохранения «традиций» и «порядка» и обеспечения общественного прогресса исключительно эволюционным путем. Таким образом, «охранительная» сущность консерватизма получила в идеологии ЛДП полное и адекватное отражение.

Вместе с тем в документах ЛДП неоднократно подчеркивалось, что ее консерватизм являлся «прогрессивным» — в отличие от некоего «реакционного». В этом проявилось как стремление дистанцироваться от тогда еще недавнего «милитаристского прошлого», от идеологии и политической практики 30-40-х годов, так и желание по возможности примирить общественные традиции с комплексом либеральных идей, интенсивно вторгавшимся из-за рубежа.

Противоречия отчетливо проявились и в экономической идеологии ЛДП. Разумеется, основой экономического «консерватизма» была объявлена незыблемость принципа частной собственности. Это не было чем-то новым: в Японии институт частной собственности к тому времени вполне устоялся. Интересно, однако, что при этом декларировалось создание «нового» капитализма, при котором будет ликвидирована «монополия на капитал» со сторо-

ны немногочисленных олигархов и весь народ будет превращен в «средний класс» собственников.

Такой план был в известной мере отражением реалий, создавшихся в результате радикальных экономических реформ, проведенных в период оккупации под американским руководством и контролем. Тогда, в частности, были принудительно расчленены крупные финансово-промышленные группы (*дзайбацу*). Вместе с тем включение тезиса о «новом» капитализме в круг «консервативных» идей означал, что японский консерватизм предполагал широкое государственное вмешательство в экономику (которое действительно осуществлялось на всем протяжении пребывания ЛДП у власти), что было нехарактерно для европейских консерваторов.

Таким образом, японский консерватизм был и остается весьма отличным в идейном плане от консервативных движений Запада. В консервативной оболочке он включает набор специфически японских принципов общественного устройства и управления. Кроме того, он существенно менее идеологизирован и подчеркнута прагматичен — ориентирован не на то, чтобы изменить общество по определенному плану, а на то, чтобы регулировать общественное развитие в соответствии с принятыми в нем принципами.

Еще более ярко отличия японского консерватизма от западных образцов проявились в его политической практике. Это связано с некоторыми особенностями японской политической жизни.

Прежде всего японский консерватизм и служившая долгие годы его единственным политическим воплощением ЛДП играли совершенно исключительную роль в японской политической жизни. Если в других странах консерватизм был политической альтернативой (например, социал-демократии), а политический процесс строился на чередовании у власти консервативных и соперничавших с ними сил, как бы исправлявших перекосы политики друг друга, то в Японии дело обстояло совершенно по-другому. ЛДП несменяемо находилась у власти 38 лет — с 1955 по 1993 г.

Столь долгое пребывание у власти одной политической силы, как правило, чревато разложением и коррупцией в среде партийных функционеров, снижением эффективности руководства и ростом числа ошибок в политике страны. Случаев коррупции в верхнем эшелоне ЛДП действительно было выявлено предостаточно. Однако в целом на протяжении всего огромного срока своего безальтернативного правления японским консерваторам удавалось намечать реалистичные цели государственной политики и формировать вполне дееспособные правительства.

Причина этого заключалась в своеобразной структуре ЛДП. Ее характерной особенностью было существование в ней фракций (*хабацу*), в значительной степени независимых от центрального партийного руководства. Говоря об этом явлении, следует иметь в виду, что, несмотря на устоявшийся перевод японского слова для обозначения этих политических группировок, *хабацу* — это не совсем «фракция» в западном смысле этого слова.

Характерной особенностью фракций внутри ЛДП является исключительная роль их лидеров. Идейные или тактические разногласия между фракциями могут существовать, а могут и совершенно отсутствовать — не это определяет фракционную структуру. Фракции цементируют только личности их лидеров — все остальные члены связаны с фракциями в силу личной преданности по отношению к руководителям. Последние в награду за преданность заботятся об интересах своих «вассалов» — в том числе и материальных.

Такая структура ЛДП на протяжении многих лет обеспечивала конкуренцию и взаимный контроль в руководстве партии. В известном смысле она позволяла имитировать межпартийную борьбу — с той разницей, что смена лидера не сопровождалась драматическими изменениями политического курса. Что же касается настоящей межпартийной борьбы, то, несмотря на существование в Японии реальной многопартийности, она на протяжении долгого времени не могла создать подлинную альтернативу господству консерваторов. Причины этого заключались в некоторых особенностях формирования спектра политических сил в Японии.

В середине 50-х годов, ко времени образования ЛДП, политическая жизнь Японии была резко поляризована и идеологизирована. Консерваторам противостояли левые силы, прежде всего мощная профсоюзная партия, опиравшаяся на поддержку профсоюзов. Хотя японские социалисты считались социал-демократами и входили в Социалистический Интернационал, по своему радикализму они мало уступали коммунистам. Жесткое противостояние между консерваторами и социалистами затрагивало все сферы государственной политики, внутренней и внешней. Фактически, не существовало ни одного вопроса, по которому мог быть достигнут разумный политический компромисс.

Такая биполярная политическая структура (ее еще называют «системой 1955 года») на деле означала отсутствие реальной политической альтернативы ЛДП. Оппозиция фактически не принимала сколько-нибудь конструктивного участия в формирова-

нии курса страны. Ее роль сводилась лишь к критике правящей партии и к формальному парламентскому контролю над ее деятельностью.

Со временем положение постепенно стало меняться. Быстрая урбанизация, улучшение материального положения основной массы трудящихся, усложнение структуры японского общества подготовили почву для возникновения центристских политических партий. Первой из них стала Партия демократического социализма (правые социал-демократы), образованная в 1960 г.

К концу 60-х годов партии центра добились определенного политического влияния. Упрочение их позиций происходило за счет некоторого оттока голосов от ведущих политических партий — ЛДП и СПЯ. Совокупный вес последних в палате представителей в течение 60-х годов неуклонно снижался. Если в 1958 г. либерал-демократы и социалисты вместе имели 98% мест в нижней палате (ЛДП — 62%, СПЯ — 36%), то после выборов 1960 г. их совокупная доля снизилась до 94%, в 1967 г. — до 86, а в 1969 г. — до 78%. Выход на политическую арену центристских партий привел к падению доли избирателей, голосовавших как за либерал-демократов, так и за социалистов.

В 70-х годах во внутривнутриполитической жизни Японии стали намечаться изменения, отразившиеся на функционировании парламентской демократии в стране. Хотя политическая борьба по-прежнему носила конфронтационный характер, происходил постепенный поворот от идеологических вопросов в сторону конкретных политических и экономических проблем.

Тогда же начала вырисовываться определенная перспектива ликвидации монополии ЛДП на власть. Поэтому в 1973-1974 гг. оппозиционные партии разработали ряд концепций «коалиционного правления», дополненных позже развернутыми экономическими программами.

Тенденция к снижению популярности консерваторов привела к появлению идеи создания на основе ЛДП «второй консервативной партии», что, как предполагалось, позволило бы установить полноценную двухпартийную систему. Однако тогда (в 1977 г.) все свелось к неудачной попытке реформировать структуру собственно ЛДП, в частности упразднить фракции.

Своего рода переломными в эволюции японского консерватизма стали 80-е годы. На этом этапе подверглась существенному пересмотру его экономическая доктрина. Тогда углубился кризис государственных финансов, весьма неэффективно работали го-

сударственные предприятия, в частности железные дороги, росли расходы на содержание чиновничьего аппарата. Чрезмерное вмешательство государства в дела частных предприятий ослабляло их самостоятельность и сковывало инициативу.

В связи с этим в Японии вызрела идея серьезного пересмотра экономической роли государства и отказа от некоторых его социально-экономических функций. Предполагалось освободить частный капитал от излишней государственной опеки.

Казалось, японский консерватизм постепенно начал терять свои местные особенности. Начатые тогда в Японии реформы вполне соответствовали духу так называемой неоконсервативной чолны в других странах (политика Р.Рейгана в США и М.Тэтчер в Великобритании). В Японии инициатором и настойчивым проводником административно-финансовой реформы в духе неоконсерватизма стал премьер-министр Накасонэ Ясухиро.

В 90-е годы окончание эпохи «холодной войны» поставило на повестку дня вопрос о формировании новых приоритетов государственной политики. Кроме того, неспособность консерваторов вывести страну из затянувшегося экономического спада сделали реальностью окончание политической монополии ЛДП.

Распад Либерально-демократической партии начался весной 1992 г. После поражения на июльских выборах 1993 г. на смену ЛДП к власти пришла коалиция из семи оппозиционных партий, часть из которых представляла собой ее собственные осколки. Однако после относительно недолгого пребывания в оппозиции либеральным демократам удалось выиграть выборы в октябре 1996 г. и вернуться к власти. При этом наиболее последовательные неоконсервативные элементы (к тому времени их возглавил Одзава Итиро) организационно остались вне ЛДП и в значительной степени утратили политическое влияние.

Таким образом, впечатление, что японский консерватизм, как и японская политическая жизнь в целом, постепенно утрачивает национальные, чисто японские особенности, характерные для него на протяжении второй половины XX в., не вполне подтвердилось. История политического поражения ЛДП и последующего восстановления ее влияния показывает, что японское общество отвернулось от излишне радикальных с его точки зрения сил, в данном случае выступающих за повышение эффективности государственного управления и национальной экономики. Оно по-прежнему нуждается в партии-медиаторе в лице ЛДП, основным направлением политики которой остается обеспечение со-

циальной стабильности. Во всяком случае, процесс «идейной кристаллизации» политического консерватизма протекает в Японии весьма медленно и, по-видимому, затянется еще на долгие годы. Поэтому еще долго адекватная оценка явлений политической жизни Японии будет возможна лишь при хорошем знании особенностей истории и культуры этой страны.

Живучесть японских традиций не является чем-то абсолютным и определяется прежде всего их рациональностью с точки зрения реально существующих жизненных условий. В XX в. Япония прошла через очень радикальные, совсем «неяпонские» преобразования, осуществленные к тому же под иностранным давлением. Речь идет о послевоенной аграрной реформе, положившей конец крупному частному землевладению в стране. Ее результаты, создавшие предпосылки к ликвидации хронической бедности японского крестьянства, были признаны подавляющим большинством населения страны и, насколько известно, никогда сколько-нибудь серьезно не подвергались сомнению. Вместе с тем попытка американских оккупационных властей создать в японской экономике конкурентную среду, основанную на американском понимании принципов свободного рынка, явно провалилась, так как не соответствовала реалиям вполне жизнеспособных и эффективных отношений в японской промышленности, основанных на нерыночных связях.

Иногда в качестве японских традиций рассматриваются явления, которые, строго говоря, к ним не в полной мере относятся. Например, патерналистские отношения внутри японских фирм, видимо, удачно соответствуют особенностям социальной психологии японцев, однако было бы неправильно сказать, что они в ней коренятся. Хотя примеры похожей политики в отношении персонала можно найти еще в эпоху Токугава, в старинных купеческих домах Мицуи и Сумитомо, в управленческой практике фирм современного типа патернализм получил распространение только в конце XIX в. в совершенно конкретных исторических условиях, когда персонал комплектовался главным образом за счет недавних выходцев из деревни и отходников. Это и сделало культивирование внутри японских компаний системы квазисемейных отношений, напоминавших отношения в традиционной японской семье *изэ*, удобным инструментом руководства. Таким образом, рациональные управленческие соображения фактически обеспечили консервацию крестьянских традиций и их перенесение в совершенно иную, городскую среду. Точно так же такие по-

лучившие значительное распространение в Японии принципы, как «пожизненный найм» и система выслуги лет (*нэнко сэйдэ*), не были плодом национальных традиций, а проистекали из вполне конкретных условий на рынке труда (нехватки молодой рабочей силы, что вынуждало предпринимателей прилагать усилия для ее закрепления на предприятиях; подробнее см.: *Кравцевич А.И.* Отделяя зерна от плевел. — Япония: мифы и реальность. М., 1999).

Можно сказать, что во многих случаях для японцев характерно не просто следование национальным традициям, а скорее активное формирование их с учетом национальной психологии и конкретных обстоятельств. Возможно, именно это превращает японские традиции в эффективный инструмент развития и социальной адаптации. Вместе с тем нельзя забывать о том, что за стабильность приходится платить. При всех грехах, присущих индивидуализму западного типа, именно он, по-видимому, создает наилучшие предпосылки для раскрытия творческого потенциала отдельного человека. Поэтому японская почва до сих пор не самая пригодная для взращивания ярких талантов, способных обозначить новые направления развития человеческой деятельности.

Подводя итог всему сказанному, заметим, что опыт отношения японцев к своим национальным традициям позволяет прийти по крайней мере к двум выводам. Во-первых, пример Японии свидетельствует, что бережное отношение к своей истории, культуре и традициям скорее способствует развитию, чем тормозит его. Во-вторых, успешное экономическое развитие и формирование так называемого постиндустриального общества совсем необязательно приводит к утрате национальной самобытности и, по-видимому, может осуществляться в рамках многообразных культурных моделей. Сейчас это подтверждается на примере многих стран (например, Китая, Малайзии и др.). Однако опыт Японии продолжает сохранять свою ценность, поскольку она до сих пор остается наиболее высоко- и всесторонне развитой незападной страной.

Конечно, воздействие того или иного комплекса традиций на конкретные аспекты жизни современного японского общества не может быть определено однозначно и тем более уложено в простую схему. Оно всегда нуждается в конкретном исследовании. Именно такому исследованию и посвящена эта книга.

А.Е.Жуков

ЧАСТЬ I. ГОСУДАРСТВО И ПОЛИТИКА

ИНСТИТУТ ИМПЕРАТОРА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ В ЯПОНИИ

На протяжении более чем полутора тысяч лет японской истории институт императора приобретал особую значимость трижды: в VIII в., в период становления централизованного государства во главе с императором; в XIX в., когда в результате реставрации Мэйдзи император восстановил свои властные prerogatives; в середине XX в., когда после поражения Японии во второй мировой войне встал вопрос: быть или не быть институту императора в современной политической системе страны?

Устойчивость института императора в системе государственной власти Японии обеспечивается его опорой на сакральную генеалогию и традиционную религию *синто*. Согласно мифологизированной истории страны, официальной датой появления японского императорского дома считается 660 г. до н.э. Установлен даже конкретный день восшествия на престол первого легендарного императора Дзимму — 11 февраля (полагают, что эту дату вычислил великий реформатор древности принц Сётоку). Этот день в современной Японии является официальным праздником — Днем основания государства. Правда, по свидетельству археологических, этнографических, исторических и других материалов, достоверно известно, что протогосударственные объединения появились в Японии по крайней мере на 6-8 веков позже. Но даже с учетом этих данных династия Ямато — самая старинная из существующих в мире¹.

¹ Конечно, говорить о непрерывности императорской династии можно только с учетом практики усыновления, конкубината, а также возведения на престол представителей боковых ветвей императорского дома. Более того, при существовавшей многие века двойственной структуре государственной власти император-сёгун вопрос о престолонаследии иногда решался волюнтаристски, по указанию военного правителя.

Понять значение роли и места императора в японском обществе и государстве невозможно без знания национальной мифологии. Ведь, по словам одного из крупнейших специалистов по вопросам религии Мирчи Элиаде, «миф является истинной историей, которая произошла в начале времени и которая служит моделью человеческого поведения... Мы всегда современники какого-либо мифа, когда его рассказываем и когда имитируем жесты или поступки мифических персонажей»². Этому созвучно и высказывание выдающегося отечественного философа А.Ф.Лосева о том, что «миф — необходимейшая — прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая — категория мысли и жизни; и в нем нет ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это подлинная и максимально конкретная реальность»³. В этой связи можно привести также слова исследователя русского фольклора В.Я.Проппа: «В мифе, в отличие от сказки, все действующие лица и все места, где происходит действие, имеют названия»⁴.

Основу мифологизированной истории страны составляет концепция появления ее островов, народа, а затем и государства не в результате творческого акта богов (как это постулировано в религиях единобожия), а в результате рождения, т.е. естественного акта. Поэтому традиционная японская религия *синто* определяет первоначальные отношения богов и человека как родителей и детей, ибо они связаны единой божественной кровью.

Пользуясь терминологией М.Элиаде, японская мифология обладает биокосмической перспективой. Она утверждает тесные связи между таким происхождением страны и светской властью с момента ее зарождения. «Японская мифология, — пишет социолог Исида Такэси, — рассматривает вселенную как естественно сформированное органичное бытие, впитавшее в себя светскую политику и биокосмическую энергию, позволяющую ей самостоятельно развиваться»⁵.

В этом контексте светская власть всегда апеллировала к сакральности императора, стремилась провести к нему прямую линию от богов-творцов островов. Согласно мифологии, первый император Дзимму был сыном Ниниги, спустившегося с неба на землю внука богини солнца (олицетворение природы) Аматэрасу.

² Элиаде М. Космос и история. М., 1987, с. 14.

³ Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990, с. 397.

⁴ Пропп В.Я. Русская сказка. Л., 1984, с. 238.

⁵ Ishida Takeshi. The Integration of Conformity and Competition. Tokyo, 1980, p. 14.

Японские острова были созданы двумя верховными божествами местного пантеона — Идзанаги и Идзанами. Дочь Идзанаги — Аматаэрасу, прародительница японской нации, — считалась покровительницей земледелия. В своих небесных владениях она возделывала рисовое поле, как это до сих пор делают и простые земледельцы, и ныне здравствующий император, чья родословная восходит к этой богине. Произошло соединение богов с предками людей, в результате чего в национальной религии оформился культ царственных предков на основе того, что императоры всегда выступали первосвященниками *синто*, обладающими магической силой общения с божествами. Это помогало им сохранять свое место в общественной иерархии, даже когда они были отделены от реальной власти, и во многом способствовало сохранению роли религии *синто* как общей для всех японцев идеологии в период укоренения и широкого распространения буддизма и конфуцианства.

Таким образом, в Японии император занимал трон по праву происхождения, связанного с его сакральной генеалогией. В данном случае играла роль не личность, а принадлежность к правящей династии. Поэтому в Японии император в силу своего статуса, а не личных достоинств играет роль харизматической личности. Идея персональной харизмы воплотилась в Японии, пожалуй, лишь в новое время в личности императора Мэйдзи (девиз годов его правления, означающий «просвещенное правление»).

К концу VIII в. в Японии возникло достаточно сильное государство централизованного типа. Этому предшествовала ожесточенная борьба за власть между различными племенными объединениями, которая привела к выделению главного — царского — рода, возглавившего первое крупное государственное объединение Ямато. Его появление сопровождалось проведением крупномасштабных реформ, ибо требовалась замена принципа кровнородственной организации на административную в связи с изменением системы землевладения и землепользования.

Образцом для нового государственного устройства, безусловно, служил Китай. Японцы почерпнули из китайской концепции государственного устройства идею совмещения в лице императора религиозной и политической власти главы государства. Однако при этом они отказались от конфуцианского представления о «мандате неба», который вручался правителю, но мог быть и снят у него, если он правил дурно. Для японцев с их верой в божественное происхождение императора это было абсолютно неприем-

лемо. Поэтому в Японии было исключено занятие трона какой-либо новой сильной личностью, принадлежавшей к другому роду, как это имело место в большинстве других стран.

На начальном этапе становления государственности царский род был первым среди равных. Поэтому, естественно, другие сильные роды боролись за влияние на него. При этом они стремились не столько занять место царского рода, сколько приобрести реальную власть в качестве его «защитника». Отечественный исследователь М.В.Воробьев в своей капитальной монографии «Япония в III-VII вв.» рассматривает своеобразную концепцию власти правителей Ямато, согласно которой «правитель становился символом национального единства, и эта его позиция всячески поддерживалась», а реальная власть находилась в руках приближенного рода. Эта концепция укладывалась в русло древней традиции почитания правителя прежде всего как духовного лидера, чья власть считалась вечной, в отличие от политического влияния, носившего преходящий характер⁶.

Безусловно, в таких условиях чрезвычайную роль играли не только военные, политические, экономические, но и идеологические факторы. «Кодзики» («Записи о деяниях древности», VIII в.) — сакральная генеалогия правящего рода — создавалась, чтобы утвердить сложившееся положение вещей. Поэтому включение мифов в сборник «Кодзики» производилось непосредственно по инициативе императора Тэмму. В «Кодзики» прослеживается идея преемственности от богов-демиургов к «земным богам», а от них — к легендарным императорам и далее к предкам ныне здравствующих. Как писал академик Н.И.Конрад, «устанавливая приоритет императорского дома, бывшего по существу лишь одним из наиболее могущественных среди всех прочих домов родовых старейшин, „Кодзики“ способствует централизации государственной власти в Японии, помогает идеологически тому процессу, который уже шел полным ходом в областях экономической и политической. Наделяя монархов божественным происхождением от самой Аматаэрасу, „Кодзики“ делает возможным установление прочного общегосударственного культа как средства той же централизации общего „огосударствления“ Японии. „Кодзики“ укрепляет позиции центральной власти и исторически, и политически, „религиозно“⁷.

⁶ См. подробнее: **Воробьев М.В.** Япония в III-VII вв. М., 1980, с. 114.

Конрад Н.И. Японская литература в образцах и очерках. М., 1991, с. 61, 62.

На формирование японской государственности и укрепление императорской системы как ее основного компонента, несомненно, оказал огромное влияние буддизм, пришедший в страну в VI в. в качестве одного из основных элементов континентальной культуры. В Японии правящие круги увидели в нем идеологическую опору создания централизованного государства. Отсюда тесная связь японского буддизма с государственной властью. «Буддийская церковная иерархия — монахи и прелаты разных степеней, — писал Н.И.Конрад, — представляла для Японии готовую модель феодального общества. Буддийские храмы и монастыри могли стать опорными пунктами для установления централизованной системы управления. Недаром в дальнейшем в Японии церковное и административное районирование страны полностью совпало»⁸. После относительно непродолжительного периода соперничества новой (буддизма) и традиционной (*синто*) религиозных систем они органично соединились на японской почве, поскольку, вовлекая людей в свою орбиту, буддизм не требовал от них отказа от прежних верований.

В русле идеологии буддизма сформировалась концепция централизованного государства во главе с императором. Она нашла отражение в «Уложении 17 статей», авторство которого приписывается принцу Сётоку. «Уложение» представляет собой основополагающих морально-этических наставлений и политических принципов, на которых должно строиться государство. Основным принципом построения централизованного государства было объединение различных знатных родов. Поэтому ст. 1 «Уложения» провозглашала принцип гармонии и согласия — то, что в последующем стало в Японии одним из главных принципов этики — понятием *ва*. В ст. 2 отмечалось, что гармонизация всех отношений невозможна без постижения буддизма.

Этим двум статьям придавался универсальный характер. Остальные имели непосредственное отношение к японским реалиям. Например, в ст. 3 говорилось о том, что воля императора должна беспрекословно выполняться всеми подданными: «Если господин говорит, слуга должен слушать; если верх действует, низ склоняется. А потому, получив повеление государя, немедленно последуй ему. Если ослушаешься, крушение наступит само собой»⁹. Сам же правитель рассматривался как единоличный суверен (ст. 12: «В стране нет двух государей, у народа нет двух

хозяев. У народа в стране хозяин — государь»¹⁰). В ст. 4 говорилось о том, что «ритуал» — основа всего («Основа управления народом не что иное, как ритуал... Когда народ исполняет ритуал, государство управляется само собой»¹¹). Идеи, содержащиеся в «Уложении», и «прежде всего концепция гармоничных отношений правителей и подданных, питали культ императора на протяжении всей дальнейшей истории страны»¹².

Наряду с признанием главенствующей роли буддизма в концепции централизованного государства, в «Уложении 17 статей» обосновывалась идея древности японской государственности во главе с божественным сувереном — императором. Таким образом, император-первосвященник *синто* становился главой построенного в соответствии с буддийской иерархией государства. «Уложение» можно рассматривать как первый камень в фундаменте синто-буддийского синкретизма, на протяжении веков служившего идеологической основой японской государственности. Оценивая этот документ, известный японский теоретик буддизма Исаму Канадзи заметил, что в нем принц Сётоку соединил божественное происхождение своего народа с философией буддизма¹³.

Подытоживая древний период истории института императорской власти, можно сказать, что она базировалась на синтоистской концепции божественного происхождения императора, на буддийской доктрине, в соответствии с которой он являлся защитником веры, обеспечивавшим мир и гармонию в обществе, и на конфуцианском принципе связи между миром человека и миром природы, согласно которому нестабильность в обществе «нарушает равновесие стихий».

Дальнейшее развитие японской государственности привело в IX в. к установлению правления придворной аристократии (*кудзё*) во главе с политически пассивным императором. Разложение системы государственного землевладения, увеличение частных поместий (*сё'эн*) открыли путь к ускоренному формированию феодальных отношений. Этот процесс привел к появлению в стране своеобразной системы политической власти — *сёгуната*, т.е. системы, когда власть оказалась в руках военных правителей — *сегунов*.

¹⁰ Там же, с. 97.

¹¹ Там же, с. 95.

¹² **Сила-Новицкая Т.Г.** Культ императора в Японии. М., 1990, с. 10.

¹³ *Isamu Kanaji.* Hirohito. Japan's Compassionate Emperor. Tokyo, 1989, p. 11.

⁸ **Конрад Н.И.** Избранные труды. М., 1974, с. 67.

⁹ Нихон сёки. СПб., 1997, т. 2, с. 95.

Этот порядок существовал с перерывами с 1192 по 1867 г. Де-юре главой государства оставался император, а де-факто вселенная власть принадлежала сегуну, который получал эту власть из рук императора. Для придания себе большей значимости некоторые сегуны присваивали себе титул *тайкун* (великий правитель), который придавал их власти легитимность в сношениях с внешним миром. Сегуны управляли страной без каких-либо консультаций с императором, а начиная с 1634 г. они вообще перестали появляться при его дворе и запрещали это делать крупным феодалам (*даймё*). Однако на протяжении веков ни один сегун не посягнул на императорский трон, ибо его сохранение гарантировало легитимность их власти. Институт императора, несмотря на потерю реальной власти в системе государства, придавал устойчивость всей политической конструкции. Правда, нельзя не отметить, что императоры не раз предпринимали попытки, хотя и безуспешные, вернуть себе полноту власти.

Это произошло лишь 3 января 1868 г., когда были обнаружены документы, фиксирующие переход власти от сегуна к императору. Самым важным из них был указ о реставрации императорской власти. «Сим объявляем монархам и подданным всех иностранных держав, что сегун Токугава Кэйки (Ёсинобу. — *Примеч. ред.*) отрекся от административной власти, и отныне все управление будет вестись под Нашим непосредственным контролем, и все общественные дела будут исполняться именем Императора, а не Тайкуна, как было доселе»¹⁴.

В марте того же года император во время религиозной церемонии, обращаясь к богам и народу, произнес клятву, в которой, в частности, обещалось: «Публичные собрания будут организуемы и административные дела будут решаемы по общему совету... Из внешнего мира будут заимствованы полезные сведения, и таким путем будут укреплены основы империи»¹⁵.

Реставрация императорской власти была итогом борьбы националистических сил страны с уже изжившим себя феодальным режимом сегуната, борьбы против угрозы потери национальной независимости, в ходе которой реализовывался лозунг «богатая страна — сильная армия» (*фукоку кёхэй*). Целью было поднять Японию до уровня западных держав. Император был своеобразным знаменем формировавшегося национального самосознания, символом национального единства.

¹⁴ Японцы и Япония. СПб., 1906, с. 3.

¹⁵ См. там же, с. 3, 4.

Идея исключительности японской нации оформилась во второй половине эпохи Токугава (1603-1867). В Японии накануне реставрации Мэйдзи стабильность поддерживалась относительно сильной властью сегуна, а политическая преемственность и духовное единство — идеей божественного происхождения нации, персонафицированной в императоре. В основу обновленной государственной идеологии легло понятие *кокутай* (доел, «тело государства», «государственный организм»), специфически японская концепция государственной общности, объединявшая императора (первосвященника *синто* и сакрального вождя), японский народ и собственно Японские острова в единое органическое целое, формированию такого миропонимания способствовали этническая однородность японцев, два с лишним столетия изоляции страны от внешнего мира и фактор островного положения. В таких обстоятельствах японцы естественным образом пришли к осознанию себя единым организмом, государственно-этническим и духовно-религиозным целым. В Японии с давних пор бытовало понятие о государстве как о сложном организме, в котором все взаимосвязанно в соответствии с законами природы и традициями. Иными словами, в понятии *кокутай* в неразрывной связи находились природа Японии, ее население и ее боги. Концепция *кокутай* подчеркивала уникальный характер государства и народа Японии, что объяснялось божественным происхождением страны и императорского дома. Она была вызвана к жизни необходимостью обоснования возвращения императору всей полноты власти — духовной и светской, которую он утратил в период сегуната.

Несмотря на юный возраст (ему едва исполнилось 18 лет), император Мэйдзи активно включился в государственную деятельность. Молодой монарх оказался незаурядной личностью, подлинным лидером нации и государства. Благодаря своим личным достоинствам он еще более укрепил традиционный авторитет своих предков.

В апреле 1868 г. был провозглашен и законодательно оформлен принцип «единства ритуала и управления» (*сайсэй итти*). Этот политический акт ознаменовал собой возврат к древнейшему сакральному понятию единства царских и жреческих функций. Таким образом в японском народе воспитывалось восприятие императора как живого бога. Безусловно, в мэйдзийскую эпоху абсолютное единство государства и религии было уже недостижимо, но в официальной идеологии этот принцип признавался как неотъ-

емлемая часть функционирования государственного организма (*кокутай*). Император Мэйдзи провозглашался «живым богом», равным по религиозному статусу богине Аматэрасу. Для возвеличивания роли императора как первосвященника *синто* создавались новые религиозные ритуалы, которым нередко придавался характер государственных актов¹⁶.

Значительная часть новых государственных праздников была связана с императором, его предками, его божественным происхождением — День смерти императора Дзимму, День смерти императора Комэй, День рождения здравствующего императора, День устройства императором новогоднего банкета, День основания империи, День приношения благодарности богине Аматэрасу. В них зримо закреплялась идея исключительности, божественности японской нации. Этому же способствовало введение новых государственных символов — гимна и флага. Слова гимна «*Кими-га-ё*» («Ты — весь мир») были взяты из поэтической антологии X в. «Собрание старых и новых песен Ямато». Символика введенного после реставрации Мэйдзи флага «*хи-но мару*» (красный круг на белом фоне) связана с тем, что с древности Японию называли страной восходящего солнца (в VIII в. название «Ямато» сменили на «Ниппон»)¹⁷.

Еще в манифесте о реставрации императорской власти указывалось, что «весь народ будет участвовать в общественном обсуждении», т.е. что при ведении государственных дел будет учитываться мнение общества. Однако в этом документе не содержалось какой-либо концепции конституционного строя. Это объяснялось тем, что после реставрации Мэйдзи первоочередной задачей была модернизация страны, для чего проводилась целая серия реформ. Политическая же реформа откладывалась на более поздний период и заняла долгие 20 лет. Другими словами, приоритетом была экономическая сфера, а не политическая. Политическая реформа и ее ядро — конституция были нужны в значительной мере для придания Японии респектабельности в глазах Запада.

В 1881 г. император издал указ, в котором объявлялось, что в соответствии «с высочайшим решением» в 1889 г. будет образо-

ван парламент. В подготовке конституции, которой руководил тайный совет (высший совещательный орган при императоре), император принимал самое непосредственное участие. Он давал указания или требовал разъяснений по той или иной статье. Подчас император поддерживал предложения меньшинства, если был уверен, что они более соответствуют японским реалиям.

Конституция была провозглашена на торжественной церемонии в императорском дворце в День основания империи — 11 февраля 1889 г. Император передал текст конституции в руки премьер-министра, чем символизировал дарование конституции своим подданным. Во время церемонии он заявил: «Мы в силу верховной власти, унаследованной Нами от наших царственных предков, сим обнародуем настоящий неизменный основной закон для нынешних наших подданных и их потомков... Права государственного верховенства Мы унаследовали от наших предков и завещаем их нашим потомкам. И Мы, и они будут осуществлять их согласие с положениями конституции, ныне нами даруемой и жалуемой народу»¹⁸.

Таким образом, в этом обращении выделялись три аспекта: во-первых, прежние прерогативы династии не ограничивались введением конституции; во-вторых, династия будет править в соответствии с конституцией; в-третьих, конституция «дарована и жалована» народу императором.

Первая глава конституции, состоявшая из 17 статей, касалась места и роли императора в системе государственной власти. Было зафиксировано, что власть императорской династии существует извечно, а «особа императора священна и неприкосновенна». Ему как главе государства принадлежало право утверждать законы и отдавать приказы об их использовании, созывать парламент, объявлять войну и заключать мир, подписывать международные соглашения, определять принципы организации и численный состав армии и флота в мирное время, назначать и увольнять всех высших гражданских и военных должностных лиц, жаловать дворянские звания, чины, ордена и иные знаки отличия. Император являлся верховным главнокомандующим армии и флота. Согласно конституции, престол наследовался по мужской линии и допускалось регентство.

Одновременно конституция предусматривала определенные ограничения власти императора. Они были зафиксированы в 47 статьях и осуществлялись парламентом, министрами, судеб-

См.: Японцы и Япония, с. 8.

¹⁶ Подробнее см.: **Сила-Новицкая Т.Г.** Культ императора в Японии, гл.2; **Молодяков В.Э.** Консервативная революция в Японии. Идеология и политика. М., 1999, гл. 1-3.

¹⁷ Подробнее см.: **МаркарьянСБ., Молодякова Э.В.** Праздники в Японии. М., 1990, гл.7.

ными учреждениями, статьями конституции, гарантировавшими права личности, и наличием самой конституции. Наиболее фундаментальные ограничения были сформулированы в ст. 4 (император — глава государства. Он обладает верховной властью и осуществляет ее согласно постановлениям данной конституции) и в ст. 5 (император осуществляет законодательную власть в согласии с императорским парламентом)¹⁹.

Согласно конституции, в стране учреждался двухпалатный императорский парламент (*тэйкоку гикай*), состоявший из палаты пэров (*кидзокуин*) и палаты представителей (*сюгиин*). Отношения императора и парламента были конкретизированы в целом ряде статей. Например, необходимо было получить согласие парламента на введение законов в действие: «Ни один закон не может быть издан без одобрения парламента» (ст. 37). Согласно ст. 8, императорские указы считались недействительными без одобрения парламента²⁰. Однако фактически эти статьи не действовали. Ограниченная де-юре власть японского императора оставалась неограниченной де-факто. Это в немалой степени было обусловлено личностью самого императора Мэйдзи.

По конституции, и это чрезвычайно важно, кабинет министров был ответственен не перед парламентом, а перед императором, а высшим консультативным органом при императоре стал тайный совет (*сумицуин*), в который входило 27 человек. Он должен был давать рекомендации монарху по просьбе последнего. Совет был независим от парламента и правительства и подчинялся только императору. Фактически каждое сколько-нибудь важное решение правительства или парламента должно было получить одобрение этого органа, а также неконституционного совета старейшин (*гэнро*), назначаемого пожизненно императором из числа виднейших политических деятелей — творцов новой Японии. Со смертью последнего члена этого органа Сайондзи Киммоти в 1940 г. он прекратил свое существование.

Ни сокрушительное поражение Японии во второй мировой войне, ни принятие новой конституции в 1947 г. не смогли ликвидировать, пожалуй, самый устойчивый на протяжении всей истории страны элемент государственной системы — институт императора. Безусловно, все эти, можно сказать, революционные события серьезным образом сказались на отношении самих японцев к своему императору и институту императорской власти

¹⁹ Там же, с. 530.

²⁰ Там же.

в целом. Поэтому вполне правомочно поставить вопрос о сущностной стороне этого института.

До окончания второй мировой войны императорская система существовала в том виде, в каком она была создана после реставрации Мэйдзи. Но если император Мэйдзи отнюдь не был марионеткой в руках своего окружения, то его сын — император Тайсё — был тяжело болен и не был способен заниматься государственными делами. С именем его наследника (с 1921 г. — регента, а с 1926 г. — императора) Хирохито связаны многие кардинальные перемены в положении института императора в политической системе. Личности этого монарха, находившегося на троне 63 года, на протяжении которых Япония знала блестящие победы и сокрушительное поражение в войне, пережила оккупацию и превращение страны во вторую экономическую сверхдержаву, безусловно, чрезвычайно сложно дать однозначную оценку. Впрочем, более важно то, как трансформировалось понимание значения императора в структуре государственной власти.

В 30-е годы концепция *кокутай* была оформлена в документе «Основные принципы *кокутай*». Они «окончательно сформулировали, так сказать, идеологические и политические правила игры, отступление от которых более не допускалось или по крайней мере было наказуемо по всей строгости. Это был своего рода сакральным и идеологическим кодекс императорской системы, выработанный на основе как традиционалистской философии и идеологии и всего исторического опыта японской идеи, так и конкретных политических и идеологических событий и движений последних лет. Кодекс стал обязательным для всех, включая самого императора, который отныне фактически был обязан соизмерять с ним все свои действия... Он был не только не свободен во многих своих действиях, но добровольно выбрал эту несвободу и принял на себя всю ответственность за нее», — пишет отечественный японовед В.Э.Молодяков²¹.

С этим мнением вполне можно согласиться. Вспомним лишь два факта: когда император решил принять ультиматум союзников и объявил о безоговорочной капитуляции и когда после поражения во второй мировой войне он принял на себя ответственность за все происшедшее и сделал это вопреки мнению своего ближайшего советника маркиза Кидо Коити. Из воспоминаний последнего известно о секретной встрече (кроме участников присутствовал только переводчик императора) Хирохито и генерала

²¹ Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии, с. 90, 91.

Макартура по просьбе первого 27 сентября 1945 г. «Я пришел к Вам, генерал Макартур, — сказал император, — чтобы предать себя в руки правосудия тех держав, которые Вы представляете, как единственный человек, на котором лежит ответственность за каждое принятое военное и политическое решение и за каждое деяние, совершенное моим народом в течение войны. Что касается моей личной судьбы, то это не имеет значения. Я отдаю себя в Ваши руки. Я приму любое решение»²². Такая позиция императора произвела сильное впечатление на полновластного хозяина побежденной Японии, и он не только проводил его до автомобиля, но и позднее в своих мемуарах назвал его «первым джентльменом Японии»²³.

Немаловажную роль в том, что император не был признан военным преступником, сыграло его новогоднее обращение к нации 1 января 1946 г., известное как «Декларация человека» («*Нингэн сэнгэн*»). Это был совместный американо-японский документ, который предопределил стратегию сохранения института императора. В этом обращении император Хирохито публично отказался от своего божественного происхождения, т.е. сменил статус «живого бога» на статус обычного человека. Он, в частности, заявил: «Связи между мною и моим народом всегда основывались на взаимном доверии и взаимной любви. Эти отношения не зависят лишь от легенд или мифов. И они не основываются на ложной концепции, что император является божеством и что японцы — высшая раса, предназначенная повелевать миром»²⁴.

Однако самым главным в этом обращении был не отказ от божественного происхождения императора, а утверждение, что монархия в Японии совместима с демократией еще со времен клятвы императора Мэйдзи 1868 г. (имелось в виду обещание созвать публичные собрания и решать административные дела по общему согласию). Эту мысль император Хирохито развил на одной из пресс-конференций в 1977 г., заявив, что в его новогоднем обращении 1946 г. «главным была Императорская клятва из пяти статей, а вопросы о его божественном происхождении и другие были вторичными. Причина, по которой я обратился к клятве, — сказал он — состояла в том, что в то время, когда в Японии была сильная власть Соединенных Штатов и других иностранных государств, я был очень обеспокоен тем, что японский народ подвергнется и *

сильнейшему влиянию. Мы приняли демократию, потому что это было желание императора Мэйдзи... Конституция Мэйдзи была выстроена на этой основе, и поэтому я думаю, что было крайне необходимо показать, что демократия не является чем-то импортированным»²⁵.

Содержательная сторона новогоднего обращения императора была высоко оценена в США. Газеты писали, что этим выступлением император заявил о себе как о величайшем реформаторе в истории Японии, что оно открыло путь для политических реформ, которые могут превратить Японию в подлинно конституционное государство, и что оно означает переход Японии от 'восточной деспотии' к современной демократии²⁶. Думается, однако, что самым важным было то, что и император, и правящая элита в тяжелейших условиях оккупации и краха милитаристской идеологии сумели найти путь сохранения преемственности японской государственности.

Вопрос не только о личной судьбе Хирохито, но и о существовании императорской системы решался в США еще задолго до окончания войны, победа американцев в которой уже была предопределена. Существовало два полярных мнения — за и против сохранения этого института. Представители первой группы, идеологом которой был бывший посол США в Японии (1932-1942) Дж.Грю, полагали, что необходимо сохранить монархию как гаранта спокойствия и мира в стране после капитуляции. «Императорский трон, — писал Грю, — единственный краеугольный камень, на котором можно выстроить что-то здоровое в будущем. Что касается нынешнего императора, то он, конечно, должен понести ответственность за войну. Но я имею все основания полагать, что лично он был против того, что произошло, и делал все возможное, что было в его власти, чтобы избежать этого»²⁷.

Дж.Грю, будучи знатоком Японии, учитывал социопсихологические особенности японского народа. Император, считал он, как харизматическая личность способен сыграть ключевую роль в прекращении сражений на полях войны и в сравнительно безболезненном принятии безоговорочной капитуляции. Тем самым, по его мнению, можно было избежать хаоса в стране. Дж.Грю принимал во внимание и тот факт, что император, несмотря на

²² *Isamu Kanaji*. Hirohito. Japan's Compassionate Emperor, p. 27.

²³ *MacArthur A.* Reminiscences. 1964.

²⁴ *Isamu Kanaji*. Hirohito. Japan's Compassionate Emperor, p. 96.

²⁵ *Такахаси Хироси*. Хэйка-о тадзунэ мосиагэмас (Ваше величество, разрешите обратиться). Токио, 1988, с. 252-253.

²⁶ *Nakamura Masanori*. The Japanese Monarchy. L, 1992, p. 112.

²⁷ Цит. по: *Nakamura Masanori*. Op. cit., p. 18-19.

отделение религии от государства и запрещение государственно-го *синто*, оставался первосвященником. А ведь *синто*, как известно, это традиция, это форма мироощущения и мировосприятия народа, а потому народный *синто* невозможно отменить какой-либо директивой.

Часть сторонников сохранения императорской системы настаивала на весьма серьезных ограничениях власти императора и его функций. Другими словами, речь шла о конституционной монархии западного типа. Эту точку зрения разделял, в частности, крупнейший специалист по проблемам Японии Дж.Сэнсом, который сказал, что отнюдь не будет удивлен, если при благоприятных условиях японцы создадут более современный демократический тип конституционной монархии²⁸ (и он не ошибся!).

Мнение противников сохранения императорской системы в США пользовалось поддержкой со стороны Советского Союза, Китая, Австралии, Новой Зеландии, а также некоторых политических сил в самой Японии²⁹. Однако при принятии Конституции 1947 г. возобладала точка зрения о необходимости сохранения института императорской власти в политической системе, правда с серьезными коррективами. В ст. 1 Основного закона было записано: «Император является символом государства и единства народа, его статус определяется волей всего народа, которому принадлежит суверенная власть»³⁰. Таким образом, в политической системе современной Японии были соединены институт феодального происхождения (монархия) и главный постулат демократии — принадлежность суверенитета народу.

Разрабатывая проект новой японской конституции в части, касавшейся императорской системы, эксперты из штаба оккупационных войск в значительной степени ориентировались на английскую модель конституционной монархии. В Великобритании монарх продолжал оставаться главой государства, но постепенно произошло «отчуждение» короля от кабинета, что способствовало сосредоточению функций по руководству исполнительной властью в руках премьер-министра. Правительство стало действовать от имени «Его величества», но фактически самостоятельно. Положение монарха было определено максимой «король царствует, но не управляет». При отсутствии писаной конституции пре-

²⁸ Op. Cit., p. 24.

²⁹ Подробнее см.: **Латышев И.А.** Конституционный вопрос в послевоенной Японии. М., 1959.

³⁰ Современная Япония. М., 1973, с. 756.

делы власти короля или королевы четко не обозначены и определяются установившимися политическими обычаями. Хотя за британским монархом формально сохраняется право абсолютного вето, роспуска парламента и назначения премьер-министра, длительная политическая практика свела эти прерогативы к «праву давать советы, праву одобрять и праву предостерегать».

Японская традиция отношения к императору, отразившаяся в конституционной формулировке «император является символом государства и единства народа», в принципе уже не требовала введения понятия «глава государства». В Японии император всегда воспринимался как символ единства народа, поскольку он осуществлял важнейшие религиозные и государственные ритуалы и символизировал национальную гармонию. Его власть базировалась на иррациональном, но чрезвычайно важном социальном аспекте *синто* — культе предков. Таким образом, для японцев слово «символ» в новой конституции не было чем-то привнесеным извне. Оно уходило корнями в глубину японской истории. А потому император был символом только для японцев и никогда не выступал в таком качестве для других народов, входивших в свое время в состав японской империи.

В новой японской конституции были четко прописаны все положения, касавшиеся императора. В частности, в ст. 3 говорилось: «Все действия Императора, относящиеся к делам государства, могут быть предприняты не иначе как с совета и одобрения Кабинета, и Кабинет несет за них ответственность», а в ст. 4 указывалось: «Император осуществляет только такие действия, относящиеся к делам государства, которые предусмотрены настоящей Конституцией, и не наделен полномочиями, связанными с осуществлением государственной власти». При этом в основном законе были определены все прерогативы императора (ст. 7)³¹.

После поражения в войне отношение японцев к своему императору оставалось незыблемым. Подтверждением тому может служить успех поездок Хирохито по стране, который начиная с февраля 1946 г. в течение восьми лет объездил фактически всю Японию. При этом он действовал вопреки мнению штаба оккупационных войск, полагавшего, что подобные мероприятия подорвут престиж императора в глазах народа.

Действительно в истории, пожалуй, не было случая, чтобы монарх поверженной страны встретил достаточно доброжелатель-

³¹ Там же, с. 757.

ное отношение со стороны своего народа. Но в случае Японии это не вызывает удивления, ибо такое отношение к императору опирается на социально-психологические особенности и менталитет японцев. Эти поездки использовались японской правящей элитой вполне осознанно, так же как в свое время это было сделано после реставрации Мэйдзи. И хотя ситуация на этот раз была совершенно иной, этот прием вновь привел к политическому успеху.

К слову сказать, использование визитов императора в настоящее время является «козырной картой» японской внешней политики, в которой они символизируют самый высокий уровень контактов с той или иной страной. Начало было положено визитом императорской четы в европейские страны в 1971 г. и в Соединенные Штаты в 1975 г. Подобная практика продолжается и в отношении поездок ныне здравствующего императора Акихито. Он объездил всю страну, за исключением пяти префектур, и посетил с официальным визитом восемь стран³². Он побывал в Китае и в ряде стран Юго-Восточной Азии. Другими словами, став полноправным членом западного сообщества, Япония как бы вновь возвращается в Азию. При этом, учитывая историческую память азиатских народов в отношении японского империализма, для визитов были выбраны страны, где ожидался наиболее благоприятный прием (например, Малайзия, но не Южная Корея).

В целом в Японии проводится целенаправленная политика сохранения в сознании народа идеи о том, что император является символом нации, мерилем нравственных идеалов и хранителем преемственности поколений. Она вызывает неоднозначную реакцию в обществе, но на нее работают все средства массовой информации, постоянно поддерживая интерес к институту императора. Особенно наглядно это проявляется во время таких эпических событий в жизни императорской семьи, как свадьба кронпринца, похороны императора Сева (Хирохито) и коронация Акихито, проведенных с соблюдением древних ритуалов. В то же время постоянно подчеркивается, что члены императорского дома живут той же жизнью, что и миллионы японских семей с их радостями и горестями. Другими словами, проводится «демократизация» образа императора и самого института императорской власти.

Для восстановления прерванной в 1945 г. традиции летосчисления по годам правления императора (*нэнго*) в 1979 г. был при-

³² Ёмиури симбун. 12.11.1999.

нят закон о ее официальном признании. Движению за принятие такого закона был придан характер всенародной кампании, организованной снизу (движение «корни травы»). Безусловно, введение *нэнго* работает на повышение авторитета императорской системы.

Одновременно в сознании японцев культивируется новый стиль жизни императорского дома эры Хэйсэй («Установление мира»), соответствующий современной эпохе демократической конституции и высокоразвитого информационного общества. Это дает свои результаты. Согласно опросу общественного мнения, проведенному газетой «Асахи симбун» в 1989 г., император Акихито, который заявляет о себе как о приверженце «демократической пацифистской монархии», получил выражение «любви» от 70% респондентов и «уважения» — от 17%. А годом раньше любовь по отношению к императору Сева выразили лишь 35% респондентов³³.

В немалой степени благожелательное отношение к императору подпитывается системой морального воспитания в общеобразовательной школе. Ему придается чрезвычайно большое значение начиная с 60-х годов, когда была разработана программа формирования «желательного образа человека» (*китайсарэру нингэндзо*), которая стала теоретической и философской основой идеологического воспитания подрастающего поколения. В этой «Программе» в отдельный параграф было выделено воспитание уважения к государственным символам. А коль скоро император является «символом государства и единства нации», то каждый японец должен любить и уважать императора, и это неотделимо от любви к самой Японии.

Другие государственные символы: флаг *хи-но мару* и императорский гимн *кими-га ё* — после войны были отвергнуты как символы агрессии и милитаризма. Однако буквально с первых мирных лет развернулась сначала достаточно ограниченная, но постепенно набиравшая силу кампания за их восстановление. Она увенчалась успехом — в 1999 г. парламент принял соответствующий закон об их официальном признании в качестве государственных символов. Но путь к этому был долгим и болезненным. Он проходил через ненавязчивое возвращение традиционных ритуалов (поднятие флага, исполнение гимна) во время официальных церемоний, например по случаю окончания учебного

³³ Ёмиури симбун. 10.01.1989.

года в школах. В 1999 г. гимн во время церемонии исполнялся в 90,5% начальных школ, в 87,1% — средних и в 83,5% — средних школ второй ступени, а флаг поднимали в 98% школ. Это исподволь воспитывало в детях лояльность по отношению к императору и к государственным структурам. Так было, и так, пожалуй, будет.

ТРАДИЦИЯ В ПОЛИТИКЕ И ПРАВЕ ЯПОНИИ: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

В сегодняшней России много говорят и пишут о традициях — утраченных, подлежащих возрождению и даже возрождаемых, создаваемых вновь. Для российского японоведа вопрос о японских традициях имеет двойной интерес: и чисто профессиональный, связанный с возможностью открыть еще нечто новое в прошлом и настоящем изучаемой страны, и «специфически российский», подогреваемый надеждой найти что-либо полезное для сравнения.

В настоящей работе рассматривается японская традиция в политике и праве. Совместное рассмотрение политической и правовой традиций основано на взаимной близости областей политики и права и оправдано уже потому, что историческое предназначение права «состоит в конечном итоге в утверждении в жизни людей свободы каждого человека в ее глубоком, истинно человеческом смысле и значимости»¹.

Постановка вопроса

Довольно часто встречается мнение (в том числе и в Японии), что сила японских традиций тормозит общественный прогресс и заставляет социум постоянно находиться на стадии, уже пройденной передовыми странами. Да, признают сторонники этой точки зрения, оковы традиций позволяют направить национальный человеческий потенциал мощным потоком в ограниченное русло, благодаря чему в Японии достигнуты выдающиеся экономические результаты. Но, продолжают они, эти успехи оплачены ограниченностью запросов и устремлений человека, отсутствием взлета мысли и духа.

¹ **Алексеев С.С.** Право: опыт комплексного исследования. М., 1999, с. 452.

Считается, что одной из важнейших черт общественно-политической жизни японцев является группизм. В качестве его следствий (или предпосылок, или составных элементов) обычно называют недостаток индивидуализма, личностного самосознания, слабость представлений о правах человека и неготовность бороться за них. В правовой жизни наиболее существенной чертой (или комплексом близких друг к другу черт) считается тенденция разрешать споры без обращения к закону и суду, путем примирения сторон, предпочтение не акцентировать внимание на интересах и правах индивида. Как видно, группизм присутствует и в политической, и в правовой сфере и может рассматриваться как важная японская традиция, явно противоречащая современным западным представлениям о правах человека и праве вообще.

Однако преобладание негативного отношения к японской традиции в политике и праве проистекает из одномерного, плоского видения этого явления, которое в действительности многомерно и сложно.

Традиция, взятая в целом, это «способ бытия и воспроизводства элементов социального и культурного наследия, фиксирующий устойчивость и преемственность опыта поколений, времен и эпох»². Ценность традиции в поддержании связи настоящего с прошлым, в сохранении исторического наследия. В ней собрано все богатство норм поведения, форм сознания и институтов человеческого общения, она живет во всех сферах человеческой деятельности и активно используется в различных областях знания.

Сила и устойчивость традиции состоят в том, что она присутствует в жизни без какого-либо «разрешения», естественным образом. Но традиция может выступать не только как «необходимое условие сохранения, преемственности и устойчивости человеческого бытия, предпосылка и конституирующее начало формирования идентичности человека, группы или целого социума», но и в качестве «консервативной, ретроградной силы на пути становления нового, более прогрессивных форм и норм жизни»³. В идеальной ситуации традиция осовременивается, инновация включает в себя традиционный элемент.

² Толстых В.И. Традиция. — Политическая энциклопедия. М., 1999, с. 508-509.

³ Там же.

Традиция в политике

История Японии показывает всю сложность сочетания традиций и новаций в политической жизни страны и подтверждает мысль о недопустимости механистического разделения или противопоставления этих двух начал.

Автору уже доводилось писать о том, что картина японского общества и государства в период до 1945 г. зачастую рисуется в чрезмерно мрачном свете⁴. Между тем, принимая во внимание все конкретно-исторические ограничения и всю условность предлагаемой формулировки применительно к давним этапам истории, есть основания утверждать, что в политическом развитии Японии весьма рано сформировалась гуманистическая и демократическая традиция. Во всяком случае гуманное отношение к человеку, обращение с низами общества не как с неодушевленными орудиями бытовало в стране и в домэйдзийский период⁵.

Непосредственно после реставрации Мэйдзи (1868) формирование и развитие политической мысли в Японии было обусловлено двумя факторами: во-первых, влиянием идеологии императорского строя, ставшей основой противостояния угрозе колонизации со стороны западных держав, и, во-вторых, спецификой традиционного группизма, адаптировавшегося к новым условиям жизни социума в период ускоренной модернизации. В результате сложившаяся модель политической мысли выстраивалась не только по оси противостояния «прогрессивность-консерватизм», как на Западе, но и по осям «вестернизация — сохранение и укрепление национальных начал государственности», «реформаторские идеалы обновления — практицизм бюрократического толка» и др.

Со второй половины 1920-х годов, по мере развития внутривнутриполитического кризиса и поворота к агрессивной политике на международной арене, эта модель, хотя и сохранила в себе «реформаторские идеалы обновления», не стала препятствием для повсеместного насаждения государственнической концепции *кокутай* и для развития воинственного национализма и милитаризма.

⁴ См., в частности: **Еремин В.Н.** Японская демократия как самобытный продукт мировой политической цивилизации. — Япония и глобальные проблемы человечества. М., 1999.

⁵ См., например: **Оиси Синдзабуро.** Эдо дзидай (Эпоха Эдо). Токио, 1994, iv-v.

Послевоенный период в Японии поначалу характеризовался хаотическим состоянием социальной структуры в условиях иностранной оккупации, а также острой реакцией социума на разрушительные последствия политики милитаризма прошлых лет. На этой почве традиции порой отождествлялись с прежней реакционной политикой, а гуманистический потенциал пришедших с Запада идей зачастую сильно преувеличивался. В ходе послевоенных реформ для японцев «Америка осталась моделью осуществления индивидуальных свобод, символом модернизации. Они увидели одну сторону монеты — современные ценности. Другая сторона — ценности традиционные, которые американцы ревниво охраняют, — осталась незамеченной»⁶.

На завершающем этапе оккупации к активной деятельности вернулись политики военного времени, которые до того были поражены в правах. Одновременно с восстановлением государственного суверенитета Японии консервативные политические силы начали настаивать на корректировке результатов послевоенных демократических реформ, в том числе на изменении конституции. Левые партии определили эту тенденцию как «обратный курс» и идентифицировали себя в качестве реформаторских сил, выступающих под знаменем «мира, демократии и прогресса».

Таким образом, в послевоенной политике сформировалась ось противостояния «консерватизм-реформаторство», разделившая надвое политическую идеологию, теорию и практику в стране. При этом под «консерватизмом» понимались концептуальные и конкретные требования сохранить основы традиционного японского группизма, возродить национальную идеологию, в которой центральное место отводилось бы императору, усилить военный потенциал страны, подчеркнуть обязанности граждан перед государством и ограничить права личности их соответствием «общественному благу». В противоположность этому «реформаторство» в тогдашней Японии означало поддержку послевоенных реформ, способствовавших развитию индивидуализма, стремление воспрепятствовать возрождению императорской системы довоенного образца и вооруженных сил, признание приоритета не обязанностей гражданина перед государством, а закрепленных новой конституцией прав индивида. Сложилась парадоксальная ситуация, при которой консервативные политические силы, бывшие опорой существующего режима, требовали перемен в духе «обрат-

ного курса», а реформаторские партии, будучи противниками существующего режима, фактически выступали за консервацию результатов реформ оккупационного периода.

Начавшийся со второй половины 1950-х годов быстрый экономический рост и произошедшая в рамках этого процесса деградация группистского социального порядка существенно трансформировали ось противостояния в политическом сознании японцев. Консервативные партии стали проявлять большую гибкость в своих требованиях возврата к довоенным моральным ценностям, изменения конституции и т.п. По существу, признав послевоенный порядок, они сделали стержнем своей идеологии лозунг строительства «богатого общества». Одновременно символы «мира и прогресса», выдвигавшиеся левыми силами, утратили свою привлекательность, и реформаторские политические партии по мере размывания их идеологии стали фактически превращаться в группы давления, требовавшие от правительства удовлетворения интересов базовых для них социальных групп. В 1960-х годах этот процесс привел к стабилизации консервативного господства и развитию многопартийности в рядах реформаторских сил. Часть отвернувшегося от них населения, в особенности средние городские слои, выработали собственное политическое сознание гражданского типа, проявившееся в форме местных гражданских движений.

По мере того как высокие темпы роста экономики делали контуры «богатого общества» все более ясными, опросы общественного мнения стали показывать рост числа людей, относящих себя к средним слоям. Вопрос о японо-американском договоре безопасности и силах самообороны перестал раскалывать японский народ, и со второй половины 1960-х годов восстановилась общественная поддержка консервативных партий. Правда, в 1970-х годах она несколько сократилась из-за экологических проблем, нефтяных кризисов, быстрого роста инфляции и коррупционных скандалов в правящей элите страны («дела Локхид» и т.п.). В то же время возникли такие примечательные явления, отразившие становление в Японии «богатого общества», как развитие пассивного политического сознания, выражающегося в неоказании поддержки ни одной из политических партий, а также сильный рост политической индифферентности среди молодежи. Все это стало причиной больших колебаний в проценте голосов, отдаваемых за консервативные партии на выборах, несмотря на повсеместное распространение консервативного политического сознания.

⁶ *Сажи Кэйси*. Каково быть младшим партнером. — Япония сегодня. 2000 январь, с. 5.

В рассуждениях как иностранных, так и японских исследователей о проблемах демократии в Японии нередко можно найти утверждения об ущербности этой демократии и даже сомнения в ее существовании вообще. Основанием для них служит то, что весьма важным признаком демократии является возможность каждого гражданина участвовать в отправлении власти через свободное изъявление своей индивидуальной политической воли, а в Японии, мол, такая свобода индивида резко ограничена жесткими рамками групповой принадлежности.

Такие утверждения логически вытекают из подхода к изучению природы политической и правовой культуры Японии, основанного на противопоставлении ее основополагающих элементов традиционного и заимствованного происхождения. В случае политики противопоставляются традиционный группизм и заимствованный индивидуализм политического поведения, в случае права — традиционное стремление к разрешению дел путем межличностного соглашения и заимствованный способ, предусматривающий обращение в суд. В первом случае утверждается, будто группизм как консервативное или конформистское начало препятствует развитию индивидуализма как залога демократии, в результате чего Япония в своем движении к развитому демократическому обществу отстает от передовых стран Запада. Во втором случае выдвигается тезис, что стремление избегать судебных процедур ведет к умалению авторитета права и служит тормозом на пути к правовому государству, что также ставит Японию на ступень ниже западных стран.

Такой подход представляется ошибочным. Японское общество отмечено ярко выраженной способностью к включению иностранных заимствований в общую систему материального и духовного национального достояния. Группизм и индивидуализм в политическом поведении японцев также выступают в синтетическом единстве, взаимно окрашивая друг друга и вместе превращаясь в основу политической стабильности японского общества. Точно так же неправовой и правовой варианты разрешения конфликтов в Японии не только не вступают в противоречие, но успешно взаимодействуют, взаимно дополняя друг друга и образуя органически целостный фундамент социальной стабильности. Таким образом, механистическая попытка противопоставить традиционные и заимствованные элементы политического и правового поведения японцев грешит недооценкой важных национальных особенностей японского общества.

Противопоставление индивидуализма и группизма в политической жизни Японии, по-видимому, связано с недостаточно гибким использованием некоторых общеполитологических категорий. В особенности недостает учета двух взаимосвязанных аксиоматических положений: во-первых, того, что индивид, как правило, выражает свою политическую волю в контексте коллективной воли той или иной группы; во-вторых, того, что субъектами политического процесса являются не только собственно политические институты, но и иные социальные формирования.

Политический группизм практически всегда противоречит политическому индивидуализму, и не следует делать из этого трагедию. Коллективное сознание совокупного субъекта политики «может в известной степени противостоять личностному сознанию индивидов, представленных в социальной группе или организации и вынужденных считаться с совместно выработанными требованиями, принципами и ограничениями»⁷. Надо полагать, что многие участники совокупного субъекта сознательно жертвуют какой-то частью своих индивидуальных притязаний, поскольку именно «потребность в общем действии на основе солидарности между людьми, которые обладают одинаковыми интересами, является силой, приводящей к созданию самых разных организаций»⁸.

Что же касается воздействия на политическое поведение индивида со стороны институтов, не относящихся к субъектам политики в прямом смысле слова, то оно хорошо заметно на примере политической социализации. Ее институтами являются наряду с другими семья, школа, профессионально-технические и средние технические учебные заведения, вузы, трудовой коллектив, формальные и неформальные возрастные группы, средства массовой коммуникации, причем «центральной институтом ранней стадии политической социализации индивида была и остается семья»⁹.

Для российского японоведения характерна определенная недооценка политической роли не «чисто» политических институтов, что, возможно, свидетельствует об отставании отечественной политологии от современного этапа развития. В ней уже широко признано, что «парадигма человеческого измерения политики предполагает снятие редукционизма классового и формационно-

⁷ Грачев М.Н. Политическая система общества. М., 1997, с. 3.

⁸ СанистебанЛ.С. Основы политической науки. М., 1992, с. 68.

⁹ Щегорцев В.А. Политическая социализация личности. — Политология. М., 1993, с. 143.

го подходов, сопряжение их с цивилизационно-культурологическим анализом оснований политического бытия, рассмотрения личности в качестве первичного субъекта политических отношений, изучения отражения и выражения в ней всей реальной совокупности общественных отношений. Принципиальное значение приобретает анализ личностного фактора в обществе. Меняется сам алгоритм политических исследований. Вместо «массы-классы-партии-вожди» выдвигается «человек — семья — социальные группы — этническая общность — цивилизация — субкультура — гражданское общество — политическая система — политическая жизнь — личность в политике»¹⁰.

Одним из наиболее существенных компонентов содержания политической социализации индивида являются политический опыт и политическая традиция: «Особое внимание политическая культура акцентирует на степени усвоения человеком имеющегося в обществе политического опыта, традиций, реализация которых обеспечивает преемственность политической жизни». При этом свобода в оценках не только не конфликтует с традициями, но, напротив, способствует наиболее полному усвоению их: «Любое ограничение прав и возможностей личности в самостоятельной переработке общественного богатства, ценностного освоения общественного опыта уменьшает роль традиций и в политическом поведении индивида, и в политической жизни общества»¹¹.

Есть только одна альтернатива приятию национальной специфики каждой политической культуры или национального преломления глобальных политических закономерностей и политического опыта — требование безликой схожести всего и вся в данной сфере. Здесь уместно вспомнить высказанные по другому поводу слова В.С.Нерсисянца, который, назвав правовую культуру «плодом окультуренного дерева», посоветовал «людям и народам, возжелавшим вкушать такой редкий плод... в трудах и муках, упорно и настойчиво, осознанно и терпеливо возделывать в себе, для себя и у себя свой сад правовой культуры, растить свое дерево свободы. Чужими плодами здесь сыт не будешь»¹².

¹⁰ Ирхин Ю.В. Введение в политологию. М., 1995, с. 67. О процессе политической социализации японцев, начиная с первичного (внутрисемейного) этапа, см.: Еремин В.Н. Политическая система современного японского общества. 2-е изд. М., 1993, с. 170.

¹¹ Основы политологии. М., 1992, с. 168.

¹² Нерсисянец В.С. Философия права. М., 1999, с. 43.

Политическая история японского общества не привела к абсолютному «выбрасыванию за борт» группистского наследия политической жизни домэйдзийской Японии, связанного с наследственным характером власти в центре и на местах, с патерналистскими стереотипами вассалитета, с жестко зафиксированными конструкциями отношений в семье — ячейке первичной политической социализации и т.п. В сегодняшней Японии такие социальные формирования, как семья, локальное сообщество, внутрифирменный коллектив и т.п., являющиеся носителями традиционного группизма и не принадлежащие к собственно политическим институтам, дополняют политическую активность партий, партийных фракций, парламентских депутатских объединений и др. В то же время эти неполитические социальные формирования напрямую влияют на политическое (главным образом электоральное) поведение члена общества.

Политический процесс в Японии буквально пропитан традиционными элементами. Вступление на трон нового императора сопровождается ритуалом *дайджэсай*, который лежит за рамками официальной церемонии и берет свое начало в древних синтоистских обрядах¹³. Решение о роспуске палаты представителей парламента принимает кабинет министров, но процедурно роспуск осуществляется по императорскому акту, который торжественно вносится в зал заседаний палаты, завернутый в фиолетовый бархат: фиолетовый цвет — олицетворение мудрости, бархат — воплощение мягкости, терпимости. В центральном холле японского парламента установлены четыре пьедестала, три из которых занимают статуи Ито Хиробуми, Окума Сигэнобу и Итагаки Тайсукэ, а четвертый свободен, что должно оживлять в памяти законодателей примеры прошлого и стимулировать их стремление стать достойными этих примеров¹⁴. В ряде мест существует неформальный институт «депутатов парламента по наследству» (*сэсю-но гиин*), когда раз за разом в одном и том же избирательном округе избирают депутатов из одной и той же семьи (*нисэй гиин*, *сансэй гиин* и т.д.), от одного и того же объединения и т.п.¹⁵.

Не будет преувеличением сказать, что образы прошлого, «аромат» традиции постоянно присутствуют в повседневной политической жизни японцев. На состоявшемся 22 сентября 1993 г.

¹³ См.: Синто дзитэн (Словарь *синто*). Токио, 1999, с. 227.

¹⁴ См.: The National Diet of Japan. The House of Representatives. Tokyo, 1991.

¹⁵ См.: Гэндай ёго-но киси тисики (Основы знаний современной терминологии). Токио, 1999, с. 698.

брифинге известного политического обозревателя Морита Минору, посвященном деятельности кабинета Хосокава Морихиро, была высказана мысль, что «традиция японской централизованной бюрократической системы состоит в том, чтобы не признавать ошибки публично». Там же прозвучало и сравнение руководителей государственных ведомств, поющих дифирамбы премьер-министру, с льстецами (отя *бодзу*) эпохи Эдо¹⁶. В другом случае Морита утверждал, что видный политический деятель Одзава Итиро непременно потерпит поражение, если выступит против Такэсита Нобору, во фракцию которого он когда-то входил, ибо нарушит обет верности младшего по отношению к старшему. После того как премьер-министр Хасимото Рютаро начал административно-финансовую реформу, в газетах писали, что в новой структуре правительства будет восемь министерств, поскольку в древнем японском государстве *рицурё* высший государственный орган *дадзёкан* включал восемь ведомств *сё* (пишется теми же иероглифами, что и сегодняшнее министерство).

Конечно, вектор развития японского группизма состоит в его постепенном ослаблении. Однако этот процесс протекает со скоростью, не превышающей скорость трансформации всего населения земного шара в единую нацию. Можно сказать, что в традиционный группизм проникают зерна индивидуализма или что распространяющийся индивидуализм включает в себя что-то от группизма. Но, скорее всего, из них формируется нечто среднее, синтетическое и во всяком случае нечто вполне японское.

Нельзя не замечать того, что в современной Японии группистские ориентации в политической жизни имеют целый ряд позитивных последствий. Это осознанная верность лидерам и программам, дисциплина внутри группы и умение ее отдельных членов поступиться личными интересами ради групповых, глубокие прямые и обратные связи между депутатами и электоратом, коллегиальность принятия решений, аккумуляция мнений широкого круга причастных лиц, уважение парламента как выразителя воли самой большой социальной группы — всего общества и т.д.

Нет никаких существенных симптомов того, что группизм в его сегодняшнем варианте наносит ущерб демократии в Японии. Прочность и активность японской демократии неоднократно демонстрировались в последнее время, особенно с 1993 г., когда

¹⁶ См.: **Морита Минору**. Хосокава сэйкэн-но кадай (Задачи власти, возглавляемой Хосокава). Токио, Foreign Press Center, октябрь 1993, с. 4, 9.

народ и отстранял от управления страной правящую партию, казалось бы заслужившую его доверие, и снова вручал ей кормило власти, и поднимался на массовую поддержку провозглашенных этой партией реформ.

Можно лишь удивляться и радоваться тому, что в современной российской политологии иногда возникает умозрительное, идеальное видение некоторых аспектов демократии, уже давно традиционно присущих ее японскому варианту. Так, О.С.Анисимов указывает, что одним из оснований демократии является «всепроникающая согласованность и, следовательно, понимание версий друг друга, заимствование позиций, открытость к иному, чем подготовлено, к длительности согласования, осторожность совмещения эффективности и длительности полемики, осознание роли критериев в полемике и т.д. Исходя из этого многообразия побудителей к утончению процедур и взаимной координации, сложности самих содержаний и их многообразности, большого объема, согласователи стоят перед необходимостью максимального культурно-духовного развития»¹⁷. Вышеизложенное, естественно, вызывает аналогию с японскими понятиями *ринги*, *нэмаваси*, *харагэй*^{TM}.

К сожалению, в российском японоведении почти нет специальных исследований традиций в контексте политической жизни Японии. Тем более есть смысл остановиться на одном из них.

Б.В.Поспелов в работе, посвященной идеологической ситуации вокруг проблемы «человек-общество-государство» в современной Японии¹⁹, для ее адекватного понимания считал необходимым привлечь материалы о «значении и роли традиций в духовной жизни страны в послевоенные десятилетия». По его словам, «взгляды, сложившиеся в прошлом, наложили свой отпечаток на восприятие и понимание ценностей, пришедших с Запада после второй мировой войны. В отдельных случаях даже трудно было провести грань между тем, что в заимствованных понятиях действительно является новым, а что идет от представлений, ук-

¹⁷ Анисимов О.С. Введение в политологию. М., 1991, с. 74.

¹⁸ *Ринги* — предварительное согласование мнений, *нэмаваси* — особо тщательное согласование на самом начальном этапе, *харагэй* — предоставление каждому участнику возможность выразить его точку зрения. См.: **Еремин В.Н.** Политическая система, с. 114.

¹⁹ **Поспелов Б.В.** Теории социальных отношений и некоторые черты социальной политики в Японии. — Опыт Японии в решении социально-экономических проблем. М., 1995, с. 158-162.

ренившихся на заре формирования Японии как современного общественного организма».

В рассматриваемой работе японские традиции делятся на две группы — традиции первого и второго порядка.

В качестве традиций первого порядка, «восходящих к предсовременному периоду», рассматриваются «основные компоненты традиционного мироощущения японцев, основанного на синтоизме, конфуцианстве, *бусидо* и других идеологических системах», которые «предрасполагали и продолжают предрасполагать, хотя и в разной степени, к принятию и поддержанию принципа группизма».

К традициям второго порядка Б.В.Поспелов отнес «некоторые теории и взгляды нового времени, ставшие известными японскому обществу в период, предшествующий второй мировой войне» (под ним подразумеваются эры Мэйдзи и Тайсё и начальные годы эры Сева). «Период первой интенсивной разработки и усвоения новых философских, социальных и политических концепций о сущности человека и его отношении к обществу и государству падает на годы Мэйдзи. В данном случае роль главного двигателя научных, гуманистических знаний сыграло японское просветительство, распространившее исходную информацию о современных теориях общества. В сфере массового сознания новые воззрения проявились в приверженности многих японцев того времени идеям движения за свободу и права народа. Период Тайсё и первых годов Сева ознаменовался дальнейшим развитием японских общественных наук, включая их гуманистическое направление. В них был представлен, по существу, весь основной спектр идей и концепций, разработанных в мире, но по-разному воспринятых интеллектуальным авангардом».

По мнению Б.В.Поспелова, в обозначенный выше период были сформулированы точки зрения, концепции и доктрины, которые явились «творческими достижениями» и «вкладом в теоретическую мысль страны». После войны результаты этого труда были востребованы в качестве продуктивной традиции, они подготовили «научный мир и общество в целом к принятию новых взглядов, утвердившихся здесь в послевоенный период под влиянием Запада». Теоретическое наследие и традиции, сформировавшиеся в прежнее время, «вошли в качестве основных компонентов в доктрины и концепции послевоенной Японии», утверждающие «феномен человека как изначальной субстанции трехчленной структуры всего общественного организма (а они покоятся на безусловной ценности индивида)».

Непрерывная связь традиции и современности, сопровождаемый отбором и адаптацией переход позитивных накоплений прошлого в настоящее говорят в данном случае о совершении «единого движения общественной мысли в сторону гуманистического толкования проблемы человек-общество-государство». В целом «духовная жизнь японского общества послевоенных десятилетий была отмечена возросшей устремленностью к утверждению самоценности человеческой личности, возвышению ее интересов, защите ее гражданских прав».

К сожалению, традиции первого порядка характеризуются Б.В.Поспеловым лишь негативно. По его мысли, в современном японском обществе эти традиции тормозят социальный прогресс, конструируя с традициями второго порядка. Однако под воздействием факторов общественного развития они трансформируются, приспособляются к прогрессу и их негативная роль ослабевает.

Безвременная кончина Б.В.Поспелова прервала его исследования в этой области. Как знать, может быть, он не только пришел бы к признанию позитивной составляющей содержания «традиций первого порядка», но и нашел бы в них то, чего не хватает нашему сегодняшнему обществу. Подобное сравнение оправдывается, как ни странно это может прозвучать, определенным сходством русского и японского менталитета, поведенческих стереотипов обоих народов и т.п. Разве не ощущается что-то напоминающее японский группизм в идее русской соборности или в концепции солидаризма российского ученого начала XX в. И.А.Покровского, суть которой «в необходимости органического соединения свободы каждого человека и солидарности между людьми»²⁰?

Традиция в праве

Проблема консерватизма и обновленчества актуальна для исследований правовой жизни Японии, предпринимаемых как японскими, так и зарубежными исследователями. Она важна для определения правовой политики, а через последнюю — и для выработки основных направлений деятельности государства и общества. Все это требует ответа на вопросы: что представляет

²⁰ *Алексеев С.С.* Право: опыт комплексного исследования, с. 696.

собой современная японская правовая система, присутствуют ли в ней традиционные черты, или она полностью порождена послевоенной реформой? если в ней сохраняются традиционные элементы, то какова их роль — способствующая прогрессивному развитию общества или тормозящая прогресс? каким образом вести правовое строительство далее — продолжая сохранять традиционные элементы или радикально избавляясь от них? Впрочем, вопросы этим не исчерпываются.

Нельзя не признать, что традиция прослеживается на всех этапах функционирования современной японской правовой системы — при подготовке и принятии нормативных актов, в практике разрешения конфликтных ситуаций, в процессе ментального восприятия права населением и т.п.

Скажем сразу: встречаются суждения, согласно которым в Японии традиционные черты в правовой сфере закрепились в чрезмерном объеме. Отказ от решительного обновления в ней сохраняет архаику, рудименты и тому подобные препоны на пути общественного развития, и в последующем нужно радикальнее избавляться от этих пережитков прошлого²¹.

Однако, по-видимому, ближе к истине подходят Отакэ Хидэо и Маки Хидэмаса, которые обращают внимание на такое свойство права, как более медленный темп изменений по сравнению с другими областями жизни социума. Они пишут: «Право является культурным продуктом исторического общества, и оно соответствует каждому из таких обществ. Однако, с другой стороны, в праве в большом объеме присутствует элемент техники, и оно в качестве своего атрибута требует стабильности. Следовательно, между правом и динамикой социальных изменений как таковых всегда имеется интервал. Здесь и находится специфика отличия истории права от политической, социальной и экономической истории». Вместе с тем они не абсолютизируют устойчивость права и указывают на наличие «продолжающейся и прерывающейся сторон правовых институтов»²².

Правовая жизнь того или иного национального общества есть часть всей жизни страны. Поэтому в правовой жизни Японии можно видеть проявление черт, характерных для всего совокупного бытия японского социума. Так, консерватизм и обновлен-

чество выражены там в таком же соотношении, как и в японском обществе в целом. Однако правовая область имеет свою специфику, подчас значительную. Благодаря этому консерватизм и обновленчество «общесоциального» происхождения в правовой сфере модифицируются, и, кроме того, к ним добавляются соответствующие явления, относящиеся к собственно правовой материи.

В соотношении консерватизма и обновленчества «общесоциального» происхождения в правовой сфере современной Японии проявились такие традиционные для этой страны особенности общественного развития, как эволюционность перехода в новое состояние, бережное отношение к накопленному ранее духовному и материальному общественному «багажу», прагматизм в заимствованиях из-за рубежа при непременном сохранении национально-самобытной основы и т.п.

Уэда Кан называет среди социокультурных факторов сдерживания преступности в Японии наряду с другими «высокоразвитое сознание солидарности в семье, локальном сообществе», сохранение «религиозно-обрядовых форм почитания предков», систему пожизненного найма, свойственное многим японцам чувство принадлежности к традиционной семье из²³.

На прагматизме в заимствованиях из-за рубежа при непременном сохранении национально-самобытной основы специально останавливается Карл Стинструп. Он видит проявление японской правовой традиции в том, что «французское, германское и англо-американское право было пересажено в общество, имевшее позади по меньшей мере тринадцать столетий правовой культуры и обладавшее идеалами и социальными формами, которые импортированное право могло изогнуть, но не сломать»²⁴.

Что касается консерватизма и обновленчества, продуцируемых в рамках собственно правовой материи, то к первому можно отнести сохранение источников права, принятых в весьма давнее время, продолжение тенденции к достижению примирения тяжущихся сторон, дуализм инструментария социального регулирования, где успешно сосуществуют правовые и неправовые регуляторы, сохранение института смертной казни и т.п.

²¹ См., например: *Сугияма Ёсихиса, Ват Кэнтаро*. Гэндай хогаку гайрон (Очерк современной науки права). Токио, 1994, с. 74.

²² *Отакэ Хидэо, Маки Хидэмаса* (ред.). Нихон хосэй си (История системы японского законодательства). Токио, 1989, с. 1.

²³ *Уэда Кан*. Преступность и криминология в современной Японии. Под ред. Н.Ф.Кузнецовой и В.Н.Еремина. М., 1989, с. 96.

²⁴ *Steenstrup C.* A History of Law in Japan until 1868. Leiden-N.Y.-Kobenhavn-Koln, 1991, p. ix.

По словам почетного президента университета Нихон дайгаку Таканаси Кимиюки, «три раздела гражданского кодекса — общая часть, вещное право и заемное право — дошли от Мэйдзи до наших дней в почти первоначальном виде». Проанализировав основные идеи этих разделов, Таканаси заключает: «Это — основа для того, чтобы выйти из феодального общества и двигаться вперед, так называемые великие принципы права нового времени, приемлемые и сегодня»²⁵.

Признаки консерватизма можно встретить не только в правовой практике, но и в юридической науке. К.Стинструп отмечает тенденцию большинства современных японских историков права сосредоточивать свои научные усилия на изучении проблем, связанных с адаптацией зарубежного права в период после реставрации Мэйдзи. По мнению Стинструпа, «эти ученые следуют здесь традиции своих предшественников, правоведов, или *мёбо хакасэ*, VIII-XII столетий, которые успешно изучали и адаптировали китайское право к японским социальным реальностям»²⁶.

Общий смысл исторических перемен в Японии после реставрации Мэйдзи определяется в книге Кавасима Такэёси как «распад социальных отношений (или объединений) господства и подчинения и развитие социальных отношений (или объединений) между свободными и равными индивидами, а следовательно, деградация порядка вынесения наказаний на основе эмоций и привилегий и развитие санкций на основе разумности и отрицания привилегий (в особенности правовых санкций)»²⁷.

При всех обвинениях в чрезмерном консерватизме в адрес современной правовой системы Японии она относится к числу высокоразвитых и успешно выполняет свои функции. Как отмечает Тоситани Нобуёси, «конституция Японии признает народ носителем суверенитета и постановляет, что законодательная, судебная и исполнительная власть имеют своим конечным источником народ. В Японии как в правовом государстве созданный представителями народа закон служит критерием судебных и администра-

²⁵ Таканаси Кимиюки. Мимпо-но ринкаку то сайкин-но доко (Очерк гражданского права и его новейшие подвижки). В кн.: Когояку кихон роппо дзэнсё, Хэйсэй дзюэн хан (Сборник основных законодательных актов с дополнительными материалами в изложении на разговорном языке, издание на 1998 год). Токио, 1997, с. 57.

²⁶ Steenstrup C. A History of Law in Japan until 1868, p. x.

²⁷ Кавасима Такэёси. Нихондзин-но хоисики (Правосознание японцев). Токио, 1972, с. 197.

тивных решений и предпосылкой для управления обществом, разрешения конфликтов, отношений с иностранцами»²⁸.

Как отмечалось выше, сохраняющееся в определенной степени традиционное стремление к разрешению дел путем межличностного соглашения и заимствованный способ, предусматривающий обращение в суд, не только не вступают в противоречие, но успешно взаимодействуют, взаимно дополняя друг друга. Это взаимодействие усиливается, что ведет к постепенному снятию упреков в превалировании неправовой традиции, раздающихся как в самой Японии, так и за ее пределами²⁹.

Анализ воззрений послевоенного поколения американских специалистов по японскому праву, предпринятый в книге под редакцией Исикава Хисао и Яно Тацуо, приводит к выводу о том, что «среди сегодняшних молодых правоведов распространена точка зрения, что нужно бороться против мифа, будто японцы отрицательно относятся к закону. Однако реальность состоит в том, что мифы, касающиеся правосознания японцев, по-прежнему имеют прочные корни, и нельзя отрицать возможности того, что они, напротив, возрождаются под воздействием обострения внешнеторговых трений и т.п.»³⁰.

Даже Накао Хидэтоси, который старается доказать наличие в Японии пропасти между законом и судом, с одной стороны, и населением — с другой, порой отступает от своей крайней позиции. «Мнение, согласно которому суд — это страшное место, такое место, куда идут люди, совершившие что-то плохое, является для японцев весьма обычным, — пишет Накао, и сразу добавляет: — Или же оно было таким». По его словам, «японцы, скорее, не имеют близкого знакомства с тем, что называется судом, нежели не очень любят его»³¹.

Утверждения об отставании правосознания японцев от уровня, достигнутого в других развитых странах, из-за тормозящего воздействия традиций встречаются довольно часто. Вот что пишут, например, по этому поводу Сугияма Ёсихиса и Вати Кэнтаро: «После войны в нашей стране экономический рост приобрел

²⁸ Тоситани Нобуёси. Нихон-но хо-о кангаэру (Размышления о японском праве). Токио, 1989, с. 141.

²⁹ По этому вопросу см.: Еремин В.Н. Правовая система Японии: вымыслы и действительность. — Япония: мифы и реальность. М., 1999.

³⁰ Исикава Хисао, Яно Тацуо (ред.) Хосигаку-э-но табитати (История права в популярном изложении). Киото, 1998, с. 94.

³¹ Накао Хидэтоси. Нихон сякай то хо (Японское общество и право). Токио, 1994, с. 190.

скачкообразное ускорение... и так же как в странах Западной Европы и Америки, большое внимание стало уделяться роли права в проблемах транспорта, окружающей среды и ее загрязнения, прав потребителей и т.п. Через судебные процессы по делам о не связанной с неосторожностью ответственности в дорожно-транспортных происшествиях, о праве контроля за загрязнением окружающей среды, об ответственности за производимую продукцию и по другим делам закреплялось такое осознание субъективных прав, какое присуще новому времени. Но, с другой стороны, повсеместно можно видеть, что в нашей стране правосознание и осознание субъективных прав коренится в... национальном характере японцев, их культуре, особенностях их религии. Возможность назвать Японию модернизированным государством появится только благодаря тому, что мораль и сознание людей приблизятся к правовым понятиям нового времени и закрепятся в социальной жизни людей»³².

Представления о неразвитости правосознания японцев теснейшим образом связаны с представлениями об исключительности японского менталитета, доходящими до степени гиперболизации и отрицания какой-либо схожести японцев на остальных людей. Как пишет Оки Масао, «подобно тому, как активное исследование только лишь „специфики японцев“ является односторонним подходом и ведет к искажению их реального облика, погружение с головой в исследование одной лишь „специфики японского права“ таит в себе опасность искажения общей картины японского права»³³.

Отказываясь от подобных крайностей, не следует в то же время и забывать об объективном существовании специфически японских реалий. Рокумото Кахэй и Ота Сёдзо, отвечая на доносящуюся с Запада критику Японии за малочисленность ее адвокатского корпуса, подчеркивают, что «за этим стоит фундаментальное представление о праве и социальном порядке, превалирующее среди японского народа, которое, в свою очередь, является отражением глубокой культурной традиции и исторического опыта». И далее: «Развод по согласию, хорошо развитая национальная система регистрации недвижимого имущества устраняют необходимость юридических услуг в таких вопросах, которые в большинстве западных стран являются важнейшими с точки

зрения установления отношений между юристами и обычными гражданами»³⁴.

А.Петерс обращает внимание на точку зрения Мацуо Коя, подчеркивавшего, что «японский уголовный процесс должен быть понимаем в терминах своих собственных своеобразных черт и не может быть правильно описан в терминах абстрактной процессуальной модели, происходящей из западного уголовно-правового опыта», а также Цутимото Такэси, «превозносившего моральную роль японского прокурора, который выслушивает кающихся преступников подобно христианскому священнику»³⁵.

Диалектика опять же состоит в том, что традиция изменяется, модернизируется, подвергается воздействию политических, экономических, социальных и иных факторов, сознательно используется теми или иными общественными силами в их интересах. Об этом нам говорит Оки Масао: «После того как возросло число трудовых конфликтов, появился Закон о примирении в трудовых отношениях, когда обострились арендные конфликты, был создан Закон о примирении в арендных отношениях, когда конфликтные ситуации распространились на аренду земли и жилищ, был принят Закон о примирении по поводу аренды земли и жилищ. ...Разве не состояла роль различных законов о примирении всего лишь в том, что, когда осознание своих субъективных прав народными массами... продемонстрировало новый подъем, для противодействия ему в систему юстиции нового времени были включены эти законы, что позволило эффективно трансформировать и ослабить отстаивание массами своих прав... Рассуждать так означает быть гораздо ближе к истине, чем если представлять дух **ва** исконным и неизменным национальным свойством японцев и считать институт примирения проявлением этого духа»³⁶.

Интерес к национальной правовой традиции, к истории отечественного права традиционен для японского правоведения. В Японии юридическая наука с большим вниманием относится к домэйдзийскому праву, энергично исследует правовую реформу Мэйдзи, глубоко изучает эволюцию японской правовой системы по пути общемирового правового развития. Для японских правоведов было бы так же нелепо отгораживаться от глобального

³⁴ *Rokumoto Kahei, Ota Shozo*. The Issues of Lawyer Population in Japan. — The Social Role of the Legal Profession. Tokyo, 1993, p. 193,195.

³⁵ *Peters Antonie*. Some Comparative Observations on the Criminal Process in Holland and Japan. — Dutch and Japanese Laws Compared. Tokyo, 1993, p. 260.

³⁶ *Оки Масао*. Нихондзин-но хо каннэн, с. 252-253.

³² *Сугияма Ёсихиса, Ваги Кэнтаро*. Гэндай хогаку гайрон, с. 74.

³³ *Оки Масао*. Нихондзин-но хо каннэн (Правовые взгляды японцев). Токио, 1991, с.252.

сообщества правовых систем, отказываться от родства с ними, как и от собственной специфики. Истоком этого исторического родства, общего как для японского, так и для российского права, является римское право. «Для правовых систем романо-германского типа, к которому (с оговорками) принадлежит и традиционное российское право, римское право имеет особую философскую, историческую и культурную значимость. Многие черты общей правовой традиции, правовые институты и догматические категории современных правовых систем непосредственно восходят к принципам и структуре римского права, вырабатывались или на его основе, или с учетом его критического восприятия»³⁷.

Однако до сравнительно недавнего времени в нашей правовой науке господствовала тенденция подчеркивать исключительность «социалистического права», отрицать преемственность правового развития в связи с «разрывами» в нем на революционных рубежах.

Результатом было пренебрежение историко-юридическими исследованиями. Как отмечал недавно ушедший от нас А.Б.Венгеров, «на предыдущем этапе принцип историзма выполнял негативную методологическую роль, наполнялся догматическими, диалектическими представлениями о „скачках“, разрывах в правовой истории, о „правовых революциях“, о противопоставлении нового типа — „социалистического права“ всем предыдущим типам права и т.п. Идеи же об относительно самостоятельном содержании и развитии правовых систем, определяемых культурными, религиозными пластами, глубинными традициями, бытом этносов, а не только экономическими или социально-экономическими („базисными“) явлениями, как правило, отсутствовали в историческом подходе к изучению права. И это было крупной методологической ошибкой предыдущего периода». По его убеждению, «формирование и преподавание самостоятельной науки — теории права позволит исправить одно существенное методологическое искривление, которое проявилось на предыдущем этапе — разрыв в конструктивной преемственности с дореволюционной российской юридической научной мыслью, многие положения которой становятся особенно актуальными именно сегодня, на новом витке истории России». А.Б.Венгеров заявлял, что «пришло время именно в рамках отечественной теории права рассмотреть правовое

развитие российского общества как исторически длительный, насчитывающий не менее трех веков, имеющий свои этапы, но единый процесс формирования все усиливающихся правовых начал, правовой государственности, правовой культуры в жизни России. И, соответственно, наконец-то сформировать отечественную теорию права с учетом как собственных научных достижений, зарубежного опыта, так, впрочем, и провалов, искажений (об этом также нельзя забывать), которые были характерны для ее некоторых этапов. При этом надо осуществить и разумное, учитывающее конкретную правовую действительность и меру, включение отдельных положений, разработанных предыдущими выдающимися российскими учеными-юристами, в современное теоретическое научно-юридическое знание»³⁸.

Для углубленного изучения в России японской правовой истории в целом и места в ней традиционных институтов имеется ряд оснований, в том числе определенное сходство правосознания народов обеих стран. Так, при внимательном рассмотрении обнаруживается близость позиций по вопросу о соотношении правовых и неправовых социальных регуляторов. «С давних пор в общественном и индивидуальном сознании людей утвердилось представление о приоритете морали над правовыми критериями поведения... — пишет С.С.Алексеев. — Подобные представления обрели глубокие корни в России. Определяющую роль здесь сыграли не только устойчивость общинного сознания и общинного, соборного образа жизни, но и постулаты той ветви восточно-христианской культуры, которая в византийском обличье утвердилась на российской земле в виде православия»³⁹. Нельзя не видеть здесь аналогии с традицией подобного подхода в Японии.

³⁷ Тихомирова Л.В., Тихомиров МЮ. Юридическая энциклопедия. М., 1997, с. 394.

³⁸ Венгеров А.Б. Теория государства и права. Часть II. Теория права. Том I. М., 1996, с. 5-6, 22-23.

³⁹ Алексеев С.С. Право: опыт комплексного исследования, с. 333.

УСТОЙЧИВЫЕ И ПОДВИЖНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯПОНИИ

Согласно определению, встречающемуся во многих политических и энциклопедических словарях¹, бюрократия — это специфическая форма политических, экономических, социальных и идеологических организаций в обществе. Центры власти в таких организациях возглавляются небольшими привилегированными группами и оторваны от основной массы участников. Бюрократия имманентно присуща практически всем видам государственности, но в виде иерархического чиновничьего аппарата она характерна для государств с высокой степенью централизации. С развитием капитализма бюрократия постепенно превратилась в универсальную форму социальной организации вообще.

В данной статье речь пойдет об административном бюрократическом аппарате, представляющем собой совокупность центральных и местных государственных органов и занятых в них лиц. Другими словами, под понятие «бюрократия» подпадает вся многомиллионная армия чиновников, руководящая роль в которой принадлежит узкой элитарной прослойке. Теоретически бюрократы призваны проводить политику, определяемую законодательной и исполнительной властями. Но на практике во многих случаях они действуют достаточно независимо.

Безусловно, бюрократия в каждой стране имеет свои особенности при общих характерных чертах, и в каждой бюрократической системе сосуществуют устойчивые и подвижные элементы. Именно в таком ключе и будет рассматриваться современная японская бюрократия.

Следует отметить, что в традиционном японском обществе статус чиновника всегда был чрезвычайно высок, что соответ-

ствовало пониманию государственности, свойственной странам конфуцианской культуры. Система государственного аппарата была привнесена в Японию из Китая в VI—VII вв., но, как и все заимствованное, подверглась адаптации к местным условиям. В то время в стране возникла бюрократия (точнее говоря, чиновничий аппарат), формировавшаяся на основе родства или приближенности к императорскому дому, а также в соответствии с выполнением определенных управленческих функций.

Для упорядочения работы государственного аппарата была введена система 12 рангов, которые присваивались персонально каждому претенденту, что в принципе давало возможность подбирать в государственный аппарат способных и преданных людей. При этом титул мог и не приниматься в расчет, т.е. происхождение чиновника не всегда влияло на высоту его ранга. Однако китайская система экзаменов для занятия государственных должностей в Японии не прижилась, и ранговая система сосуществовала с наследственной системой титулов, а формирование бюрократии на долгие годы стало привилегией знатных родов (Фудзивара, потом Тайра), обладавших монопольным влиянием при императорском дворе. Эта была так называемая аристократическая бюрократия.

В дальнейшем (в XII в.) борьба за власть привела к развитию специфичной для Японии дихотомии государственной власти, при которой император обладал номинальной властью (при сохранении функции первосвященника традиционной религии **синто**), а военный правитель (**сёгун**) — всей полнотой реальной. Тогда на смену аристократической бюрократии пришла военная — элитарный слой чиновников, формировавшийся из лиц, приближенных уже не к императору, а к военному правителю — **сегуну**, т.е. из воинов-самураев высших рангов. Далее, с развитием феодальной раздробленности уменьшилось реальное влияние государственных чиновников центрального аппарата, курировавших провинцию, и соответственно выросла роль крупных местных феодалов (**даймё**).

В Японии эпохи Токугава (XVII — середина XIX в.) источником формирования бюрократической системы продолжали оставаться самураи, т.е. высшее военное сословие. За 250 лет развития страны в условиях внутреннего и внешнего мира занятые в государственном аппарате самураи, сохраняя формально свой статус воинов, фактически превратились в гражданских чиновников — лояльных, исполнительных и хорошо образованных.

¹ См., например: Советский энциклопедический словарь. М., 1981, с. 188; Большая советская энциклопедия. Т. 4. М., 1971, с. 209, 210; Философский энциклопедический словарь. М., 1989, с. 78.

По мере изменения социально-экономических условий и укрепления экономических позиций «четвертого сословия» (торговцев *сё*)² в бюрократический слой стали включаться представители богатого купечества и зажиточных крестьян, своего рода городской и сельской элиты³. Одновременно часть самураев (в основном низших рангов), несмотря на сословные предрассудки, проявляла интерес к торговле и производственной деятельности. Другими словами, устанавливались достаточно тесные отношения между купечеством и этой частью военно-феодального сословия. Именно при активном участии самураев низших рангов в наиболее экономически развитых княжествах токугавской Японии были проведены реформы, обусловившие переход их экономики на рельсы торгового капитализма⁴.

Из чиновничества экономически развитых княжеств вышли наиболее способные, бескорыстные и преданные императору подданные, которые после реставрации Мэйдзи (1868), когда в Японии была проведена реформа государственного устройства по европейскому образцу, составили основную массу служащих в системе исполнительной власти. Это происходило одновременно с усилением роли государства в жизни общества, с укреплением бюрократии не только в правительстве и армии, но и во всех сферах жизнедеятельности страны. Несмотря на то что самые высшие посты в новой государственной иерархии заняли представители придворной аристократии и семей влиятельных крупных самураев, именно чиновники—выходцы из числа самураев низших рангов контролировали политику правительства. «Они-то и осуществляли политическую власть, хотя и не занимали высших должностей в правительстве»⁵. Даже в 20-е годы XX в. примерно половина всех государственных чиновников, ко-

² Японское общество эпохи Токугава делилось на четыре сословия — воинов (си), крестьян (но), ремесленников (ко) и торговцев (сё).

³ Этому способствовал весьма высокий уровень просвещения в токугавской Японии. Примерно половина мужчин и около 15% женщин из разных слоев общества получали систематическое образование, для которого, в отличие от европейских стран того времени, где обучение было нацелено преимущественно на чтение религиозных книг, была характерна заметно выраженная экономическая направленность. Подробнее см.: *Молодякова Э.В., Маркарян С.Б.* Японское общество: книга перемен. М., 1996, с. 53, 54.

⁴ См. подробнее: *Норман Г.* Возникновение современного государства в Японии. М., 1961, с. 44.

⁵ Цит. по: *Норман Г.* Возникновение современного государства в Японии, с. 56.

торых обычно называют бюрократами, т.е. «карьерными чиновниками», были выходцами из среды самураев.

Задачам строительства новой Японии уже не соответствовало традиционное обучение. Принципом современной на то время системы образования стал эгалитаризм — равные возможности его получения представителями всех сословий, мужчинами и женщинами. В основу преподавания в школах был положен утилитарный подход, согласно которому, получая образование для себя, каждый одновременно обогащал все общество. Образование обеспечивало высокий социальный статус, служило гарантией получения государственной должности и поэтому оставалось неизменной ценностью. Такое положение в принципе наблюдается и в современной Японии.

Именно уровень образования лежал в основе иерархической структуры чиновничества. «Сливки» выпускников государственных университетов шли на государственную службу. Для занятия должностей существовала строго разработанная система экзаменов⁶, которые должны были сдавать все, за исключением чиновников самых высших рангов. Дальнейшее продвижение по службе зависело также от возраста, состояния здоровья и способностей претендентов. Так формировался слой правительственной бюрократии. Образовательный эгалитаризм открывал путь в среду чиновников наиболее способным молодым людям, в значительной степени независимо от их родовитости и богатства.

Чиновничество объединялось вокруг императора и обеспечивало управление на общенациональном и местном уровне. В соответствии с конституцией 1889 г. бюрократы были ответственны перед императором, а не перед парламентом, что фактически означало их автономность. Была введена новая система гражданской службы, построенная на выслуге лет и табеле о рангах (4 класса и 14 подразделений) и охватывавшая все кадровое чиновничество. Свойственный японскому обществу корпоративный дух, в основе которого лежали морально-этические нормы конфуцианства, способствовал бюрократизации гражданской службы и в определенной мере ставил препоны тем, кто не прошел все ступеньки чиновничьей карьеры и занял свое положение не в соответствии с выслугой лет. Это касалось главным образом

⁶ Разумеется, система экзаменов для занятия государственных должностей в Японии нового времени кардинально отличалась от ее старинного, китайского прототипа и была основана на современной системе университетского образования и оценке качества полученных в ее рамках знаний.

лиц, делавших политическую карьеру. Бюрократы зачастую противопоставляли себя политикам, роль которых объективно росла по мере совершенствования парламентской системы, и стремились представить себя как независимых выразителей общенациональных интересов и поборников справедливости, не замешанных в политических играх.

Трудно переоценить роль бюрократов в создании современной на то время экономики, когда на первых этапах индустриализации страны ввиду дефицита ресурсов требовался строгий контроль над их оптимальным использованием. Причем японская бюрократия вынуждена была заниматься переустройством страны не только с ограниченными ресурсами, но и в условиях угрозы вторжения иностранных держав⁷. Кроме того, страна ощущала острую нехватку квалифицированных специалистов, и их место зачастую занимали чиновники.

Носители новых экономических отношений были в значительной степени выпестованы протекционистской политикой государства. Ведущую роль в осуществлении модернизации сыграла бюрократия, поскольку буржуазия была еще очень слаба, а крупное купечество не было склонно инвестировать свой капитал в промышленность. Поэтому правительство взяло на себя бремя развития экономики. Государство построило крупные промышленные предприятия, ему принадлежали военные заводы, судостроительные верфи, военно-морской флот и большая часть железных дорог. Правительство укрепило денежное обращение, модернизировало налоговую и бюджетную систему и, что очень важно, обеспечило политическую стабильность.

Традиция строгой регламентации всех сторон жизни общества в эпоху Токугава содействовала тому, что частный капитал как нечто само собой разумеющееся воспринял государственное руководство и его опеку. Эта же тенденция получила развитие и впоследствии, когда регулирование или даже контроль над частным предпринимательством со стороны государства в связи с форс-мажорными обстоятельствами особенно усиливались. В свою очередь, правительственная бюрократия легко находила общий язык с предпринимателями. Именно благодаря наличию в правящей элите Японии высококвалифицированной бюрократии модернизация проходила там достаточно успешно.

Правда, по мере того как с начала 80-х годов государство начало передачу промышленных предприятий частному капиталу,

⁷ *Норман Г.* Возникновение современного государства в Японии, с. 71.

роль бюрократов несколько снизилась. Такая экономическая политика была стратегической установкой правящих кругов того времени. В частности, один из творцов экономической политики того периода Мацуката Масаёси отмечал: «Правительство никогда не должно конкурировать с лидерами промышленности и торговли. Сфера его деятельности — образование, армия и вооружение, полиция»⁸. Однако, как справедливо отмечает отечественный исследователь А.И.Кравцевич, «даже временная тенденция к приватизации определенных сфер государственного предпринимательства в 80-х годах прошлого века имела место на фоне расширения сферы действия государства в других отраслях (военное производство, кредитно-финансовая деятельность)»⁹.

Первоначальная важнейшая роль государства в создании японской экономики в конце XIX — начале XX в. повлияла на формирование преобладающей роли государства и в последующие десятилетия. К числу других факторов, действовавших в том же направлении, можно отнести социально-психологические, религиозно-философские и этические. Японская бюрократия (как, впрочем, и другие составляющие правящей элиты — политики и «капитаны индустрии») воспитывалась на конфуцианских принципах, признававших единство этики и политики в государственных делах, что в японских условиях проявилось в стремлении к достижению социального консенсуса, или «консенсуса большинства».

В конце XIX в. с началом развития в Японии парламентаризма стали закладываться основы получивших в наше время название «железной триады» отношений между политиками, представителями бизнеса и государством (бюрократией). Уже в 90-е годы XIX в. предприниматели начали создавать общенациональные организации для продвижения своих представителей в парламент — правда, пока с небольшим успехом.

По мере усиления значимости политических партий расширялось их влияние на бюрократию, точнее, на занятие ее представителями должностей в государственном аппарате. Особенно заметным это стало в 20-е годы XX в., когда проявилась тенденция их перемещения из государственного аппарата в партийный.

⁸ *Smith T.* Political Change and Industrial Development in Japan: Government Enterprise, 1868-1880. Stanford, 1955, p. 95.

⁹ *Кравцевич А.И.* Общественное предпринимательство в Японии. М., 1988, с. 59.

Бывшие чиновники нередко становились видными партийными функционерами, а также назначаемыми членами палаты пэров.

Новый взлет влияния бюрократии четко обозначился в промежутке между двумя мировыми войнами вместе с ростом военной промышленности и повышением роли государства в экономике. Бюрократия стала как бы связующим звеном между промышленными и военными кругами. Ей был поручен контроль сначала над отдельными отраслями промышленности, а потом (после создания так называемых контролирующих ассоциаций) фактически над всем сектором реальной экономики. На предприятиях, которые находились под непосредственным правительственным контролем (как, например, концерн «Мантэцу»), большинство руководителей назначалось или утверждалось правительством. А деятельность частных компаний находилась под наблюдением прикомандированных к ним правительственных чиновников.

Появилась своего рода военная бюрократия, которая, по определению нынешнего руководителя Управления экономического планирования Сакаия Таити, «пересмотрев и ужесточив законы и постановления, создала систему кураторства бюрократии. Она была полностью сформирована к 1941 г.»¹⁰. Он называет ее «системой 1941 года». Военно-чиновничья бюрократия, поддерживавшая националистические настроения в обществе, способствовала появлению значительного числа националистических организаций, вербовавших своих сторонников, в том числе из рядов мелкого и среднего чиновничества.

Сформированная в первой половине XX в. бюрократическая система была вполне адекватна социально-экономическим условиям Японии, которая в то время была страной «догоняющей», адаптировавшей достижения передового Запада. В таких условиях типичной для Японии стала «культура лидерства бюрократии», как ее охарактеризовал Сакаия. Эта система осталась в принципе неизменной и после второй мировой войны, несмотря на все демократические реформы, ибо несколько послевоенных десятилетий Япония все еще «догоняла» передовые страны. Другими словами, была сохранена преемственность традиций японской бюрократической системы (именно традиций, в то время как ее структура, безусловно, менялась). Послевоенные преобразования были осуществлены прежними бюро-

кратами второго ряда, поскольку высший слой правящей элиты подвергся «чистке» в годы оккупации. Достаточно упомянуть несколько японских премьеров 50-60-х годов: Сигэру Ёсида во время войны занимал пост заместителя министра иностранных дел, Киси Нобусукэ — министра торговли и промышленности, Икэда Хаято — начальника главного налогового управления, Сато Эйсаку — начальника управления по надзору за железными дорогами. Таким образом, представители этой плеяды государственных деятелей были не только политиками, но и профессионалами-управленцами, опыта которых так не хватало последующим руководителям страны. С полным правом можно сказать, что в послевоенные годы бюрократия не только выжила, но и эффективно руководила нацией, четко определяя во взаимодействии с политиками национальные приоритеты.

Постепенно сложился симбиоз политиков, бюрократии и бизнеса, т.е. уже упоминавшаяся «железная триада», которая служит фундаментом всей сегодняшней бюрократической системы. Следует еще раз подчеркнуть, что отношения внутри ее вызревали в самом японском обществе на протяжении многих десятилетий, будучи адекватными социально-экономическим и политическим условиям, что и объясняет их устойчивость.

Схема сотрудничества партнеров достаточно проста: бизнес обеспечивает поддержку политиков через создание финансовых фондов; политики обеспечивают «консенсус большинства», получая основную массу голосов электората, а также контролируют деятельность бюрократии в интересах бизнеса. Но связи всех партнеров, конечно, многомерны. Через узкую элитарную группировку бюрократии бизнес, в свою очередь, имеет возможность контролировать аппарат исполнительной власти, все министерства и ведомства. Через нее же крупный бизнес осуществляет контроль отчасти и над выборными органами. В немалой степени это связано с тем, что японский парламент не располагает собственным вспомогательным аппаратом, как это имеет место, например, в конгрессе США.

Статус государственных служащих определяется конституцией 1947 г. и целым рядом законов. Среди них следует назвать принятый в 1947 г. блок законов — закон о кабинете министров (*найкакүхо*), закон об организации государственного управления (*кокка гэсэй сосики хо*), закон о государственных должностных лицах (*кокка комуин хо*). Деятельность органов местного самоуправления определялась законом о местном самоуправлении

¹⁰ Сакаия Таити. Что такое Япония? М., 1992, с. 288.

(*тихо дзити хо*, 1947), а деятельность чиновников этих органов — законом о служащих местного самоуправления (*тихо комуин хо*, 1950)“.

Как и прежде, служебное положение чиновников зависит от должности в соответствии с рангом (всего 8) и разрядом (всего 15). По численности государственных служащих (к которым относятся не только чиновников, но и лиц, работающих на предприятиях государственного сектора, в армии, полиции и пр.) Япония значительно уступает странам Западной Европы или США, что связано прежде всего с относительно небольшими размерами государственного сектора в стране. Во второй половине 90-х годов общее число государственных служащих составляло 4,4 млн. человек, в том числе в центральном аппарате было занято 1,1 млн., в местных органах власти — 3,2 млн. человек¹².

Все государственные служащие делятся на две категории — работники «обычной» и «особой» служб. К первой относятся те, кто сдает экзамены на должность и жалование которых определяется тарифной сеткой. Ко второй — не связанные с экзаменами или тарифной шкалой (премьер-министр, министры, главы местных органов власти, парламентские заместители министров, сотрудники аппарата парламента, судов, сил самообороны и пр.).

В настоящее время власть японской бюрократии зиждется не только на общих, но и на специальных законах, которые определяют компетенцию и ответственность каждого министерства. Это так называемые законы об учреждении (*сэtti хо*), обычно малоизвестные широкой публике. Например, деятельность министерства внешней торговли и промышленности определяется 109 законами¹³. Кроме того, административная бюрократия располагает всеми необходимыми возможностями для обеспечения законодателей различной информацией (статистика, мониторинги и пр.), а также квалифицированными кадрами для глубокой проработки законопроектов и проведения технических экспертиз.

Чиновники первых трех высших рангов (начальники департаментов, отделов, секторов), составляя всего лишь несколько процентов общей численности, фактически располагают всеми рычагами административной власти, в то время как остальные являются лишь квалифицированными исполнителями.

Для поступления на государственную службу и продвижения по служебной лестнице (как всегда и везде достаточно узкой) чрезвычайно большое значение имеет диплом престижного вуза, в первую очередь Токийского и Киотоского государственных университетов. Например, в первой половине 90-х годов 70–80% чиновников высших рангов в министерствах финансов, иностранных дел и транспорта составляли выпускники Токийского университета. За небольшим исключением все послевоенные премьер-министры были также его выпускниками. К слову сказать, четверть всех депутатов парламента и более одной трети членов Либерально-демократической партии (ЛДП) — его же питомцы. На сегодняшний день среди 20 высших правительственных чиновников подавляющее большинство закончили юридический факультет этого университета. В начале 90-х годов тогдашний премьер-министр Миядзава Киити попытался поломать эту практику, а в 1997 г. даже было принято соответствующее решение, но ничего не изменилось¹⁴.

В традициях японской политической культуры для занятия определенного места в системе административной бюрократии имеют огромное значение неформальные связи. Они не имеют никакого отношения ни к нормам конституции или другим законам, ни к официальным регламентациям министерств, корпораций или правящей партии. Это связи между высшими бюрократами, политиками и бизнесменами на основе кровного или семейного родства, браков, принадлежности к какому-нибудь престижному клубу, учебному заведению. Достаточно вспомнить, что бывший премьер-министр Танака Какуэй, основным спонсором финансово-политической империи которого был строительный бизнес, в свое время 1973 г. устроил брак одного из ныне видных политиков (в прошлом своего любимого ученика) Одзава Итиро с дочерью строительного магната из своей родной префектуры Ниигата, чем сразу обеспечил ему мощную финансовую поддержку¹⁵. А другой бывший премьер Миядзава Киити связан семейными узами с несколькими финансово-промышленными группами.

Наиболее значимую и многочисленную часть японской бюрократии составляет так называемая экономическая бюрократия, т.е. высокопоставленные чиновники основных министерств фи-

¹¹ См.: *Компакуто роппо* (Краткий свод законов). Токио, 1988, с. 99-183.

¹² *The Asahi Shimbun Japan Almanac*. Tokyo, 1998, p. 68.

¹³ *Richardson B. Japanese Democracy*. New Haven & L, 1997, p. 108.

¹⁴ *The Daily Yomiuri*. 07.07.1999.

¹⁵ *Schlesinger J.M. Shadow Shoguns*. Tokyo, 1983, p. 180.

нансово-экономического блока (финансов, внешней торговли и промышленности, строительства и некоторых других), поскольку именно они определяют экономическую жизнь страны. Конечно, весьма сложно точно определить количественные параметры влияния этих чиновников. Поэтому среди специалистов существует достаточно большой разброс мнений. Одна группа считает, что бюрократы этих министерств играют очень важную и подчас решающую роль в принятии решений. В частности, Ч.Джонсон оценивает их власть как «мягкую» форму авторитаризма¹⁶. Другие идут дальше, рассматривая Японию как «авторитарное бюрократическое государство», где в первую очередь сильна власть экономической бюрократии¹⁷. Это было вполне справедливо в период осуществления достаточно жесткого государственного регулирования. Однако сегодняшняя политика дерегулирования, несомненно, скажется на ее роли. Вторая группа (например, Р.Дж.Самуэльс) полагает, что экономическая бюрократия делит власть с другими актерами на политической сцене. И наконец, третья группа (например, У.Фридман) придерживается мнения, что влияние бюрократии на экономику ограничено определенными рамками и что она не может контролировать стратегические решения в связке государство-общество, где решающее слово принадлежит правящей партии, персонифицированной в ЛДП¹⁸. В целом вся правящая элита, выбирая приоритет экономики, сверхзадачей считает стабильность в динамично развивающемся обществе. Возможно, поэтому она сохраняет свои позиции, несмотря на сотрясающие ее скандалы.

Специфической особенностью процесса государственного управления, преимущественно в экономике, является использование так называемого административного руководства (**гёсэй сидо**). Оно основывается не на принятых парламентом законах, а на разного рода актах министерств и ведомств. Такое руководство предполагает неформальные соглашения какого-либо государственного органа, с одной стороны, и корпорации или отдельного предпринимателя — с другой. Наиболее распространенные формы **гёсэй сидо** — рекомендации, требования, советы, посредничество. Подчас они имеют форму устного соглашения, которое достигается, как это водится в политическом мире Японии, в элитных национальных ресторанах или гольф-клубах,

другими словами в неформальной обстановке. В результате устанавливается теснейшая связь бюрократической элиты с бизнесом. Таким образом, там, где европейцы используют прямое вмешательство в экономику (как владельцы или управляющие), японцы применяют «административное руководство». При этом, однако, подобные джентльменские соглашения не должны нарушать существующие законы.

Показателем значимости бюрократии может служить ее участие в законотворческой деятельности. Все правительственные законы (инициаторами и разработчиками которых выступают как правительство, так и отдельные министерства), по существу, готовятся бюрократами. Например, в 80-е годы из общей численности законопроектов, рассмотренных в парламенте, примерно две трети были предложены правительством. Чиновники государственного аппарата оказывают также техническую помощь парламентариям при выработке законопроектов. Еще большее влияние бюрократов заметно в подготовке различных указов и положений правительства (**сёрэй**), а также распоряжений министерств (**сэйрэй**), многие из которых имеют силу законов. В 80-е годы соотношение принятых законов и разного рода постановлений было 1:4¹⁹. Подобная практика бюрократического законотворчества свойственна тем странам, где сильна традиция регулирующей роли государства.

Неотъемлемой частью многомерных связей бизнеса с бюрократией является практика **амакудари** (дословно «сошествие с небес») — переход высокопоставленных бюрократов из правительственных структур (речь идет прежде всего о чиновниках из министерств финансов, внешней торговли и промышленности, строительства, образования, почт и телекоммуникаций) в предпринимательские по достижении предельного возраста работы в государственном аппарате (45-55 лет). Перемещение высшего персонала государственного аппарата в частный сектор и обратно свойственно всем развитым странам, но в Японии это движение одностороннее: правительственный аппарат -> бизнес. Речь идет прежде всего (до 70% случаев) об общественных корпорациях, так называемых особых юридических лицах (**токусю ходзин**). Это предприятия прямого или косвенного государственного подчинения, связанные с определенными министерствами и ведомствами.

¹⁶ The Political Economy of New Asian Industrialism. N.Y., 1982, p. 137.

¹⁷ The Politics of Industrial Policy. Washington, 1986, p. 187-205.

¹⁸ Richardson B. Japanese Democracy, p. 110.

¹⁹ Op. cit., p. 112-113.

В начале 90-х годов бюрократы-отставники занимали свыше 50% постов директоров в 92 корпорациях. Как правило, чиновники переходят в те корпорации, которые связаны с их министерствами. Следует сразу сказать, что постоянные сотрудники этих корпораций отнюдь не в восторге от пришельцев-бюрократов, поскольку последние претендуют на высокие посты и лишают их перспективы служебного роста. Кроме того, полученные должности они рассматривают как синекуру и работают спустя рукава.

Правительство не раз предпринимало меры, чтобы сократить этот поток, но до сих пор эти усилия не увенчались успехом. Правда, юридически ставятся определенные условия для ограничения возможностей перехода чиновников после отставки. В соответствии со ст. 103, п. 2 закона о государственных служащих им запрещается в течение двух лет занимать должности в компаниях, с которыми они были связаны последние пять лет по долгу службы²⁰.

Амакудари — явление, свойственное не только высшей бюрократии, но и ее среднему звену. При этом отставные чиновники нередко работают в тех же подразделениях, что и в министерствах. И так продолжается не одно поколение. Всего один пример. Небольшая корпорация (199 сотрудников) — Японский фонд осуществляет содействие международному культурному и научному обмену. Она подчинена министерству иностранных дел, но по традиции наиболее важное подразделение в ее структуре, занимающееся обменом специалистами, возглавляет всегда бывший бюрократ из министерства просвещения. Профсоюз Японского фонда много лет ведет борьбу против подобной практики, подчеркивая, что этот пост должен занимать карьерный чиновник фонда. Но министерство просвещения позиций не сдает и, похоже, что в ближайшее время не утратит контроль над этой ключевой должностью²¹.

Экс-бюрократы далеко не всегда долго задерживаются на одном месте. Они предпочитают переходить из одной общественной корпорации в другую, что объясняется вполне меркантильными соображениями, так как при переходе они получают все причитающиеся каждый раз выплаты. Таких переходящих с места на место чиновников-отставников называют **ватаридори** (перелетные птицы).

Государственные чиновники занимают большой удельный вес и в так называемых вспомогательных органах (**гайкаку дантай**), имеющих тесные связи с центральной или местной администрацией (различные НИИ, Международный дом Японии, Японский центр экономических исследований). Причем это не всегда экс-бюрократы, а лишь временно откомандированные в эти организации действующие работники министерств²².

При относительной самостоятельности чиновничьего аппарата и его важной роли в выработке государственной политики его высшее звено находится, безусловно, под непосредственным влиянием правящей Либерально-демократической партии (ЛДП). Именно она осуществляет строгий контроль над процессом перемещения кадров внутри бюрократического аппарата. И практически никто, не связанный с ней, не может подняться выше уровня начальника департамента. Поэтому многие чиновники ради карьеры охотно проявляют лояльность к правящей партии. Некоторые ее подразделения в определенной степени дублируют структуру административного аппарата и при выработке конкретной политики или подготовке законопроектов тесно сотрудничают с ним: участвуют (совместно с экспертами из научно-исследовательских институтов и центров) в многочисленных консультативных советах (**сингикай**) при канцелярии премьер-министра, министерствах и управлениях.

Следует заметить, что в целом чиновничество далеко не однородно по своим политическим пристрастиям. Особенно это относится к чиновникам местного уровня. Среди последних немало тех, кто поддерживает оппозиционные политические партии. В отдельные периоды, например в 70-е годы, их число достигало примерно трети служащих. В конце уходящего века спектр политической ориентации служащих центрального и местного аппаратов значительно расширился, что адекватно отражает картину политической жизни Японии. В настоящее время достаточно серьезную конкуренцию ЛДП может создать крупнейшая партия уже не левой, а центристской и либеральной направленности (имеются в виду прежде всего Демократическая партия Японии и Комэйто).

Связка политики-бюрократы обусловлена взаимной их заинтересованностью. Первые пользуются услугами бюрократов вви-

²⁰ Компакуто роппо, с. 114.

²¹ Tokyo Business Today. June 1994, p. 14.

²² Подробнее см.: Кравцевич А.И. Общественное предпринимательство в Японии, с. 118-126.

ду их компетентности и широкой информированности. Кроме того, не связанные с электоратом, вторые более свободны в своих действиях, чем политики, вынужденные давать популистские обещания. Для их реализации они нередко обращаются за помощью именно к бюрократам. Более того, политики, занятые парламентскими «играми», перекладывают часть своей работы по выработке реальной политики на бюрократов.

Связь любого политика с центральным правительственным аппаратом — важное условие успеха его партийной карьеры. Ведь положение бюрократа более стабильно, чем политика. И смена премьер-министра не влечет за собой автоматически смену аппарата, как это имеет место, например, в президентской структуре США. Если в центральных органах США чиновники сменяются примерно через 18 месяцев, то в Японии им почти гарантирована «пожизненная» служба²³.

В отношениях между бюрократами и политиками можно также наблюдать своего рода **амакудари**. Бывшие бюрократы нередко занимают самые высшие посты в иерархии правящей партии. В 80-е годы один из трех депутатов от ЛДП в палате представителей был бывшим чиновником государственного аппарата, а один из пяти — бывшим сотрудником основных министерств.

Бюрократы и политики согласованно определяют основные приоритеты экономического развития страны, учитывая, конечно, прежде всего интересы крупного бизнеса и достигая при этом «консенсуса большинства». Административная бюрократия действует в центре, т.е. в министерствах, а политики обеспечивают голоса избирателей на местах. В результате все экономические успехи страны в послевоенный период устойчиво ассоциировались у населения с успешным правлением либерал-демократов и эффективным функционированием государственного аппарата.

Однако разветвленный механизм взаимодействия трехкомпонентной триады с середины 70-х годов начал давать сбои, переросшие в 90-е годы в острый кризис, разрешение которого потребовало немедленного и одновременного проведения административной, финансовой, политической и других реформ. Это было вызвано не только внутривнутриполитическими факторами, но и внешними. Речь идет прежде всего о глобализации экономической активности и либерализации всей хозяйственной деятель-

ности, что потребовало перестройки послевоенной бюрократической системы.

В настоящее время на бюрократию списывают многие негативные явления, накопившиеся в японском обществе. Ее обвиняют в том, что она играет доминирующую роль в бизнесе (ставя тем самым барьер на пути развития свободной конкуренции), «административном руководстве» (т.е. в сдерживании демократических механизмов), в монополии на информацию в средствах массовой информации (иначе говоря, в установлении неофициальной цензуры). Именно ее многие считают виновной в создании экономики «мыльного пузыря» и последующем экономическом спаде. Так, ранее упомянутый начальник Управления экономического планирования Сакаия Таити замечает, что она не сумела справиться с трудностями в такой сфере, как финансы. «Это не провал рынка, — пишет Сакаия, — а провал бюрократии»²⁴.

В современном японском обществе бюрократия стоит на пути проведения радикальной административной реформы, которая должна дать новый импульс для перестройки экономики на новых, более эффективных началах путем проведения, в частности, политики дерегулирования, что усилит действие рыночных механизмов и будет способствовать дальнейшему совершенствованию демократических институтов в целом. Воспитанная в условиях «догоняющей страны», когда преобладал менталитет «прилежного ученика», в 80-е годы XX в. столетия японская бюрократия перестала соответствовать новым реалиям, требующим более творческого подхода. Вместо того чтобы идти вперед, она предпочитала сохранять статус-кво, что обеспечивало ей достаточно беззаботное существование. Такое положение в условиях ее всевластия не могло не привести к такому негативному явлению, как коррупция.

Коррупция в Японии, безусловно, имеет исторические корни. В соответствии с конфуцианскими нормами поведения всегда существовал обычай подношения подарков, прежде всего вышестоящим, которые в современных категориях можно рассматривать как зачаточные формы коррупции. Однако японское чиновничество мэйдзийских времен было слабо коррумпировано, ибо тогда был высок статус бюрократа, который получал, правда, не очень высокий, но постоянный доход. Кроме того, чиновники

²³ Tokyo Business Today. March 1995, p. 16.

²⁴ Japan Echo. 1998, February, p. 23.

«первого призыва» были по большей части убежденными «государственниками». Что же касается представителей частного капитала, то они в то время выстраивали систему взаимоотношений на предприятиях на принципах патернализма, а их отношения с государством напоминали прежние отношения между вассалом и сюзереном²⁵.

Интересно, что если в развивающихся странах коррупция процветает в условиях нестабильной политической системы и слабой экономики, то в Японии о ней заговорили в полный голос с начала 70-х годов, т.е. когда Япония уже вышла на второе место в мире по объему промышленного производства. Причем коррупция захлестнула не только сферу бизнеса и бюрократии, но и политику, т.е. исполнительную и законодательную власть. Это во многом было связано с особенностью финансирования избирательных кампаний, о чем много писали отечественные исследователи²⁶. Однако все эти скандалы в принципе не поколебали положение бюрократии в структуре государственной власти, поскольку именно бюрократы помогают политикам проводить парламентские дебаты и отвечать на запросы, снабжая их необходимой информацией. Этим же объясняется наличие на ответственных постах в правительстве представителей правящей партии (избиравшихся в парламент не менее шести-семи раз), не обладающих необходимой компетенцией, что стало уже своего рода традицией. Проблема отстранения бюрократов от участия в парламентских дебатах — острый дискуссионный вопрос современной политической жизни Японии²⁷, отчасти подогреваемый молодым поколением политиков, жаждущих укрепить свои позиции. Видимо такой практике пока еще нет альтернативы.

Через громких скандалов, связанных со взятками среди высших чиновников, в частности министерства финансов и Банка Японии, породила общественное противодействие засилью бюрократии в стране и настоятельно поставила вопрос о разработке законодательной базы для предотвращения коррупции, хотя, конечно, только законодательным путем гарантировать этическое поведение чиновника невозможно. Вопрос о принятии закона об этике для государственных служащих поднимался не раз, но правящая партия всегда пресекала подобные попытки. Мини-

²⁵ Подробнее см.: *Marshall B.K. Capitalism and Nationalism in Prewar Japan.* Berkeley (Calif.), 1967, p. 3, 4.

²⁶ См., например: *Макаров А.Л. Политическая власть в Японии.* М., 1988.

²⁷ *Asahi Evening News.* 07.01.1999.

стерствам и ведомствам было предложено разработать свои «этические нормы». По содержанию они были достаточно жесткими, но мало соблюдались на практике.

Сейчас в Японии и политики, и средства массовой информации, и даже бюрократы выступают за проведение системных реформ. Прежде всего, предусматривается повышение роли закона в административной деятельности (и, соответственно, отказ от практики «административного руководства») и отделение процесса выработки политики от ее практического осуществления. Другими словами, речь идет об отказе от старой практики.

Прежде всего предполагается к 2010 г. сократить государственный аппарат на 25%. Этот план не вызывает особых разногласий у всех игроков на политической арене, но для его претворения в жизнь необходимо проявить политическую волю: в противном случае все сведется всего лишь к очередной реорганизации. Более того, одно только сокращение числа государственных чиновников не приведет к тому, чтобы бюрократия перестала быть своего рода фетишем. Одной из главных целей реформы является расширение функций премьер-министра в части проявления законодательной инициативы, что снизит значимость бюрократии в формировании политики и повысит роль политиков. Еще одна важная черта предполагаемой реформы — использование в государственном аппарате методов и стиля работы частного сектора, а также привлечение предпринимателей в качестве советников по вопросам экономики и финансов. Так, в состав нынешнего кабинета впервые был введен представитель частного сектора Сакаия Таити в качестве, как уже упоминалось, руководителя Управления экономического планирования. Но реорганизация только центрального аппарата не сможет оказать радикального влияния на изменение существующей системы. Необходимо проведение комплексных реформ.

Это связано с тем, что бюрократическая система, которая, безусловно, требует самого серьезного реформирования, продолжает оставаться одним из главных факторов устойчивости японской государственности. В бытность премьер-министром Хасимото Рютаро был образован Комитет по проведению административной реформы (хотя его создание не было оформлено законодательно, как это было сделано в 1989 г.). В его состав не вошли представители бюрократии, но они занимали должности в его секретариате: один из них — Яги Тосимити — даже в ранге заместителя генерального секретаря Комитета. Он, в частности,

заявил, что никто, кроме бюрократов, не в состоянии понять, как должны функционировать бюрократические органы²⁸. И скорее всего, он недалек от истины.

Таким образом, на стыке тысячелетий бюрократия продолжает сохранять свои позиции в политической системе Японии, но не исключено, что предстоящая административная реформа внесет существенные изменения в ее положение. Ведь прагматизм японской политической элиты всегда помогал ей найти необходимые ответы на вызовы времени.

²⁸ Tomohito Shinoda. Hashimoto's Leadership in Administrative Reform. Working Paper, October 13, 1999, Niigata, p. 4.

ЭЛЕМЕНТЫ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА В СИСТЕМЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ

Вопрос об умении своевременно и грамотно принимать решения является ключевым для оценки эффективности любой системы государственного управления, равно как и политической системы в целом. Сразу оговоримся, что речь в данном случае идет о стратегических решениях, определяющих магистральный путь социального, экономического и политико-правового развития. Для Японии эта аксиома приобрела особый смысл на рубеже двух тысячелетий, когда страна оказалась в качественно новой реальности и когда выбор правильных государственных решений становится императивом общественного развития.

Далее речь пойдет о факторах, которые прямым или косвенным образом воздействуют на принятие подобных решений в японской системе центрального административного управления. При этом особое внимание будет уделено элементам традиционализма, присутствующим в ней как на управленческом, т.е. системно-организационном, уровне, так и на уровне национальной психологии.

Итак, попробуем обозначить управленческие эффекты, которыми чреватые те или иные черты национального характера. Прежде всего имеет смысл коснуться тех из них, которые на протяжении веков во многом определяли механизмы функционирования японского социума. Речь идет о группизме и, как следствие, коллегиальном характере принятия решений, склонности к достижению консенсуса, конформизме, стремлении избежать личной ответственности. Уместно процитировать видного американского политолога Б.Ричардсона, который отмечал: «При анализе социально-политических процессов и их влияния нельзя упускать из виду, что японский социум ориентирован на сообщества и

группы, что он стремится к консенсусу в процессе принятия решений и что, в конечном счете, он является патерналистским применительно к личным взаимоотношениям в рамках определенных социальных слоев»¹. Эта характеристика, относящаяся японской политической культуре в целом, приобретает особый смысл при ее экстраполяции на сферу центрального административного управления, а точнее — на процесс принятия решений в органах государственной власти.

Сложившийся стереотип, во многом отражающий реальность, хотя и в несколько упрощенном виде, предполагает, что в противоположность западной организационной модели, в основе которой лежит объединение индивидуальностей, типичная японская организация представляет собой собрание группистски настроенных лиц и что в ходе совместной работы партнеры быстрее находят общий язык лишь тогда, когда могут понять настроения партнеров и сопереживать им. Другими словами, группизм ведет в первую очередь к тому, что именно в группе японцы могут проявить наибольший объем индивидуальных способностей².

Исторически сложившаяся традиция работы в группе накладывает свой отпечаток на все стадии процесса принятия решений, касается ли это разработки правительственного законопроекта в парламенте или принятия фирмой решения о направлении своего сотрудника в командировку. В то же время следует отметить, что участие индивидуума в процессе принятия группового решения вовсе не исключает возможности его параллельного участия в работе другой подобной группы. Именно в этом японский политолог Хаяси Сюдзи видит особенность японской модели индивидуализма. «Свобода индивидуальности, — отмечает он, — в Японии проявляется в том, что индивидуумы могут свободно участвовать в работе сколько угодно большого количества других, не связанных с первой, групп»³. Применительно к японской политической практике это, в частности, выражается в участии влиятельных политических деятелей в работе многих формальных и неформальных групп.

Приоритет группистских механизмов принятия решений имеет с точки зрения управленческой практики ряд существенных организационных и ориентационных эффектов.

Во-первых, группистское решение всегда более консервативно, нежели индивидуальное: ментальный настрой группы (особенно когда речь идет об объединении группистски настроенных индивидуумов) отличает перманентная ориентация на закрепление статус-кво, а не на новые дерзания. В то же время инициативному индивидууму, особенно предлагающему нетрадиционные подходы, всегда бывает трудно добиться признания своей идеи коллегами. Это проявляется особенно отчетливо, когда возникает потребность в кардинальном изменении старой политики — в таких случаях группа чаще всего оказывается в растерянности, т.к. она по своей сути обеспечивает определенную организационную устойчивость, но не новаторство. Что же касается решения вопросов государственной политики в рамках формальной бюрократической структуры, то в этом случае на консервативную суть группизма накладывается еще и консерватизм самой бюрократии.

Во-вторых, группистское решение ведет к размыванию степени отвлеченности конкретных лиц, участвующих в его разработке. Особенно это характерно для Японии, чья история дает массу примеров невыраженности индивидуального начала в политике, нечеткости авторства многих инициатив. Еще в эпоху Токугава подаваемые крестьянами петиции подписывались по кругу, чтобы у властей не возникло повода найти «более виновных», чьи имена стоят ближе к началу списка. По этой же причине Токийский трибунал столкнулся с трудностями в определении меры персональной вины конкретных руководителей.

В-третьих, японская модель принятия группистских решений построена скорее по патерналистскому, нежели иерархическому принципу. Речь идет о том, что между верхними и нижними слоями принимающих решения лиц формируются отношения, характерные для традиционной семьи: «старшие» берут «младших» «под свою защиту». Одновременно они делегируют им максимальные полномочия по принятию решений, стараясь не вмешиваться в рутинный процесс их подготовки, в то время как «младшие» стремятся выказать свою верность и принимать решения, отвечающие ожиданиям «старших». Эту модель характеризует наличие постоянного информационного обмена между «старшими» и «младшими».

Помимо группизма, важными этнопсихологическими характеристиками процесса принятия решений является также консенсус и связанный с ним этнопсихологический ареал конформистской коммуникативной культуры.

¹ Richardson B.M. The Political Culture of Japan. Berkeley (Calif.), 1974, p. 3.

² Doi Takeo. The Anatomy of Dependence. Tokyo, 1990, p. 174-175.

³ Hayashi Shuji. Culture and Management in Japan. Tokyo, 1988, p. 175.

Японская культура всегда ставила единодушие выше «голосования большинством». Для его достижения применяется широкий спектр согласовательных методов: информирование потенциальных противников проекта решения, его неформальное обсуждение в узких группах (т.н. *нэмаваси*, или «окучивание корней»), нахождение точек соприкосновения и выработка единой позиции. Следует особо отметить широкое применение интегративного метода: если на Западе противники стараются выиграть спор, выдвигая более сильные аргументы, то в Японии активнее применяются методы примирения позиций путем их сближения, достижения компромисса, выработки единого мнения. При этом в отличие от Запада, где решения принимаются в ходе формального обсуждения на официальном совещании принимающих решение лидеров и затем просто спускаются вниз для исполнения, в Японии окончательный вариант решения формируется на этапе неформальных и неофициальных встреч всех тех, кого это решение затрагивает. Это подразумевает не просто предварительное «информирование» нижестоящих, но и их реальное участие в обсуждении проекта решения с возможностью коррекции общей позиции. На данном этапе признается право конкретного индивидуума на несогласие, которое может быть учтено; в то же время от него требуется проявить способность к компромиссу. Считается, что переговоры могут закончиться успехом лишь в том случае, если партнеры поймут цели и долгосрочные установки друг друга и попытаются найти компромиссный вариант решения, «войдя в положение» оппонента⁴. Когда же точка зрения группы получает свое оформление в виде консолидированной позиции, она выносится на официальное совещание, которое должно лишь легализовать уже принятое решение. Именно в этом механизме американский этнопсихолог Т.С.Лебра видит особую роль конформизма (*энрё*), как одного из базовых понятий японской модели принятия решений. Подчеркивая, что в этой модели особую роль играет не наличие согласия, а отсутствие возражений (*иги наси*), она отмечала, что данная модель допускает подавление неудовлетворенного неконформистского «я» путем социального взаимодействия, без нарушения единства общей линии⁵.

⁴ Так, в парламентских столкновениях правящая партия, понимающая необходимость для оппозиции быть принципиальной в глазах избирателей, охотно подыгрывает последней, организуя совместные спектакли «бескомпромиссного соперничества».

⁵ Lebra J.C., *Sugiyama Takie*. Japanese Patterns of Behavior. Honolulu, 1986, p. 31.

Важными чертами японской этнопсихологической модели принятия решений также является особая роль невербальных средств коммуникации, приоритет контекста над смыслом, физического общения над формально-иерархическим. Если проводить аналогии с российской действительностью, в Японии прижилось «банно-застольное право», но нет «телефонного права», или права безусловного приоритета мнения руководителя. Японская модель не приемлет диктата или разговора с позиции силы. Следует также учесть, что большую роль играет трудноуловимая атмосфера взаимопонимания и взаимного доверия, позволяющая всем участникам собрания ощутить свою сопричастность процессу принятия решения. По мнению Хаяси, японцы часто находят общий язык без прямых вербальных контактов⁶. Примером такой коммуникации является японская классическая поэзия: культура восприятия трехстиший *хайку* подразумевает, что сочинитель и читатель будут иметь общий эмоционально-поэтический настрой, иначе смысл произведения не будет понят.

Наконец, существенным фактором этнопсихологической мотивации процесса принятия решений является феномен дихотомии формы и содержания, общего и частного, теории и практики ее применения⁷. Правда, применительно к интересующему нас вопросу этот феномен не носит универсального характера и не всегда отражает национальную специфику, поскольку конфликт упомянутых противоположностей в той или иной степени характерен для всех мировых управленческих моделей.

Важнейшим критерием оценки системы принятия решений является способность управляющей элиты грамотно и своевременно готовить такие решения и обеспечивать их практическую реализацию. С этой точки зрения ключевое значение имеет анализ особенностей социально-экономического и психологического статуса карьерной бюрократии министерств и ведомств, которые, собственно, и определяют управленческий потенциал центрального административного аппарата. Эти особенности в целом отражают статус правительственной бюрократии в странах конфуцианского культурного ареала. Нельзя не согласиться с А.А.Макаровым, который отмечал, что «реальная роль и место

⁶ Hayashi Shuji. Culture and Management in Japan, p. 121.

⁷ Например, все слои бюрократии выступают за административную реформу (форма, общая теория), в то время как никто не берет на себя ответственность за то, чтобы предпринять конкретные шаги (содержание, конкретные интересы отдельных чиновников).

высшей бюрократии в политическом механизме Японии значительно обширнее, чем это определено формальными юридическими постановлениями»⁸.

Во-первых, положение японской бюрократии, как и в других странах указанного региона, традиционно отличает высокий авторитет чиновников в общественном сознании и доверие к ним со стороны общественного мнения. Подготовленные бюрократией решения по-прежнему в массе своей безальтернативны. Следует также учесть, что наряду с бюрократической процедурой существует своеобразный «партийно-правительственный механизм» подготовки решений, в рамках которого проекты политических и программных документов предварительно (или параллельно) прорабатываются структурами правящей партии. По сути, в условиях длительного господства одной партии (Либерально-демократической) механизмы экспертизы решений на политическом уровне, т.е. на уровне парламента, политических партий и т.д., оказываются в значительной степени заблокированными по причине сращивания государственного и партийного аппарата. В этом смысле японская модель во многом напоминает классический советский вариант партийно-правительственного управления — с той лишь разницей, что в японском варианте, в отличие от советского, приоритетную роль в выработке и инициировании стратегической линии играет именно правительственная бюрократия.

Во-вторых, японская бюрократия считает себя незаменимой и с предубеждением относится к альтернативным методам подготовки решений, придерживаясь высокомерного подхода к так называемым неправительственным организациям и к попыткам политического руководства переместить акценты в механизмах принятия решений. Уместно привести в этой связи наиболее характерные высказывания японских политологов, занимающихся проблемами бюрократии. Так, Сиота Усио отмечал, что «в основе самосознания бюрократии в рамках этой системы лежит недоверие к народу, к политике, партиям, к негосударственному сектору экономики, к либерализму, т.е. конгломерат недоверия ко всему... Этот конгломерат недоверия, по всей видимости, отражает чувство превосходства бюрократии и гипертрофированное сознание собственного мессианства»⁹. На это же обращал вни-

⁸ Макаров А.А. Политическая власть в Японии. М., 1988, с. 164.

⁹ Тую корон. 1999, № 8, с. 83.

мание и профессор Токийского университета Кёгоку Дзюнити, писавший, что чувство мессианства, вкупе с патриотизмом, обосновывает цели и задает направление выработки политики¹⁰. А Вада Сигэки, профессор университета Тюо, отмечал тот факт, что элитарность психологии чиновников во многом питает сознание того, что именно они и есть государство¹¹.

Такой настрой инспирируется и объективными признаками элитарности японской правительственной бюрократии. К ним следует отнести корпоративную однородность и одновременно кастовость структуры высшей бюрократической прослойки. Японская бюрократия фактически построена по военно-иерархическому принципу. В ней выделяется слой так называемой карьерной бюрократии, принадлежность к которой определяется прохождением специальных государственных экзаменов, слой «некарьерной» бюрократии и, наконец, чиновники, работающие на основе временных контрактов¹². В составе карьерной бюрократии, в свою очередь, имеется узкая прослойка выпускников ведущих японских университетов (прежде всего Токийского), имеющих фактически эксклюзивный доступ к управленческим постам в административной иерархии (от начальника сектора и выше).

Другой причиной элитарности следует назвать независимость положения бюрократии от изменения политической ситуации. Смена правительства в Японии не влечет за собой кадровые перетряски в министерствах и ведомствах. Ставшие во главе правительственных учреждений политические деятели не могут свободно формировать там «свою команду» и при назначениях вынуждены считаться с существующим «табелем о рангах». Стабильность положения закрепляется социальными гарантиями для правительственных служащих: системой пожизненного найма, достойной зарплатой, хорошим уровнем пенсионного обеспечения. Бюрократы активно пользуются специальной системой со-

¹⁰ *Kyogoku Junichi. The Political Dynamics of Japan. Tokyo, 1987, p. 216.*

¹¹ Асахи симбун. 06.07.1999.

¹² Интересно, что аналогия с армией, точнее, с традицией «дедовщины» находит свое подтверждение и во взаимоотношениях между старослужащими и новичками, например, в полиции. По данным журнала «Сюкан посуто», в региональном полицейском управлении Ацуги «существует огромный разрыв по старшинству между офицерами полиции и теми из них, кто вступил в должность год назад. В столовой более молодые офицеры должны приносить еду для своих старших товарищей. Они обязаны также давать им прикурить. Если они не делают это, их изобьют...». — *Weekypost. September 13-19, 1999.*

циального и медицинского обслуживания, системой жилищных субсидий, кассами взаимопомощи для кредитования на случай похорон или свадеб, привилегированными магазинами и ателье, рекреационными и спортивными учреждениями и т.д. Наконец, после окончания службы бюрократы имеют возможность перейти на работу в частный бизнес (это явление получило название *амакудари*, или «сошествие с небес»), причем это касается не только крупных должностных лиц, но и чиновников средней руки. Крупнейшие компании охотно нанимают отставных бюрократов, рассчитывая на долговременное использование их личных связей при решении своих проблем на правительственном уровне. Кроме того, так «оплачиваются» информационные и прочие услуги, оказанные в свое время тем или иным чиновником.

Независимость бюрократии от политической конъюнктуры имеет глубокие исторические корни. Японская бюрократия, в отличие от германской, фактически не пострадала от послевоенных чисток. Многие высокопоставленные бюрократы военного времени, например Ёсида Сигэру, Сато Эйсаку, Икэда Хаято, не только вернулись на крупные посты в государственном аппарате, но и преуспели в политике, возглавив в разные годы кабинет министров. Японская бюрократия унаследовала с довоенного периода особый психологический настрой, который Сиота назвал «менталитетом мобилизационной экономики»¹³. Речь идет об особой системе государственного управления, созданной в 1940 г. и предусматривавшей тотальный государственный контроль над всей экономической жизнью государства в военное время. Не в этом ли настрое коренятся многие беды современной административной системы Японии: чрезвычайная зарегулированность всех областей экономики и социальной сферы, обилие предписаний, надоедливое и бессмысленное «конвоирование» правительством финансовых учреждений и т.д.?

Специфичные для японской бюрократии организационная и психологическая гомогенность, кастовость, элитарное сознание собственной исключительности и мессианства, упомянутый менталитет «мобилизационной экономики», господство в обществе конфуцианской морали с ее культом «просвещенного чиновника», равно как и общие для всех бюрократий мира черты — претензии на перманентное усиление собственных полномочий, борьба друг с другом за расширение сфер компетенции, за уве-

личение бюджета и кадрового расписания, — все это, в конечном счете, создает большие проблемы для административной системы страны. Именно вызванные этими факторами проблемы стали главной причиной проведения административной реформы 90-х годов. Вместе с тем именно эти черты являются серьезным препятствием на пути коррупции, которая хотя и получила распространение, но не в столь массовых масштабах, чтобы представлять угрозу национальной безопасности. Как отмечала газета «Асахи», «усиление политики дерегулирования и ограничение *амакудари* может повлечь за собой усиление коррупции»¹⁴.

Теперь обратимся к реальной административной практике и посмотрим, какие методы используются управленческой элитой в процессе подготовки государственных решений, как обеспечивается консолидация позиции ведомств по различным вопросам управления.

Поскольку решения центрального правительства являются типичным примером группистских решений, общим принципом их принятия является достижение консенсуса. Трудно не согласиться с В.Н.Ереминым, который отмечал, что «самая важная тенденция развития современного японского общества состоит в усилении процесса осознания необходимости и возможности консенсуса, а также... в продвижении на пути к консенсусу»¹⁵. Именно через консенсус во многом обеспечивается чувство единения и корпоративной солидарности карьерной бюрократии, дух кастовости и элитарности.

Достижение консенсуса непосредственно зависит от наличия механизмов, обеспечивающих консолидацию мнений по соответствующему вопросу в среде принимающих решения управленцев. Наиболее важными из них являются *ринги* и *нэмаваси*. Попытаемся рассмотреть эти понятия в строго определенном контексте — в связи с подготовкой центральным административным аппаратом конкретных управленческих решений.

¹⁴ Асахи симбун. 06.07.1999.

¹⁵ Еремин В.Н. Политическая система современного японского общества. М., 1992, с. 66.

¹³ Тюо корон. 1999, № 8, с. 83.

1. Система ринги

Семантически термин *ринги* означает документ, «почтительно подаваемый снизу вверх (от нижестоящего к вышестоящему) для согласования»¹⁶. Система *ринги* предполагает, что документ с проектом решения, инициированный первичным подразделением, проходит согласование по определенному субординационному порядку, получая оттиски личных печаток всех компетентных чиновников, имеющих отношение к данному вопросу.

Существуют два основных метода *ринги**. Первый из них — «метод обезличенного согласования» — предназначен для решения рутинных, не очень важных технических вопросов. Он предполагает самостоятельное прохождение документа в определенном инструкцией порядке внутри ведомства. Второй метод — «метод персонифицированного согласования» — применяется при решении важных вопросов, затрагивающих широкий круг общественных интересов и сферу компетенции большого круга ведомственных подразделений, либо касается сложного и многоаспектного вопроса, требующего всестороннего рассмотрения с различных позиций. Он предполагает, что документ лично обносится исполнителем (или иным представителем подразделения-эмитента) по всем заинтересованным структурам данного ведомства, причем сама последовательность сбора оттисков печаток играет здесь гораздо меньшую роль. В этом случае речь идет о документах, которым требуется обеспечить срочность прохождения, секретность и конфиденциальность. К таковым относятся, например, все крупные решения, касающиеся бюджетно-финансовой сферы, проекты законов, представляемые в парламент.

К главным особенностям системы *ринги*, являющимся одновременно ее достоинствами и недостатками (а точнее, недостатками, переходящими в достоинства), можно отнести следующие моменты.

Во-первых, *ринги* обеспечивает коллегиальность принимаемого решения, т.е. позволяет задействовать административно-правовой механизм, позволяющий в максимальной степени учесть

мнение всех без исключения работников данного подразделения, а также легализовать этот процесс и придать ему должную документированную форму¹⁸. При помощи *ринги* фактически происходит интеграция общей позиции группы, в данном случае административного подразделения. Как писали В.А.Пронников и И.Д.Ладанов, «в рамках *ринги* рядовые работники проникаются иллюзиями относительно своей роли в принятии решений»¹⁹. Следует уточнить, что речь в данном случае идет не об «иллюзиях», а о возможности быть в курсе подготавливаемых решений, даже если нет реальных рычагов воздействия на его ход, т.е. об обеспечении психологического комфорта, вызываемого сопричастностью к выработке общей линии своего подразделения.

Во-вторых, *ринги* требует больших затрат времени, поскольку процесс согласования, особенно в случае «обезличенного метода», может быть весьма затянутым. Цудзи Кийаки писал, что оппоненты, которые в силу определенных причин не могут выступить против (например, если решение носит политический характер и задано сверху или из-за риска заведомо остаться в меньшинстве), нередко используют *ринги* для искусственного затягивания процесса, например надолго оставляя у себя проект решения²⁰.

В-третьих, система *ринги* обеспечивает делегирование основной части ответственности вниз, а также ее распыление в низших слоях принимающей решения бюрократической элиты. Именно это обстоятельство отмечали В.А.Пронников и И.Д.Ладанов в качестве главной особенности *ринги* как чисто японской системы принятия решений, когда писали, что *ринги* — это такой порядок, при котором «высшая администрация только намечает проблему, а конкретная ее разработка и выдвижение предложений по ее решению делегируются „низам“»²¹.

Надо заметить, что высшие эшелоны бюрократии в Японии вообще склонны к тому, чтобы с легкостью перекладывать на низшие звенья управления всю полноту ответственности за принимаемые решения оперативного характера. Кёгоку отмечал, что в сфере административного управления «локус формальной компетенции и локус реальных полномочий абсолютно не совпа-

¹⁸ Подробнее см.: Цудзи Кийаки. Нихон канрёсэй-но кэнкю (Исследование японской бюрократической системы). Токио, 1992, с. 158.

¹⁹ Пронников В.А., Ладанов И.Д. Японцы. М., 1996, с. 299.

²⁰ Цудзи Кийаки. Нихон канрёсэй-но кэнкю, с. 158.

²¹ Пронников В.А., Ладанов И.Д. Японцы, с. 297.

¹⁶ Впервые термин официально был использован в 1876 г. в законе, посвященном статусу государственного банка.

¹⁷ Подробнее см.: Стрельцов Д.В. О проблеме политического руководства процессом подготовки правительственных решений. — Знакомьтесь — Япония. 1999, № 27.

дают»²². Классический пример этого — решения, принимаемые на заседаниях кабинета министров. В реальности они формулируются на совете административных заместителей министров, проходящем накануне, а кабинет министров фактически лишь одобряет уже принятые решения.

Такое распыление ответственности связано в первую очередь с внутренней однородностью прослойки карьерной бюрократии, обеспеченной экзаменационными и образовательными цензами. В этих условиях между руководством подразделения и ответственными работниками-исполнителями отсутствует психологический барьер подчиненности, свойственный классической иерархии. Имеет место лишь негласное разделение обязанностей, по которому «низы», являясь экспертами, готовят решение, а «верхи» освещают его своим одобрением.

Такому положению вещей способствует и отсутствие в нормативных документах, регулирующих порядок делопроизводства в административных учреждениях, юридически четкого закрепления меры ответственности конкретных звеньев управления. По сути, в законах о министерствах и ведомствах провозглашаются лишь общие принципы такого разделения. В действительности же традиции обеспечивают приоритет мнения исполнителей, как правило, на уровне ниже начальника сектора.

Отсутствие у начальника подразделения реальных мотивов вмешиваться в работу подчиненных может быть объяснено двумя обстоятельствами. Во-первых, у руководителей отделов (управлений) отсутствует собственный вспомогательный аппарат, который позволил бы грамотно оценить предлагаемый снизу проект решения²³. Во-вторых, играет роль психологическая атмосфера взаимного доверия, не позволяющая начальнику из этических соображений «марать» подготовленную подчиненным бумагу. Играет свою роль и то обстоятельство, что по неписаным правилам мнение руководителя является лишь «справочным материалом» для исполнителя, который волен оставить все как есть. Наконец, постоянное, без лишней нужды, внесение исправлений и дополнений в уже согласованный проект сделало бы процесс согласования, и так достаточно затянутый, вообще бесконечным.

²² *Кюдзюки Junichi*. The Political Dynamics of Japan, p. 218.

²³ Точно так же депутаты парламента полагаются на грамотность правительственных законопроектов не только потому, что «полагаются во всем» на чиновников, но и потому, что традиционно не имеют собственного экспертного аппарата.

Если же возникают проблемы, связанные с некомпетентностью исполнителя либо с отсутствием у него должного опыта, они решаются, как принято говорить, «в рабочем порядке» силами самого исполнителя и под его полную ответственность. Чаще всего проблема не выносится на более высокий уровень, а решается на месте. Ответственный исполнитель чаще всего консультируется со своим старшим коллегой из числа так называемых *мадогивадзоку* («племени сидящих у окна»)²⁴. Таким образом сотрудники старших возрастов, не слишком преуспевшие по части карьерного роста, удовлетворяют свое самолюбие, выступая в качестве экспертов, играющих ключевую роль в решении вопроса; этим же обеспечивается морфологическая однородность и чувство единения бюрократической элиты. О том, что рядовые работники оказываются на переднем крае процесса принятия решений, говорит и тот факт, что именно они часто оказываются на скамье подсудимых вместе со своими начальниками при расследовании крупных коррупционных скандалов.

В этой связи возникает вопрос: действительно ли «управляющая элита» министерств и ведомств (под *ТАКОЕОЙ* мы понимаем номенклатуру чиновников класса не ниже начальника сектора) не имеет никаких реальных рычагов влияния, а если имеет, то насколько оно является действенным?

Кёгоку отмечал, что реальные полномочия в решении вопроса, не носящего политический характер, находятся у руководителей отделов и секторов, которых он даже именует «реальным японским правительством»²⁵. Он обосновывал это тем, что именно этой прослойке бюрократии принадлежит право запускать процесс *ринги* и блокировать его и что они от имени своих подразделений могут налагать вето на проект решения смежной структуры. Наконец, именно эти управленцы от своего имени проводят со всеми заинтересованными структурами первичное, неформальное согласование, касающееся общей направленности решения, и дают распоряжение о начале его подготовки.

Вместе с тем следует констатировать, что ответственность за содержательные аспекты смещена скорее в сторону низших звеньев управления. Формально решение принимает начальник, а подчиненные «помогают» ему, в реальности же именно на под-

²⁴ Так в Японии именуют тех сотрудников, которые не имеют, в силу отсутствия способностей, диплома престижного университета и т.д., соответствующей своему возрасту административной должности.

²⁵ *Kyogoku Junichi*. The Political Dynamics of Japan, p. 217.

чиненных ложится наибольшая ответственность. Эта тенденция проявляется в еще большей степени при решении технологических вопросов управления: молодое поколение оказывается гибче и прозорливее в узкоспециальных областях, требующих хороших знаний. Кроме того, бюрократическая субординация и нормы делопроизводства исключают какие-либо элементы конкуренции за лучший проект решения, поэтому особая роль низшего звена, более осведомленного в сути вопроса, компенсирует этот недостаток. Если же речь идет о политических вопросах, затрагивающих интересы Либерально-демократической партии (ЛДП) или имеющих большой общественный резонанс, они предварительно решаются внутривнутрипартийными методами.

По своему характеру система *ринги* представляет собой патерналистскую систему управления, напоминающую отношения в патриархальной японской семье: «старшие» опекают своих подчиненных и одновременно доверяют им, «младшие» проявляют преданность и стараются оправдать доверие, принимая на себя максимальную ответственность. Трудно не согласиться с Цудзи, который отмечал, что базовые принципы такой системы прямо противоречат классической концепции М.Вебера, согласно которой бюрократическая система представляет собой пирамидальную модель, в которой все указания идут сверху вниз, а обратная связь ограничивается в основном информационной подпиткой²⁶. Благодаря патерналистскому характеру в японской модели «указания», т.е. реальные проекты решений, движутся в основном снизу вверх. Фактически речь идет о том, что нижестоящие узурпируют полномочия своего начальства. В то же время такая модель не исключает и проведение постоянного обмена информацией между «младшими» и «старшими». Системный характер такого обмена во многом объясняет, почему процесс подготовки решения носит такой длительный характер, тогда как к исполнению его приступают немедленно.

Попутно отметим, что *ринги* порождает проблему межведомственной разобщенности и узковедомственного эгоизма. Действительно, благодаря системе *ринги* происходит консолидация точки зрения всего подразделения, а в дальнейшем и всего ведомства в целом. Однако эта система не распространяется на урегулирование межведомственных противоречий. Когда точка зрения ведомства вступает в противоречие с позицией смежного

ведомства, возникает конфликтная ситуация, разрешить которую могут лишь специально создаваемые согласительные механизмы — административно-контрольное управление (с 2001 г. — министерство общих дел), кабинет министров, в котором создается специальный орган, наконец, структуры правящей партии. Однако проблема менталитета ведомств как своего рода домена, вынужденного действовать во враждебном окружении, как представляется, сохранит свою актуальность надолго.

Основу межведомственных противоречий заложили системные изъяны политической системы страны. Начиная с конституции мэйдзэйского периода, всю полноту административной ответственности за определение политики в рамках своей компетенции несли именно главы ведомств, а не кабинет министров или иные политические органы. Как и бюрократические структуры в других странах мира, ведомства стали воевать между собой за кусок бюджетного пирога, за увеличение полномочий, расширение сфер компетенции²⁷. Интересно, что консолидация позиций на уровне отдельных подразделений может привести и к внутриведомственному соперничеству, накал которого бывает весьма высок. Так, не является секретом упорная борьба за влияние и бюджет между отдельными редакциями в рамках государственной телерадиовещательной корпорации NHK.

Узость ведомственного подхода к решению вопросов, приоритет групповых, корпоративных интересов над общегосударственными, проявляющийся в решениях отдельных ведомств, неоднократно демонстрировали неспособность карьерной бюрократии проводить эффективную государственную политику, предотвращать нежелательное течение событий. В качестве примера можно привести обострившиеся в последние годы проблемы сельского хозяйства, в основе которых лежала малообоснованная протекционистская политика государства. Существенные просчеты в решениях министерства внешней торговли и промышленности привели к обострению торговых отношений с США — основным внешнеэкономическим партнером Японии. Наконец, сам финансово-экономический кризис начала 90-х годов во многом явился следствием чисто административно-управленческих ошибок периода «экономики мыльного пузыря».

²⁷ Классическим примером является длительное соперничество между военным и военно-морским министерствами в годы второй мировой войны.

²⁶ Цудзи Киваки. Нихон канрёсэй-но кэнкю, с. 163.

2. Нэмаваси

Нэмаваси, или «окучивание корней», является важным методом внутригрупповой коммуникации на стадии подготовки определенного решения. Его цель достаточно прозрачна — обеспечить единство мнений внутри «своего круга» по определенному вопросу и расчистить почву для принятия легитимного решения в рамках формализованной встречи (совещания). В отличие от западных методов закулисного лоббирования японская система *нэмаваси* обладает одной особенностью, позволяющей говорить о национальной специфичности этого явления. Ее целью является не только и не столько достижение единства мнений, но и внушение охваченным ею лицам чувства сопричастности процессу принятия решений, а также поддержание духа единения и корпоративной солидарности. Только в этом смысле можно понять высказывание Хаяси, который подмечал, что главным в *нэмаваси* является не столько цель, сколько сам процесс²⁸.

Другой особенностью *нэмаваси* является его закрытый характер, высокая степень конфиденциальности и непрозрачности для общественного контроля. Речь идет не о формальной секретности передаваемой информации, а о том, что такая информация, поставляемая в самом различном виде (документы с проектом решения *рингисё*, служебные записки, устные доклады и сообщения и т.д.), является объектом рассмотрения и обсуждения узким кругом лиц, которые поддерживают доверительные отношения друг с другом и имеют возможность конфиденциально высказывать свое откровенное мнение без оглядки на позицию начальства.

В *нэмаваси* отражается традиционная нелюбовь японцев к публичным формам обсуждения. Например, в отличие от России, в старину все вопросы в крестьянской общине решались в Японии не на общем сходе, а на собраниях небольших неформальных групп, лидеры которых лишь передавали принятое решение главе общины. В политической истории страны до недавнего времени не было опыта гласных дискуссий на собраниях представительных форумов: парламент появился там лишь сто с небольшим лет назад, а значимые вопросы всегда решались узким кругом приближенных к правителям лиц. Характерно, что имевшие место в период Мэйдзи попытки внедрить систему открыто-

го и гласного рассмотрения дел по западному образцу натолкнулись на стену глухого непонимания со стороны тогдашней политической элиты, которая не могла взять в толк, как можно выносить вопрос на открытое обсуждение, не узнав предварительно мнение присутствующих²⁹.

Конкретные организационные формы *нэмаваси*, применительно к системе государственного управления, могут быть самыми различными. Сюда относится и личный обход чиновником из низового подразделения всех заинтересованных структур, и рассылка различных справочных материалов с разной степенью секретности, и проведение различных неформальных совещаний, семинаров и информационных форумов.

Так, большое распространение в среде ведомств получили специализированные семинары на различные темы, не обязательно связанные с основным профилем данного подразделения. В их работе обычно участвует широкий круг чиновников не только из основного подразделения, но и из всех заинтересованных отделов (секторов). Чаще всего цель таких семинаров — общее образование, ориентация в новых тенденциях, абсорбирование новой информации. В качестве лекторов и ведущих на них могут приглашаться эксперты в различных областях знаний, политики, представители бизнеса, академических кругов, средств массовой информации, наконец, чиновники из других ведомств. В последнее время в связи с модным ныне лозунгом «интернационализации» на такие семинары стали активно приглашать иностранных специалистов, работающих в Японии.

Другим интересным форматом являются «встречи после пяти часов» (время окончания рабочего дня) — заседания кружков со свободным составом участников, создаваемых в рамках отделов вокруг инициативного сотрудника. Обсуждаются на них, как правило, конкретные производственные вопросы, носящие прикладной характер. В состав кружков помимо сотрудников данного отдела могут входить работники других отделов министерства, а иногда — и работники других ведомств и даже причастные к проблеме представители частного бизнеса. Работа подобных

²⁹ По свидетельству очевидцев, когда главу княжества Сацума, который на собрании нижней палаты консультативного совета, созданного по указу императора в 1868 г., проголосовал обеими руками (по правилам допускалось голосовать либо левой рукой, либо — за противоположную точку зрения — правой), спросили, какая рука правильнее отражает его точку зрения, он ответил: «Обе руки правильные» (*Hayashi Shuji. Culture and Management in Japan*, p. 119).

²⁸ *Hayashi Shuji. Culture and Management in Japan*, p. 125.

кружков, которые Кёгоку метко назвал «политическими группами incognito»³⁰, поощряется начальством, которое признает их в качестве важного элемента производственного процесса. Подобные встречи, обеспечивающие широкий состав участников и неформальную атмосферу, не только существенно ускоряют процесс *ринги*, но и вносят для исполнителей, несущих основную ответственность за проекты решений, необходимую ясность в существо проблемы.

Наконец, важной формой *нэмаваси* является *канкан сэттай*, или «общение между чиновниками». Речь в данном случае идет о различных формах коммуникации во вне рабочее время: совместное посещение чиновниками ресторанов, ночных клубов, караоке-баров и иных учреждений индустрии развлечений. При этом участниками подобного рода встреч могут быть как сотрудники одного отдела, так и работники различных подразделений одного ведомства либо представители разных ведомств. Характерной чертой такой формы общения является широкое использование для оплаты услуг этих заведений представительских средств, доступ к которым имеет управленческая элита. В ответ на справедливую критику в использовании средств налогоплательщиков в личных интересах, один из чиновников, активно практиковавший подобные формы досуга, объяснил, что речь идет не просто об «общении», а «об обмене информацией», «установлении связей» и что «бывают такие моменты, когда просто нужна информация»³¹. Иными словами, речь здесь идет именно об одной из форм *нэмаваси*.

Заключительным этапом процесса принятия решений является формальное совещание. Здесь действует общее правило: чем значительнее вопрос, тем больше времени уходит на его «утрашку» и согласование и с тем меньшими временными затратами сопряжено его официальное принятие. Это правило, собственно, распространяется не только на административную сферу, но и на всю нынешнюю общественно-политическую практику. Так, например, общие собрания акционеров в современной Японии длятся не более нескольких минут, достаточных, чтобы утвердить уже принятое решение. Аналогично проходят заседания кабинета министров, многие пленарные заседания нижней палаты парламента. Например, без обсуждения консенсусом принима-

ются большинство парламентских резолюций и многие законопроект, лишенные политического содержания. Подобным же образом работают и так называемые консультативные советы министерств и ведомств. Журналисты газеты «Майнити» привели типичный пример деятельности «консультативного совета по вопросам безопасности окружающей среды», существовавшего при управлении по охране окружающей среды. За 3 года (1991–1993) этот совет рассмотрел на своих заседаниях в общей сложности 25 вопросов и по 22 из них, т.е. в 80% случаев, решение было принято сразу и без какого-либо обсуждения³².

Вместе с тем роль совещаний достаточно велика и, что самое важное, продолжает расти. С одной стороны, заключительное совещание, легализующее принятое решение, органичным образом вросло в систему группового принятия решений как один из неотъемлемых ее элементов. Без него достигнутые на предварительном этапе договоренности считаются недействительными. С другой стороны, совещания постепенно приобретают все большее значение и как реальный коммуникативный метод процесса принятия группистских решений в тех случаях, когда методы *ринги* и *нэмаваси* оказываются неэффективными. Нередко можно услышать о реальных публичных дискуссиях на совещаниях в госаппарате (особенно на проводимых на низовом уровне), когда происходит прямая конфронтация нескольких точек зрения. Однако чем выше уровень подобного совещания, тем выше степень консолидации точки зрения и тем меньше простора остается для ее корректировки в ту или иную сторону. Наконец, на совещаниях, проводимых на «высшем уровне» (уровень начальника отдела или управления), аппарат уже выступает с полно-

33

стью консолидированным мнением .

Мы затронули главным образом традиционные этнопсихологические, мотивационные и организационно-технические моменты модели принятия решений, сложившейся в системе го-

³² Касумигасэки синдорому (Синдром Касумигасэки). Токио, 1994, с. 138.

³³ Интересно, что в Японии сложилась традиция «утешения» тех, кто выражал оппозицию согласованному проекту решения на предварительной стадии, но был вынужден впоследствии подчиниться общему мнению, присоединившись к консенсусу, путем организации *нидзикай* — неформальных вечеринок в питейных заведениях, организуемых уже после официальной церемонии утверждения данного проекта.

³⁰ *Kyogoku Junichi. The Political Dynamics of Japan*, p. 222.

³¹ Микикуй канрётати. Канкан сэттай-но ими (Отвратительная бюрократия. Темные стороны «общения между чиновниками»). Токио, 1996, с. 154.

сударственной власти Японии. Однако в этой области существует еще одна крупная проблема — эффективности самой государственно-политической системы, ее способности вовремя ставить на повестку дня актуальные вопросы общественного развития и находить грамотные и своевременные пути их решения. В этой связи уместно кратко упомянуть наиболее характерные проблемы, стоящие перед этой системой в настоящее время.

Во-первых, в Японии в рамках модели парламентско-кабинетного правления произошла сильная концентрация власти в руках кабинета министров, который формально сосредоточил в своих руках и исполнительную, и отчасти законодательную власть (формируясь за счет депутатского корпуса и на основе решений парламента). Парадоксально, что именно эта противоречащая принципу разделения властей концентрация власти привела к тому, что кабинет не смог проявить себя самостоятельным и политически сильным субъектом в системе принятия государственных решений. Будучи органом парламентского большинства и являясь по этой причине заложником политической конъюнктуры, кабинет оказывается неспособным проявить политическую волю и упорство, достаточные для выдвижения и реализации долгосрочного стратегического курса. По сути, речь идет о том, что административные функции кабинета министров оказываются перепорученными отдельным министерствам и ведомствам, которые, в соответствии с изложенными канонами «патерналистской модели», фактически узурпируют и политическую составляющую государственной политики. В этой связи и выдвижение новых стратегических установок оказывается в полной зависимости от многочисленных факторов сиюминутного характера: прочности позиций правящего большинства в парламенте, близости всеобщих выборов, внутрипартийной ситуации и т.д.

Во-вторых, особенностью японской модели является двойная структура подготовки административных решений, предусматривающая, что стратегические вопросы государственной политики разрабатываются параллельно правительственными и партийными структурами (секциями совета по политическим вопросам ЛДП). Большой знаток этой системы принятия решений Муракава Итиро, обосновывая ее легитимность, отмечал, что партия большинства естественным образом берет на себя ответственность за принятие решений, так как именно она отражает «сис-

тему ценностей народа»³⁴. В связи с кризисом господства ЛДП в начале 90-х годов такая модель принятия решений начала переживать системный кризис, продолжившийся несмотря на то, что в дальнейшем ЛДП в значительной степени вернула себе утраченные позиции в парламенте. Принципиально новые экономические и политические условия, в которых Япония оказалась в 90-е годы XX в., — смена модели экономического роста, интернационализация экономики и выход на передний план глобальных экономических и экологических проблем, наконец, коренные изменения международной обстановки — все это потребовало перехода к новым методам разработки государственной политики, предполагающим участие в этом процессе широких слоев общественности. В то же время завязанный только на одну политическую партию механизм подготовки решений, как показала практика, приводит к проявлениям догматизма и узкопартийной зашоренности в государственных решениях, отсутствию действенного гражданского контроля, т.е. всему тому, что Мацусита Кэйити, профессор университета Хосэй, назвал системой «половинной демократии»³⁵.

Переход на новую систему административного управления, намечаемый на 2001 г., в числе прочего ставит своей целью перераспределить влияние на процесс принятия государственных решений в пользу официальных политических институтов и придать кабинету министров реальный статус «политического штаба», ответственного за разработку и выдвижение новой государственной политики³⁶. В то же время вопрос о том, сохранит ли ЛДП прежние рычаги воздействия на процесс принятия решений и партийную инфраструктуру для обеспечения такого воздействия, в долгосрочной перспективе будет зависеть от прочности ее позиций на политической арене, точнее, от способности остаться на политической арене в качестве единственной «сверхпартии».

В-третьих, особую актуальность для Японии, с точки зрения ее способности своевременного и точного инициирования новой государственной политики, приобретает проблема политическо-

³⁴ Муракава Итиро. Дзиминто-но сэйсаку кэттэй систэму (Система принятия решений ЛДП). Токио, 1989, с. 24.

³⁵ Мацусита Кэйити. Сэйсакугата сико то сэйдзи (Программное мышление и политика). Токио, 1995, с. 83.

³⁶ Подробнее см.: Стрельцов Д.В. Новые контуры центральной системы административного управления. — Японский опыт для российских реформ, 1999, № 4; 2000, № 1.

го лидерства, вернее, традиционная проблема отсутствия персонифицированного лидерского начала в политических решениях государственной власти, а также проблема персональной ответственности премьер-министра как руководителя исполнительной власти за принимаемые ею решения. В послевоенный период личность премьер-министра (а точнее — его персональные качества как руководителя исполнительной власти и одновременно правящей партии) определяла активность того или иного кабинета. К числу руководителей «активных кабинетов» относятся Ёсида Сигэру, успешно проводивший курс на послевоенное восстановление японской экономики, Накасонэ Ясухиро, добившийся проведения в жизнь административной реформы 1984-1986 гг., Икэда Хаято, прославившийся своей политикой «удвоения национального дохода», Танака Какуэй и Сато Эйсаку³⁷. Их опыт показал, что даже при нынешних ограничениях, не позволяющих главе правительства давать прямые административные указания «через голову» соответствующего министра³⁸, премьер-министр обладает достаточными полномочиями, чтобы навязать свою волю правительственной бюрократии. Вместе с тем нельзя не учитывать и то, что успех политического курса, выдвигаемого премьер-министром, зависит от его личных связей и возможностей неформального влияния на правительственную бюрократию. Так, Такэсита Нобору добился в 1988 г. введения нового потребительского налога во многом благодаря личным контактам в министерстве финансов, которое он ранее возглавлял в течение длительного времени. Многие положения административной реформы 90-х годов разработаны в министерстве внешней торговли и промышленности, в котором были сильны позиции премьер-министра Хасимото Рютаро.

В этой связи трудно согласиться с К.Вольференом, который определял японскую модель выработки решений как некую безликую «систему», не имеющую «политического пика» и полно-

стью определяемую активностью политической, бюрократической и деловой элиты³⁹. Вместе с тем было бы ошибкой считать, что административная реформа позволит главе кабинета автоматически стать центральной фигурой в процессе выработки государственной политики. Истина, по всей видимости, лежит где-то посередине. Трудно ожидать существенного ослабления роли и места центрального аппарата правительства в реализации определенной политической линии — слишком велики у него технические возможности, высока степень монополии на информационное обеспечение, наконец, сильны традиции опоры на бюрократию. Поэтому можно с большой долей вероятности предположить, что рассмотренные нами традиционные методы подготовки и принятия решений, применяемые в центральном аппарате министерств и ведомств, еще надолго сохраняют свою актуальность.

³⁷ «Активных» лидеров доцент Международного университета Синода Томохито называл «политическими инсайдерами» и «популистами», в противовес «пассивным лидерам» типа Судзуки Дзэнко и Кайфу Тосики, больше подходящим под определение «миролюбцев». См.: Japan's Political Leadership. The Prime Minister's Power and Style. Paper presented at Ph.D. Kenkyukai at International House of Japan in June 1995.

³⁸ Об этих ограничениях подробнее см.: Стрельцов Д. В. Реорганизация функций и методов государственного управления в рамках административной реформы 90-х годов. — Япония 90-х: кризис системы или временные сбои? М., 1998, с. 156-178.

³⁹ См.: Wolfers Karel G., van. The Enigma of Japanese Power. N.Y., 1989, p. 43-49.

НЕОКОНСЕРВАТИЗМ И ТЕОРИЯ «ТРЕТЬЕГО ПУТИ»: ЯПОНСКИЙ КОНТЕКСТ

Неоконсерватизм как явление

Систематизация политических идеологий требует выбора какого-то главного критерия оценки. Если исходить из того, что они представляют собой, как правило, концепции партий или политических движений, стремящихся прийти к власти и выступать в качестве посредника между государством и обществом, то таким критерием, несомненно, может быть отношение к государству.

До недавнего времени политические идеологии можно было разделить по этому признаку на три основные категории: революционные (как правило, коммунистические), нацеленные на смену существующего политического устройства государства; реформистские (социал-демократические), выступающие с той или иной степенью радикализма за изменение государства в пользу общественного «большинства»; консервативные, стремящиеся к сохранению политических устоев государства при совершенствовании его институтов не ради благополучия общества в целом, а для придания государству большей эффективности, что в конечном счете, по их мнению, принесет наибольшую социальную пользу.

Сейчас подобное деление представляется весьма условным. Отличительная черта второй половины XX в. и особенно его завершающей фазы — острый кризис идеологий и партий революционного типа. Ни одна солидная партия в мире сейчас практически не ставит задачу свержения существующего государственного строя. В значительной мере идеи революционного общественного переустройства были дискредитированы перерождением и даже распадом большинства государств и обществ, возникших в свое время в результате революций марксистского

© К.О.Саркисов, 2000

типа. Характерно, что в преддверии этих перемен коммунистическая идеология выступала как крайне консервативная сила, сопротивлявшаяся каким-либо серьезным подвижкам в устоях государства. Одновременно идеология реформизма перестала быть прерогативой социал-демократов. В последние полвека, особенно с середины 80-х до середины 90-х годов, консервативная политическая мысль активно искала новые подходы и серьезно рассматривала идею государственного управления экономикой и создания новых отношений государства и общества. Консерватизм (и особенно его новая версия — неоконсерватизм) нередко выступает теперь как радикальная политическая сила, пытающаяся найти ответы на вызовы времени.

На наших глазах завершился определенный этап эволюции политических идеологий. Два качества, которыми должны обладать, по крайней мере на данном этапе цивилизационного развития, государство и общество для своего динамичного развития — рыночная экономика и демократические политические институты — не оспариваются даже левыми силами. Таким образом, фокус политического и идейного противостояния переместился в другую сферу — определения соотношения роли рынка и государства в экономике, степени свободы рыночных отношений, объема, форм и методов государственного регулирования. На первый план вышли проблемы адаптации государственных механизмов взаимодействия с общественными институтами к динамично меняющейся социально-экономической среде и трансформации моделей роста в связи с новыми волнами научно-технического прогресса и особенно его нынешней фазы — «информационной революции». Что касается политической демократии, то споры идут не столько вокруг ее сути, сколько вокруг ее стандартов, их универсальности и национальных особенностей.

Постоянное обновление, поиск новых политических технологий — веление времени. Распад коммунистической идеологии в СССР и других странах произошел в результате того, что она в силу своего догматизма и уверенности в собственной непогрешимости не смогла адаптироваться к изменившейся среде. А оставшиеся две другие разновидности идеологий — консервативные и социал-демократические — не могут почивать на лаврах своей «исторической» победы над социализмом советского типа. Без серьезной эволюции их может ждать та же участь. Особенно это относится к консерватизму, который как идейно-

политическое течение особенно активно утверждал себя в противодействии коммунистической идеологии, так что с поражением последней его историческая миссия как бы завершилась.

Поэтому еще до крушения коммунизма и социал-демократы, и в первую очередь консерваторы стали серьезно задумываться над будущим. В результате консерватизм идеологически стал трансформироваться в сторону неоконсерватизма, а социал-демократизм — в сторону идеологии «третьего пути». При этом симптоматично, что когда-то полярные политические идеологии — консервативная и социал-демократическая — с концом левого и правого экстремизма стали двигаться навстречу друг другу. В результате, позиции двух течений стали удивительным образом совпадать.

«Усреднение» двух магистральных идеологий зашло далеко. По таким проблемам, как формы собственности, права человека, гражданские свободы, свобода личности, отношение к среде обитания, вопросы войны и мира, национальной и религиозной исключительности и другим «макроуровневым» параметрам политической идеологии, они сблизилась настолько, что подчас сложно идентифицировать ту или иную партию как консервативную или реформистскую.

И все же остается один главный параметр, позволяющий их типологически различать. Это отношение к двум элементам экономического роста — рынку с его мощными, но слепыми механизмами и государству как инструменту общественного воздействия на естественные рыночные процессы. Хотя и здесь происходит заметное нивелирование разногласий, спор относительно оптимальных пропорций рыночных и государственных механизмов сохраняет определенную остроту.

Огромное влияние на развитие современных политических идеологий оказал феноменальный и в значительной мере неожиданный взлет американской экономики в 90-е годы. Демократы в США теоретически пытаются описать реализованную ими экономическую модель как пример «третьего пути», при котором развитие рыночных отношений и свободной конкуренции ведет к улучшению макроэкономических показателей и дает возможность проведения активной социальной политики, ведущей к поддержанию низкого уровня безработицы и впечатляющему развитию социальной сферы. При этом острый кризис, поразивший некогда преуспевавшие восточноазиатские страны, демонстрировавшие иной, по сравнению с американским, под-

ход к соотношению роли государства и рынка в экономике, добавил достижениям США особую убедительность¹.

Таким образом, идея необходимости раскрепощения рыночных механизмов перестала быть монополией неоконсерваторов. Экономические успехи на основе рыночных реформ в США были достигнуты при демократах, идеологически сближающихся с социал-демократическим лагерем. Следует учитывать, что европейская социал-демократия в настоящее время уже далеко отошла от своих классических постулатов и ее идеология представляет собой некую смесь либерально-консервативных и социал-демократических идей, т.е. по сути также является идеологией «третьего пути».

Характерно, что спор между неоконсерваторами и социал-демократами получил подпитку в связи с серьезными неудачами социально-экономических преобразований в России после 1991 г. Трудности российских реформ стали объясняться порочностью теории сугубо положительного влияния рыночных механизмов при радикальном ограничении вмешательства государства в экономику. Стала все более привлекательной идея необходимости сочетания рынка и разумного, созидательного вмешательства государства в рыночные процессы.

Неоконсерватизм на Западе и в Японии

Как практически все другие современные политические теории, неоконсерватизм пришел в Японию с Запада. Идеология неоконсерватизма возникла в США в середине 50-х и получила заметное развитие в 60-х годах. С ней связаны имена таких политиков и теоретиков, как Норман Подгорец, сенатор Патрик Мойнихэн (один из послевоенных столпов, как это ни парадоксально, Демократической партии США) и Ирвинг Кристол. В Англии неоконсерватизм закрепился как синоним тэтчеризма, успешной неоконсервативной политики Маргарет Тэтчер середины 80-х годов.

При этом в японской литературе можно встретить весьма оригинальные толкования неоконсерватизма. Так, в одном из наиболее известных трудов на эту тему — «Неоконсерватизм — политическая философия консервативных партий» — профессор

¹ Адзиа-но кинью кики. Товарэру «кокусай кётё», аратана вакугуми-дэ кокуфу-ку-о (Необходимость новых форм международного сотрудничества для преодоления финансового кризиса в Азии). — Майнити симбун. 15.01.1998.

Китаока Исао относит к этому течению все консервативные партии послевоенного периода, в том числе и японскую Либерально-демократическую партию (ЛДП), образованную в 1955 г. путем слияния Либеральной и Демократической партий². Логика Китаока проста: поскольку консервативные партии послевоенного периода отражали новые политические и духовные реалии, они отличались от традиционного европейского консерватизма, берущего начало с программной речи Эдмонда Бурке в 1790 г. — «иконки консерватизма», по выражению Ирвинга Кристола, автора наиболее признанной в США монографии по неоконсерватизму³.

Так или иначе, сравнительный анализ истоков неоконсерватизма в Японии и на Западе позволяет сделать вывод о различии между ними. В США это движение было инициировано выходцами из левого лагеря, разочаровавшимися в социалистических идеях под влиянием тоталитарных черт, присущих обществу и государству «реального социализма»⁴. Эта идейная трансформация наглядно описана упомянутым Ирвингом Кристолом. «Я был, — пишет он, — неомарксистом, неотроцкистом, неосоциалистом, неолибералом и, наконец, неоконсерватором»⁵.

В Японии неоконсервативное движение вышло из недр японского консерватизма — в Либерально-демократической партии. Поэтому оно отражало эволюцию консервативных, а не социалистических идей. Кроме того, следует признать, что в Японии у неоконсерватизма не было идеологических корней. Его появление не отражало скорее общую логику развития Японии как высокоразвитого индустриального общества и проходило без интенсивной идеологической борьбы, характерной для стран Запада. Здесь действовала своя традиция идейно-политического противоборства. В годы, когда на Западе развернулась серьезная идейная борьба вокруг путей развития современного капиталистического общества, в Японии ядром политической системы была ЛДП, чье значительное политическое превосходство над другими партиями оставалось неоспоримым и не было затронуто кризисом консерватизма на Западе.

² Китаока Исао. Синхосюсюги. Хосюсэйто-но сэйдзи тэцугаку (Неоконсерватизм — политическая философия консервативных партий). Токио, 1991, с. 3.

³ Kristol Irving. Neoconservatism. The Autobiography of an Idea, Selected Essays 1949-1995. 1995.

⁴ См.: Neoconservatism, 1997 Grolier Interactive Inc.

⁵ Kristol Irving. Neoconservatism, p. 3.

В отличие от западных стран, где еще с довоенных времен динамика политического процесса определялась противоборством между консервативными и социал-демократическими партиями, в Японии социал-демократическая традиция в политике

была относительно слабой. Марксистские и социал-демократические идеи преобладали в интеллектуальной среде, в университетских и научных кругах.

ЛДП, как это ни парадоксально, была вынуждена сама восполнять этот пробел политической системы. В результате ее идеология была консервативной по форме, но «всеохватывающей» по содержанию — от умеренно левых до правых позиций. А главное — ЛДП не строилась по идеологическому принципу. Несмотря на консервативную риторику, в ЛДП не сформировалось четко выраженной консервативной идеи в западном понимании этого термина. Это была типичная «партия власти», стремившаяся к поиску оптимальных решений, отражавших интересы нации в целом. Ее миссией стало обеспечение динамичного роста страны в условиях отсутствия сколько-нибудь реальной альтернативной модели, представленной социал-демократами.

Японский неоконсерватизм оформился как политическое течение приблизительно в то же время, что и в Европе и в США, в середине 80-х годов. Его отцом-основателем считается тогдашний премьер-министр Накасонэ Ясухиро. Но если в США и Англии идеология неоконсерватизма была востребована благодаря острой реакции общества на экономический проигрыш этих стран Японии и Западной Германии, то в Японии она появилась на свет в период сравнительно быстрых темпов экономического роста. Поэтому она отражала не кризисное состояние, а подспудное беспокойство политической элиты в отношении того, что без серьезных структурных реформ (приватизации госпредприятий, проведения административно-финансовой реформы) страна может быть ввергнута в серьезный кризис⁶.

Возможно, поэтому неоконсерватизм эпохи Накасонэ не получил четкой идеологической проработки. Он развивался внутри правящей партии как один из вариантов консервативной политики. Тем не менее реформы времен премьерства Накасонэ можно считать неоконсервативными, поскольку они шли в русле идеи раскрепощения рыночных отношений — разгосударствление

⁶ Собственно, так и случилось после 1992 г., что стало основанием для ренессанса неоконсервативных идей.

предприятий-монстров, таких, как государственные железные дороги и телефонная и телеграфная корпорация (NTT), попытки радикальной административной реформы и создания «маленького правительства» (*тиисана сэйфу*). Введение потребительского налога — крайне непопулярной в народе меры — также можно отнести к реализации неоконсервативной идеологии⁷.

Вместе с тем реформы времен Накасонэ не отличались особым радикализмом. Они проводились крайне осторожно, с большой оглядкой на возможные социальные последствия, при громадном государственном участии, когда бюджетные средства тратились на меры, которые сглаживали отрицательное социальное воздействие реформ, особенно на первых, самых трудных этапах. Успеху реформ способствовало и то, что в те годы японская экономика продолжала развиваться сравнительно высокими темпами, превышавшими западноевропейские и американские приблизительно в два раза.

Это стало свидетельством того, что неоконсервативные реформы в принципе лучше проводить в годы экономического подъема, когда все сопряженные с ними трудности переносятся гораздо легче. 90-е годы в этом смысле явно отличались в худшую сторону.

Неоконсерватизм 90-х.

Одзава Итиро

После Накасонэ доминирующее идеологическое течение в ЛДП, если исходить из курса последовательно сменявшихся лидеров партии Такэсита, Кайфу и Миядзава, вплоть до исторического поражения либеральных демократов на выборах в июле 1993 г. вовсе не носило неоконсервативного характера. Политика всех трех упомянутых кабинетов была умеренно-консервативной.

⁷ «Для неоконсерватизма ключевыми становятся слова „маленькое правительство“, „эффективность“, „активность населения“ (*минкацу*), „смягчение регулирования“, „свободная конкуренция“. В Англии приватизируют государственные предприятия. В Америке всячески поддерживают конкуренцию между авиакомпаниями. В Японии в рамках подготовки административной реформы разделяют и приватизируют государственную железнодорожную компанию. Потребительский налог также можно отнести к реализации принципов неоконсерватизма». — Асахи симбун. 19.09.1989.

Первым и, увы, последним политическим успехом японского неоконсерватизма 90-х годов стал приход к власти в июле 1993 г. коалиции во главе с партией Синсинто, идеологом которой являлся бывший крупный функционер ЛДП Одзава Итиро. Знаменем этой весьма разношерстной коалиции стали неоконсервативные идеи.

Казалось, для этого в Японии вполне сложились объективные условия. С апреля 1992 г. страна вступила в затяжной период экономического спада. Старые методы лечения экономики путем энергичного государственного вмешательства, в частности бюджетные вливания в финансирование «общественных работ», не давали серьезного эффекта. Было ясно, что уже нельзя ограничиться усовершенствованием старой системы управления экономикой, а нужно менять многие ее системообразующие элементы и главным образом пересмотреть роль государства, степень, формы и методы его влияния на экономику. Таким образом, к проведению неоконсервативных реформ Японию как бы подталкивала сама жизнь. Кроме того, японское отставание на фоне блестящих успехов американской экономики воспринималось как следствие затягивания необходимых структурных реформ со стороны либерально-демократических правительств.

Вместе с тем поражение ЛДП на выборах не следует приписывать исключительно популярности неоконсервативных идей. В значительной мере оно объяснялось идеологическим раскрепощением японского электората после столь радикальных перемен во внешнем мире, как распад социалистической системы.

Поначалу неоконсерватизм стал идейной базой для объединения довольно широкого диссидентского движения внутри ЛДП. К нему примкнули политики, покинувшие партию как до, так и после ее поражения на выборах в июле 1993 г. Образование коалиционного правительства во главе с неоконсерваторами шло, таким образом, под лозунгом освобождения от «старого консерватизма» и созидания его новой версии — неоконсерватизма⁸.

Но коалиционное правительство продержалось недолго. Особое разочарование в обществе вызвало то, что, несмотря на радикальные лозунги, у него отсутствовала ясная политическая программа, рассчитанная на долговременную перспективу. На самые острые вопросы того времени, такие, как экономический

⁸ Майнити симбун. 16.12.1993.

спад, либерализация рынка риса, налоговая реформа и ряд других, у коалиции не было четких ответов⁹.

Уже через год коалиция распалась, так и не осуществив свои неоконсервативные идеи. Одзава пытался сохранить широкую политическую базу неоконсерватизма, но сделать это ему не удалось. И в декабре 1997 г. неоконсерватизм как политическая платформа сохранился в Японии в рамках небольшой и не очень влиятельной силы — Либеральной партии Японии (ЛПЯ).

Неоконсерватизм Либеральной партии Японии

В своей идеологии ЛПЯ исходит из того, что в результате качественных перемен, произошедших в мире после разрушения берлинской стены и возникновения модели «новой экономики», обеспечившей быстрые темпы роста экономики США, Япония вновь оказалась на распутье¹⁰.

В интерпретации идеологов партии это означает наступление третьей фазы качественных преобразований, сопоставимых с реставрацией Мэйдзи и реформами оккупационного периода. Но нынешняя фаза радикальных преобразований, по их мнению, качественно отличается от предыдущих. При ограниченности внутренних ресурсов реформы Мэйдзи и послевоенные преобразования нуждались в сильном централизованном государстве для обеспечения быстрых темпов экономического роста и ликвидации отставания Японии от Запада. Теперь же, когда японское общество во многом благодаря сильной центральной власти добилось поставленных целей, система себя не оправдывает и находится в состоянии «серьезной изношенности».

Суть предлагаемых неоконсерваторами из ЛПЯ реформ сводится к изменению роли государства, передаче большинства властных функций из центра на места, ограничению власти бюрократии и недопущению ее сращивания с политической и экономической ветвями власти. В результате, по их мнению, в Япо-

нии должно сформироваться «общество справедливости», в котором будет достигнут приоритет интересов потребителя над интересами производителя, обеспечено моральное и физическое здоровье членов общества, созданы нормальные социальные условия труда, ликвидирована система переработок как форма социального выживания работающих по найму. Кроме того, в таком обществе должны быть гармонизированы отношения человека с окружающей средой и будет проводиться ответственная внешняя политика¹¹.

При знакомстве с идеологическими и политическими установками Либеральной партии трудно отделаться от впечатления, что нечто подобное уже встречалось, в частности в программах КПСС, где идеальное начало преобладало над реальным. В случае Либеральной партии ее идейной основой, конечно же, является не марксизм-ленинизм, а идеология «процветающего демократического общества», в котором власть в основном «принадлежит народу», а его благополучие является «главной ценностью».

Характерно, что либералы в своей программе избегают слова «неоконсерватизм», как, впрочем, и термина «консерватизм». Это заметно отличает их от британских единомышленников, для которых консерватизм остается идеалом, от которого они не собираются отказываться¹².

Осторожность японских неоконсерваторов понятна. Неоконсерватизм как термин для широких масс в лучшем случае непонятен, в худшем — вызывает отрицательную реакцию. Тем не менее программа носит все признаки неоконсервативной политической идеологии. В ней имеются четкие установки на сокращение роли государства, ликвидацию институциональных ограничений свободы предпринимательства, делается сильный акцент на приоритетное развитие рыночных отношений, раскрепощение «рыночных механизмов»: «Япония должна преобразиться в общество истинно рыночных отношений на принципах „свободы, справедливости и открытости“»¹³. Характерно, что последние три

¹¹ Синкокуна сэйдэ хиро-ни отиттэ иру (Нарастание серьезной изношенности системы). См. программный документ Либеральной партии «Цель — создание общества, в котором главная роль принадлежит народу» («Кокумин-га сюяку-но сякай-о мокуси ситэ»). — <http://www.jiyuto.or.jp>.

¹² Об этом свидетельствуют их программные документы «Революция здравого смысла» и «Консервативное будущее». — http://195.224.205.213/ccoinformation/whats_new/common_sense/details.htm.

¹³ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Термин «новая экономика» скорее публицистический, чем научный. Под ним понимается новая фаза развития капитализма, в которой под влиянием научно-технического прогресса старые законы (цикличность развития и пр.) перестают действовать. Кроме того, сама идея «новой экономики» многими не только оспаривается, но и высмеивается (см. интервью известного гарвардского экономиста Гэлбрейта японской газете. — Майнити симбун. 19.01.1998).

ключевые принципа включены в программу в виде английских слов в японской транскрипции (*фури, фэа, опун*), что само по себе свидетельствует об их «инородном происхождении».

Авторы программы, видимо, понимают это и пытаются учесть японскую специфику, врожденное неприятие японским обществом социальных перекосов и конфликтов, которые могут разгореться при чрезмерной свободе конкуренции, разгуле стихии рыночных отношений. Поэтому они, как и их коллеги на Западе, пытаются обосновать социальную оправданность неоконсервативных реформ: «Истинно рыночные отношения не являются разрушительными по своей природе, они не приводят к торжеству сильного над слабым. Это не закон джунглей в экономике. Истинная рыночная экономика предполагает приоритет интересов потребителя. Потребитель — стержень рыночной экономики»¹⁴.

Программа предусматривает ликвидацию всего экономического законодательства, ограничивающего свободу конкуренции. И вновь главный социологический аргумент в пользу этого совпадает с аргументами западных неоконсерваторов: свободная конкуренция резко усилит потенциал и жизнеспособность частного предпринимательства, которое является основным источником экономической мощи страны.

Однако авторы документа вынуждены все же признать, что внедрение принципов свободной конкуренции будет приводить к банкротству слабых предприятий. Но это, по их мнению, неизбежное зло в условиях структурной перестройки. В социальном же плане в этом явлении больше плюсов, чем минусов: «Правительство должно отказаться от контроля над частным предпринимательством через систему ограничений и административного контроля и, соблюдая в максимально возможной мере всемирные стандарты „свободы, справедливости и открытости“, развивать свободную конкуренцию. Это приведет к качественному усилению предприятий, что в конечном счете отвечает интересам потребителя»¹⁵.

Идеи неоконсерватизма получили наиболее последовательное выражение в программной книге Одзава Итиро «Проект переустройства Японии»¹⁶. В ней он стремится доказать, что для

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ **Одзава Итиро.** Нихон кайдзо кайкаку (План реформирования Японии). Токио, 1993; **Ozawa Ichiro.** Blueprint for a New Japan. The Rethinking of a Nation. Tokyo, 1994.

переустройства Японии необходимы либеральные реформы на американский манер, развитие «свобод» и «рынка», т.е. двух фундаментальных элементов идеологии неоконсерватизма, наиболее ярко и убедительно представленной Маргарет Тэтчер¹⁷.

Как уже отмечалось, идеи неоконсерватизма в Японии объективно не столь уж беспочвенны. После распада социалистической системы в мире ускорился процесс экономической интеграции, формирования глобального рынка со сложным сочетанием элементов кооперации и резко обострившейся конкуренции. Начиная с апреля 1992 г., после обвала акций на Токийской фондовой бирже и вступления Японии в период затяжного экономического спада, вопрос о необходимости радикальных социально-экономических и политических реформ стал крайне актуальным для Японии. Помимо собственных внутренних проблем, связанных с неэффективностью финансовой системы и огромной банковской задолженностью по кредитам, японская экономика оказалась неподготовленной к резкому росту конкуренции на мировых рынках. Для преодоления новых экономических проблем и повышения конкурентоспособности японских предприятий были необходимы меры дерегулирования, усиления конкурентной среды внутреннего японского рынка.

В этом смысле идеи неоконсерваторов падали на благодатную почву. Другой вопрос — как и каким образом осуществлять либеральные реформы. Судя по тому, что неоконсерваторам так и не удалось удержаться у власти, а в 1998 г. они даже вынуждены были пойти на коалицию со своими идейными противниками в ЛДП, против которых в 1992 г. они подняли «мятеж», их лозунги не получили поддержки у японского электората.

Более того, в 1999 г. возникла реальная перспектива слияния ЛП с ЛДП. И если это не произошло (и вряд ли в ближайшее время произойдет), то отнюдь не из-за идеологических противоречий старого и нового консерватизма. Причиной тому личные амбиции Одзава Итиро и устойчивое резко отрицательное отношение к нему большинства функционеров ЛДП.

¹⁷ Атарасии катикан мотомэ, ято мо хёрю (Требуются новые ценности: сдвиги во взглядах оппозиционных партий). — Майнити симбун. 10.03.1998.

Неоконсерватизм в Либерально-демократической партии

Провал попыток Одзава создать мощную неоконсервативную альтернативу нынешней правящей партии свидетельствует о том, что политические силы в стране структурируются не по идеологическому признаку. О том же говорит и достаточно большое число приверженцев неоконсерватизма в ЛДП. Полушутя говорят, что партия делится на тех, кому ближе первая половина ее наименования — «либерализм» (неоконсерватизм), и тех, кто предпочитает в названии партии его вторую часть — «демократию» (антинеоконсервативные идеи)¹⁸.

Популярность либеральных идей в правящей партии вполне объяснима. Среди части ее членов довольно сильно убеждение, что после распада социализма, своего старого соперника, капиталистический мир вступил в эпоху острой идеологической борьбы внутри себя, вызванной противоречиями между его различными моделями. И в этом соперничестве большие шансы на победу имеет тот, кто сможет обеспечить максимально свободное от бюрократических пут развитие, раскрепостить творческую созидательную энергию членов общества, использовать могучие производительные и созидательные ресурсы свободной конкуренции.

Когда в июле 1994 г. в стране разразился политический кризис в связи с отставкой правительства Хата, оказавшаяся в критическом положении коалиция неоконсерваторов пыталась переманить к себе своих союзников внутри ЛДП, с тем чтобы удержаться у власти. Любопытно, что Одзава пытался тогда собрать под знамена неоконсерватизма и политиков слева — социал-демократов. В тот период неоконсерваторов были готовы поддержать лидеры двух крупных фракций в ЛДП — Накасонэ Ясухиро и Ватанабэ Митио. Именно им приписывались близкие к неоконсервативным взгляды, в частности по вопросам участия Японии в международных миротворческих силах и принятия соответствующего законодательства с расширенным толкованием

¹⁸ В этом отношении показателен, в частности, пафос Фунада Хадзимэ, депутата ЛДП от префектуры Тотиги, который на своем интернетовском сайте поместил страстный призыв помочь ему в осуществлении идей «неоконсерватизма». Он признается, что был вынужден покинуть партию и бороться за неоконсерватизм вне ее рядов, но потерпел неудачу. Теперь он вернулся в лоно ЛДП и здесь намерен активно бороться за свою идеологию. — <http://www.funada.org/>.

японской конституции, а также по вопросам налоговой реформы¹⁹.

Но Одзава не удалось расколоть ЛДП по идеологическому признаку. Произошло немислимое в прежние времена сближение старых идеологических соперников — либерал-демократов и социал-демократов. Тогдашний председатель ЛДП Коно Ёхэй пошел на беспрецедентный шаг. Ради возвращения к власти он и те, кто его поддержал внутри партии, согласились на то, чтобы новое правительство возглавил социал-демократ Мураяма Томоити. Этот шаг вызвал резкую реакцию со стороны двух ведущих, но уже терявших свое влияние лидеров ЛДП — Ватанабэ Митио и Накасонэ Ясухиро, первый из которых сам рассчитывал стать премьер-министром. Однако действия неоконсервативных диссидентов внутри ЛДП, пытавшихся шантажировать основную массу членов партии угрозой своего выхода из нее и объединения с Одзава, привели к обратному результату — остальные с еще большей решимостью взялись за формирование коалиционного правительства во главе с Мураяма. Традиционная неприязнь к социалистам и социал-демократам оказалась явно слабее враждебного отношения к Одзава, неприятия его авторитарных методов и непомерных амбиций²⁰.

«Конец идеологии»

Таким образом, формирование в 1994 г. коалиционного правительства из этих партий и партии Сакигакэ, занимавшей по идеологическим признакам промежуточную между ними позицию, стало поражением японского неоконсерватизма. Одновременно случившееся можно трактовать и как конец эпохи антагонизма политических идеологий. Наступил своего рода «конец идеологии», по аналогии с «концом истории», провозглашенным Фрэнсисом Фукуямой. Разумеется, идеологические противоречия сохранились, но они уже не носили непримиримого характера и поддавались компромиссным решениям.

Важнейшим и крайне интересным является то, что идейной основой такого компромисса на этот раз стала борьба против неоконсерватизма, против его идей освобождения рыночных от-

¹⁹ Майнити симбун. 01.07.1994.

²⁰ Мураяма сэйкэн — мэисо-но рэнрицу (Кабинет Мураяма — «блуждающая коалиция») (окончание). — Майнити симбун. 03.07.1994.

ношений от бюрократических пут, трактовавшихся социал-демократами как антисоциальная идеология «дикого рынка».

Правда, «антинеоконсерватизм» новой коалиции, скорее всего, был поводом, благовидным предлогом, а не реальным основанием для объединения столь разных политических сил. Тем не менее, чтобы не давать своим политическим противникам шанса использовать «антинеоконсервативную карту», собравшиеся после своего поражения неоконсерваторы приняли решение не делать акцента на идеях свободного и раскрепощенного рынка, а пытаться практическими действиями свалить коалицию ЛДП и СДП²¹.

Но после завершения первого этапа компромисса между ЛДП и СДП, ухода в отставку правительства Мураяма и прихода к власти в январе 1996 г. премьер-министра Хасимото необходимость радикальной перестройки японской социально-экономической модели вновь была поставлена на повестку дня. Речь шла о глубокой административной реформе, сокращении государственного аппарата и передаче властных полномочий на места. Это дало повод политическим противникам в ЛДП обвинить Хасимото в пристрастии к неоконсервативным идеям²².

Эти обвинения были скорее всего несправедливы. Излагая идеологию реформ, Хасимото признавал тем не менее необходимость государственного регулирования рыночных процессов, утверждая, что только при разумном регулировании возможно здоровое и эффективное функционирование рыночных механизмов и что именно регулирование способно защитить свободу выбора потребителя и его защиту от произвола бюрократии²³.

Непотопляемость ЛДП, сохранение ею власти, несмотря на тяжелый кризис середины 90-х годов, можно объяснить, видимо, тем, что ей, в отличие от неоконсерваторов, в большей степени удается уловить настроения масс. При этом суть реформ, предлагаемых либеральными демократами, довольно близка к неоконсервативным: отличия заключаются только в большей уме-

²¹ Тэцугаку ёри кэцуи-о кётё, тайрицудзикау кэйсэй-ни фусин — Синсинто-но кихон ринэн (Главная идея Синсинто — приложить все силы к созданию оси противостояния, делая упор на конкретные решения, а не на философию). — Майнити симбун. 06.09.1994.

²² Кэнгэн тэцукэдзу, нокору каммон ооку юсэй я кэнсэцу бундан, Хасимото сюсё-га инисиатибу (Инициатива премьера Хасимото: не применяя власть, отложить в сторону многочисленные проблемы министерств почты и строительства). — Майнити симбун. 21.08.1997.

²³ Майнити симбун. 19.02.1998.

ренности, в стремлении найти более точные пропорции между свободно-рыночными механизмами и государственным регулированием.

Это стало особенно заметно в политике правительств Титива и Обути, который явно чурался неоконсервативных идей и был склонен к традиционной политике сбалансированных мер. Влиятельная и наиболее компетентная в области экономических вопросов «Нихон кэйдзай симбун» («Японская экономическая газета») в редакционной статье упрекнула Обути в том, что он пошел фактически на свертывание программ дерегулирования экономики²⁴.

«Антинеоконсерватизм» в Японии

Как уже говорилось, движение против неоконсерватизма в Японии вначале оформилось в качестве идейной основы совершенно необычного и внешне противоестественного объединения в коалицию трех партий — традиционно консервативной ЛДП и традиционно социал-демократических СДПЯ и Сакигакэ.

Поскольку эта коалиция формировалась под лозунгом защиты демократии, она формально носила название «неолиберального» течения. В июне 1994 г. представителями трех партий была сформирована специальная комиссия по выработке новой идеологии, которая получила название «Общество по изучению неолиберализма». Ее задача заключалась в том, чтобы сформулировать основные идеологические позиции противодействия «неоконсерватизму», представленному Новой партией Японии (Синто) и Комэйто²⁵.

Бывший премьер-министр Накасонэ, один из немногих японских премьеров, которые пытались самостоятельно разрабатывать идейные основы развития Японии, пытался примирить столь близкий ему неоконсерватизм с идеями неолиберализма, предложив концепцию «неолиберал-консерватизма». Известный политолог Танака Наоки выступил с идеей, что в Японии идеологическое пространство должно формироваться вокруг четырех по-

²⁴ Дзиминто-но кисэй кайкаку цубуси-о юрё суру (Сворачивание Либерал-демократической партией реформ дерегулирования вызывает беспокойство). — Нихон кэйдзай симбун. 15.03.2000.

²⁵ Дзимин, Сякай, Сакигакэ: Сэйун, тукэн вакатэ гиин-га кэнкюкай райгэцу хассоку (В будущем месяце начнет работу исследовательское общество молодых парламентариев от ЛДП, СДПЯ и Сакигакэ, их надежда и стержень). — Майнити симбун. 22.05.1994.

люсов — либерализма, демократии, прогрессизма и консерватизма²⁶.

Появление новых теорий можно объяснить прежде всего тем, что после непродолжительной и неудачной эпохи правления неоконсерваторов возник некий идеологический вакуум. Было ясно, что в японском обществе в целом утвердился отрицательный образ неоконсерватизма как теории преобладания экономических интересов над социальными, как политика реформ за счет народа. Кроме того, неоконсерватизм в Японии ассоциировался с социально-экономической политикой Рейгана, в результате которой США оказались, с японской точки зрения, в очень трудном экономическом положении. Речь шла об огромном бюджетном дефиците, отрицательном сальдо платежного баланса и прочих пороках и слабостях американской экономики того периода. Это давало повод японским аналитикам считать, что рейгановский неоконсерватизм потерпел неудачу²⁷.

Критика неоконсерватизма в Японии была связана также с эпохой премьерства Накасонэ, поскольку именно в то время, когда он находился у власти, в Японии были заложены основы экономики «мыльного пузыря», для которой были характерны быстрый спекулятивный рост цен на землю и искусственное поддержание высокого уровня спроса. Считалось, что этот нездоровый искусственный рост экономики, сменившийся потом резким спадом, был связан с неоконсервативной политикой Накасонэ, с его стремлением использовать свободно-рыночные механизмы роста²⁸. Взлет же неоконсерватизма в 90-е годы стал зачастую объ-

²⁶ Майнити симбун. 05.06.1994.

²⁷ «Благодаря рейгановской политике, ориентированной на интересы богачей, разрыв между богатыми и бедными американцами еще более увеличился. Кроме того, Рейган выдвинул законопроект об обязательной сбалансированности государственного бюджета, чтобы таким образом ликвидировать бюджетный дефицит. Однако именно опьяненная собственной расточительностью экономическая политика (*кимаэ-но ёи ханамидзакэ кэйдзай*) самого Рейгана, сочетавшая сокращение налогов с широкомасштабными программами вооружений, привела к тому, что Соединенные Штаты превратились в самого большого должника в мире, и в конце концов она вызвала крах рейгановского неоконсерватизма». — Майнити симбун. 19.08.1992.

²⁸ «Истоки „мыльного пузыря“ следует искать в 80-х годах, в период премьерства Накасонэ. Кабинет Накасонэ следовал неоконсервативным курсом, лозунгами которого были „частнопредпринимательская активность“ и „смягчение государственного регулирования“. В результате создались благоприятные условия для развития дисбаланса между финансами и производством, проявившегося в резком скачке цен на землю и акции, что и вызвало такое явление, как „мыльный пузырь“». — Майнити симбун. 05.09.1992.

ясняться «опьянением» капитализма от его победы над социализмом и распространившимся после этого мнением, что рыночная экономика — панацея от всех бед²⁹.

Оппозиционные партии и неоконсерватизм

Большинство оппозиционных партий прямо или косвенно выступают с критических позиций в отношении неоконсерватизма. Однако при этом речь не идет об отрицании значения развития рыночных отношений — одного из главных постулатов неоконсерваторов.

Даже японские коммунисты не отрицают полностью значения рынка. По-прежнему призывая к освобождению «от всех форм эксплуатации», к обобществлению основных средств производства путем передачи их из рук крупного бизнеса в «руки общества», к внедрению социалистического планирования в экономику для «более эффективного использования производительных сил и обеспечения благосостояния масс», Коммунистическая партия Японии (КПЯ) признает тем не менее особую важность стимулирования «частной инициативы работников сельскохозяйственных, рыболовных, мелких и средних предприятий». Более того, партия призывает к гибкому и эффективному управлению экономикой на основе сочетания плановых, рыночных и всех других необходимых механизмов³⁰. Правда, принципиальное отличие идеологии компартии состоит в том, что она отрицает существующую систему государственного регулирования экономики и считает единственно правильным социалистическое управление экономикой. Это обстоятельство и образует водораздел между КПЯ и всеми остальными партиями.

Идейное размежевание между остальными оппозиционными партиями касается лишь форм, методов и степени государственного вмешательства в экономические процессы. Именно в этом плане идеи неоконсерватизма выступают в роли своеобразного оселка, мерила политического кредо той или иной партии.

Так, Демократическая партия Японии критически относится к неоконсерватизму. Образование ДПЯ в 1996 г. можно рассмат-

²⁹ Майнити симбун. 06.01.1993.

³⁰ <http://www.jcp.or.jp/Jcpdata/Koryo/e-koryo.html#01>.

ривать как очередную попытку сформировать в Японии двухпартийную систему. В своей борьбе за право стать второй партией Японии демократы (в основном диссиденты из ЛДП и Сакигаке плюс большое число политиков правого крыла бывшей Социалистической партии) делают ставку на правую социал-демократическую альтернативу ЛДП. Поэтому их идеология может рассматриваться как социал-демократический вариант либеральных идей³¹.

Если пытаться найти их место в системе политических координат, поставив в центр ЛДП, то они — левый центр, а партия Одзава — правый центр. В этом смысле они антиподы, и их отношения отличаются враждебностью. В какой-то мере это результат личной антипатии лидеров двух партий, соперничества в борьбе за право быть второй альтернативной партией. Но есть причины и идейного свойства. Об этом, в частности, свидетельствует то, что при создании ДПЯ один из ее основателей — Хатояма Юкио пытался опереться на поддержку упоминавшегося Фунада Хадзимэ, молодого, но влиятельного политика из ЛДП. Но неоконсервативные взгляды последнего сделали этот союз невозможным³².

Более жесткую позицию в отношении неоконсерватизма занимают партии левее демократов и прежде всего Социал-демократическая партия. Распроставшись с марксизмом-ленинизмом, она ищет новую идейную нишу. Очевидно, что без четкой идеологической позиции социал-демократы обречены на полное исчезновение или поглощение другими партиями — особенно в условиях, когда традиционная социальная база левых — профсоюзы стали быстро терять свое политическое влияние. В определенной мере этот процесс уже идет — как уже упоминалось, большая часть социал-демократов ушла в Демократическую партию.

В условиях, когда борьба против капитализма как такового перестала быть актуальной, для социал-демократов нашлась спасительная идеологическая зацепка — борьба против неоконсерватизма. Это течение стало рассматриваться левыми силами и профсоюзами как главная опасность³³. В таком контексте коа-

лиция с ЛДП была воспринята ими как вполне благовидный способ не допустить прихода к власти в Японии неоконсерваторов³⁴.

Нужно заметить, что союз с либерал-демократами для вчерашних японских социалистов был непростым делом. Идеологически партия явно теряла в глазах своего традиционного электората. Единственным серьезным аргументом был довод об опасности неоконсерватизма. В одном из интервью ветеран японских социалистов Китаёма Айро подчеркивал, что союз с либерал-демократами оправдан уже потому, что он помог остановить «основанный на законе джунглей» неоконсерватизм Одзава³⁵.

Когда неоконсервативная партия Синсинто распалась, лозунг совместной с ЛДП борьбы против неоконсерватизма потерял свою остроту. Социал-демократы потеряли сильный аргумент в пользу сотрудничества с либерал-демократами. Не исключено, что именно это обстоятельство стало одной из причин их выхода из коалиции с ЛДП³⁶.

И после этого социал-демократы последовательно рассматривали борьбу против неоконсерватизма как свою главную политическую цель. В декабре 1996 г. Социал-демократическая партия Японии, которую после отставки Мураяма с поста премьер-министра возглавила Дои Такако, на своем внеочередном съезде приняла новую политическую программу. В ней одним из трех основных пунктов была борьба против неоконсерватизма³⁷.

Аналогичные идеологические ориентиры были и у профсоюзов. В частности, наследник некогда могущественного профобъединения Сохё, Совет демократических и свободных профсоюзов (Миньюрэн), четко обозначил свое критическое отношение к

³⁴ «При кабинетах Хосокава Морихиро и Хата Цутому СДПЯ собирала коалицию под лозунгом „Долой ЛДП!“. Однако при правительствах Мураяма Томоити и Хасимото она совершила поворот в своей политике и протянула руку ЛДП на основе антинеоконсерватизма. Понятно, что кабинет Мураяма смог появиться на свет лишь в условиях яростной борьбы за власть, которую повел при кабинетах Хосокава и Хата тогдашний исполнительный секретарь партии Синсэйто Одзава Итиро» (Рэнрицу кайсё кэйкэн-о икасите сайсюппацу-о (Взять новый старт, используя опыт ликвидации коалиции). — Майнити симбун. 31.05.1998).

³⁵ «Политика Одзава напоминает американский неоконсерватизм. Это образ действий, подобный „закону джунглей“. Не допустить к власти такой кабинет само по себе имело смысл». — Майнити симбун. 17.09.1994.

³⁶ Рэнрицу кайсё кэйкэн-о икасите сайсюппацу-о. — Майнити симбун. 31.05.1998.

³⁷ Тосайкэн-но гутайсаку, саки окури Дои Ито тайсэй-о цуйнин — Сяминто риндзи тотайкай (Внеочередной съезд СДПЯ: конкретные меры по реструктуризации партии, подтверждение создания системы Дои-Ито). — Майнити симбун. 23.12.1996.

³¹ Одзава Эйджин, Сигэки Тосимицу. Нихон минсюто кэтто сэнгэн (Декларация об образовании Демократической партии Японии). — Voice. 1994, № 1, январь.

³² Минсюто (сэйдзи его). Гэндай ёго-но кисотисики (Демократическая партия, политический термин. Справочник современных терминов). Токио, 1998.

³³ «Неоконсервативное течение, набирающее силу в передовых капиталистических странах, представляет собой угрозу для всех профсоюзов». — Асахи симбун. 07.01.1986.

Либеральной партии именно потому, что она недвусмысленно провозглашала «неоконсервативные» цели³⁸.

В своей политической программе и курсе действий во время выборов в верхнюю палату японского парламента в 1998 г. СДПЯ использовала лозунг борьбы против неоконсерватизма, видимо рассчитывая, что он принесет ей голоса избирателей. В своей политической декларации партия выступила с утверждением, что неоконсерватизм 80-х годов привел к тяжелым социальным последствиям, росту безработицы, углублению пропасти между бедными и богатыми³⁹.

«Третий путь» как социал-демократическая альтернатива неоконсерватизму

В 50-е годы некоторые теоретики социал-демократии на Западе пытались найти компромисс между социализмом советского типа и американским рыночным либерализмом. Сейчас же предпринимается попытка найти компромисс между социал-демократией и консерватизмом либерального толка.

Движение левого и правого идеологических флангов к центру особенно заметно в США и Великобритании. Политическая идеология американских демократов при Клинтоне и английских лейбористов при Блэре по сути — поиск некоего компромисса между развитием свободных рыночных отношений и усилением роли государства в экономике. Другими словами, это попытка найти так называемый третий путь. В 1998 г. в своем ежегодном послании Конгрессу президент Клинтон торжественно провозгласил, что он и его команда нашли «третий путь» социально-экономического развития страны⁴⁰. В Великобритании «третий путь»

³⁸ Миньюэрэн-но синто ико то сэнкё кёрёку-ва бэцу мондай — минею, рибэрау росокэйги-ва какунин (Совет демократических и свободных профсоюзов подтверждает, что движение к созданию новой партии и сотрудничество на выборах — разные вопросы). — Майнити симбун. 09.02.1998, вечерний выпуск.

³⁹ 98 санъинсэн. Какуто-но кихон стансу. Сяминто (К выборам 1998 г. в палату советников. Изложение позиций каждой политической партии. СДПЯ). — Майнити симбун. 20.06.1998.

⁴⁰ «Американцы, мы нашли третий путь. Сейчас у нас самый маленький правительственный аппарат за последние 35 лет, но при этом он более дееспособен. У нас меньшее правительство, но более сильное государство». — 1998 State of the Union Address. January 27, 1998, Federal News Service.

представляет собой некий гибрид идеологии свободного предпринимательства Маргарет Тэтчер и центристских экономических идей Тони Блэра⁴¹.

Пока теоретики «третьего пути» в среде социал-демократов рассматриваются как диссиденты. К их теориям относятся в лучшем случае скептически, в худшем — обвиняют в теоретическом ренегатстве. В частности, брошюра Тони Блэра «Третий путь», опубликованная в 1998 г., некоторыми социал-демократами характеризуется как «тэтчеризм с человеческим лицом»⁴².

Так или иначе, американские успехи в экономике заставляют серьезно относиться к идеологии «третьего пути». За годы власти демократов США, действительно, удалось добиться больших результатов. Речь идет не только об обеспечении высоких темпов экономического роста на фоне спада в других странах и регионах, но и об оздоровлении экономики и государственных финансов. Бюджетный дефицит сменился профицитом. Характерно, что экономический бум в США в первую очередь объясняется успешной политикой администрации в области свободных рыночных отношений и создания необходимых условий для предпринимательства. Достигнутые за счет этого экономические успехи стали основой для активной социальной политики: создания новых рабочих мест, более эффективной и социально ориентированной программы медицинского обслуживания, развития образования, совершенствования системы пенсионного обеспечения, более высокого минимума заработной платы⁴³. Клинтону, видимо, действительно удалось сделать то, что до сих пор не удавалось никому, — соединить экономические идеи неоконсерватизма с социальной политикой социал-демократического толка⁴⁴.

Что касается республиканцев, то их политическая идеология по-прежнему ориентируется на частное предпринимательство как основу социального и экономического прогресса. При этом

⁴¹ Конел Я. Western Leaders Gather to Define Course of "Third Way" Sharp Differences as to What Social Democracy in post-Cold War Should Be. — The Korean Herald. New York Times Service. 23.11.1999.

⁴² Там же.

⁴³ 1996 Democratic National Platform as adopted by the Democratic National Convention on August 27, 1996. — <http://www.democrats.org/hq/resources/platform/index.html>.

⁴⁴ Таков был анализ, представленный на встрече представителей средств массовой информации Японии и стран Европейского сообщества. — Майнити симбун. 20.11.1997.

республиканцы более чем демократы воинственны в отстаивании его принципов. В их платформе не только безапелляционно утверждается, что «свободно-рыночный капитализм является единственно правильной моделью экономического развития во всем мире», но и подчеркивается, что ссылки на недостаточный уровень развития и географические факторы не оправдывают «экономического авторитаризма»⁴⁵.

В Японии идея «третьего пути» еще не получила серьезного политического развития. Пока ни одна из партий не выдвигает ее в качестве своей идеологии. Связано это с несколькими причинами. Во-первых, американский бум воспринимается с большой долей скептицизма. Он главным образом объясняется не столько появлением новой экономической модели («новой экономики»), сколько удачливостью в использовании достижений «информационной революции». Более того, в Японии многие убеждены, что рост американской экономики носит спекулятивный характер и напоминает пережитую Японией в конце 80-х — начале 90-х годов эпоху «экономики мыльного пузыря». Есть, правда, и те, кто призывает перестать ругать Америку и более серьезно относиться к новейшему опыту Запада в строительстве более эффективной социально-экономической модели, основанной на максимальном использовании возможностей либеральной рыночной экономики.

Ближе всего к теории «третьего пути» в Японии стоит Демократическая партия, лидер которой Хатояма Юкио явно ей симпатизирует. Комментируя как-то высказывания английского премьера Блэра по поводу рынка и свобод, он подчеркивал, что тэтчеровский лозунг «свобода и рынок» должен быть модифицирован в лозунг «свобода и социальная стабильность»⁴⁶. А принятая на съезде Демократической партии 16 января 2000 г. политическая программа, ориентированная на приход к власти, представляет собой соединение либеральных и социал-демократических идей. К первым относится объявленный курс на перераспределение властных полномочий в пользу органов местного самоуправления и формирование «государства федеративного типа» (*бункэн рэмпогата кокка*), в котором центральной власти останутся властные полномочия только в вопросах внешней политики и обороны. В том же ряду находится и предложение упразднить

министерство просвещения и приватизировать государственные университеты, т.е. фактически ликвидировать государственную систему образования. К социал-демократическим идеям можно отнести положение об обеспечении «всеобщей занятости»⁴⁷.

Выводы

Если говорить об основных идейно-политических конфликтах в наиболее развитых странах мира, то после крушения социализма это противостояние между консерватизмом и социал-демократией. В нем определились свои собственные диссидентские течения, которые пытаются порвать с фундаментализмом своих основополагающих теорий и найти некий компромисс между двумя началами — рынком и государством.

Неоконсерватизм в Японии, как и в других развитых странах, после распада социалистической системы стал одной из политических идеологий. Собственно, многие экономические идеи неоконсерватизма вполне отвечают духу японской стратегии создания рациональной и эффективной экономики.

На рубеже веков стало очевидным, что Япония должна искать новые резервы для экономического роста. Она не только не может успокаиваться на достигнутом, но рискует скатиться на позиции второразрядной страны, если не предпримет радикальные меры по обновлению механизма экономического управления и стимулирования высокопроизводительного труда.

Идеи неоконсерватизма объективно не противоречат японским интересам, потому что они ориентируют экономику развитых стран на максимальную открытость национальных рынков. В этом смысле неоконсерватизм выступает как главный противник политики экономического протекционизма — серьезной потенциальной угрозы для страны, в значительной мере зависимой от внешней торговли.

Вместе с тем неоконсерватизм имеет в Японии могущественных оппонентов. Ему противостоят не только левые социал-демократические, но и консервативные силы. Против неоконсервативной идеи «маленького правительства» выступает также и бюрократия, которая боится не только своего количественного сокращения, но и потери влияния на политический процесс.

⁴⁵ The 1996 Republican Platform. http://www.rnc.org/About_Us_Action.asp.

⁴⁶ Атарасии катикан мотомэ, ято мо хёрю (Требуются новые ценности: сдвиги во взглядах оппозиционных партий) — Майнити симбун. 10.03.1998.

⁴⁷ Нихон кэйдзай симбун. 13.01.2000.

В Японии неоконсерватизм подвергается критике главным образом как теория бесконтрольной власти рыночной стихии. Он представляется опасным из-за риска потерять одну из главных «добродетелей» японского капитализма — довольно высокий уровень социальной защищенности основной массы населения. Неоконсервативные идеи способны привести к ускорению экономического роста, но вопрос заключается в том, какой ценой это будет достигнуто. Если в США и Европе давно отработаны методы противодействия высокому уровню безработицы, то в Японии соответствующая система социальных «амортизаторов» работает пока плохо.

Есть еще один аспект, который вряд ли можно игнорировать в японских условиях. Последовательное проведение в жизнь неоконсервативных рыночных идей предполагает резкий рост личного потребления, что привело бы к изменению всей структуры жизненного цикла японцев. Это, в свою очередь, может повлечь за собой «снежный ком» распада традиционных социально-психологических ценностей и качеств, основы социально-экономических успехов страны в послевоенные годы. Понимая неизбежность расставания со старыми ценностями и устоями, японцы предпочитают делать это постепенно и взвешенно.

Поэтому японским политикам ближе идея «третьего пути», некоего оптимального сочетания неоконсерватизма и социал-демократии. Этим тяготением к плюсам той и другой идейных концепций можно объяснить причудливый эклектизм платформ большинства партий.

Но при всем том они — как те, которые проповедуют неоконсерватизм, так и те, кто выступает за социал-демократический путь развития, — по-прежнему не имеют серьезных шансов на приход к власти. Причина этого довольно проста.

Дело в том, что правящая Либерально-демократическая партия Японии, власть которой они пытаются оспорить, как уже говорилось, никогда, по сути, не была идеологически ангажированной консервативной партией. Она как раз была и остается партией «третьего пути», которая в силу специфики послевоенного политического процесса в Японии ставила своей главной задачей обеспечение стабильности в обществе, отказываясь при этом от резких кренов в ту или иную сторону. Ее идеология была всегда направлена на поиски «динамического равновесия», компромисса или оптимальной модели, которая была бы экономически эффективна и одновременно социально безболезненна.

В Японии пока сохраняет силу идея, что нельзя полностью полагаться на рыночные механизмы, которые могут быть как созидательными, так и разрушительными. Отсутствие экономического регулирования может привести, в частности, к вытеснению с рынка труда значительной части рабочей силы, что нежелательно и даже недопустимо не только с точки зрения сохранения социальной стабильности, но и по соображениям экономической целесообразности⁴⁸.

Характерно, что в Японии приверженцами идеи «третьего пути» выступают не только политики, чью социал-демократическую риторику можно зачастую объяснить тривиальным популизмом, но и представители деловых кругов. Так, президент Японской ассоциации предпринимателей (Никкэйрэн) Нэмото Дзиро в 1996 г. заявил, что «рынок — это столкновение страстей и алчности. А алчность следует держать под контролем». Высказывая сомнения в теории универсальности рынка, он подчеркивал, что экономическое развитие и создание гармоничного общества не может и не должно опираться только на рыночные механизмы. Значительно более важными являются вопросы духовного порядка⁴⁹. Если не знать, что эти мысли принадлежат представителю японской экономической элиты, то можно было бы подумать, что это отрывок из экономической программы какой-нибудь левой партии.

Вместе с тем в Японии все признают необходимость постепенно избавлять экономику страны от излишне сложной системы ограничений. Степень зарегулированности японской экономики чрезвычайно высока, особенно по сравнению с американской. В Японии законодательные ограничения экономической деятельности касаются производств и услуг, составляющих около 41 % валового внутреннего продукта. В США этот показатель равен 7%⁵⁰. Однако японские консерваторы не ставят задачу снизить этот уровень до американского: в японских условиях это имело бы губительные социальные последствия. Речь идет лишь о его разумном постепенном снижении.

С течением времени общественное мнение, наблюдавшее за борьбой двух идеологий — неоконсерватизма и социал-демокра-

⁴⁸ Ооэн сайхёка (Новая оценка теории Оуэна). — Майнити симбун. 20.11.1996.

⁴⁹ Кодзима Тору-но кэйдзай раку. Кокоро-о тайсэцуни си, кайтэкина саякай-о (Экономическая колонка Кодзима Тору. Создание гармоничного общества, основанного на духовных ценностях). — Майнити симбун. 13.09.1996, вечерний выпуск.

⁵⁰ Атарасии катикан мотомэ, ято мо хёрю. — Майнити симбун. 10.03.1998.

тии, склонялось к мнению, что оба эти течения следовало бы объединить в один идейно-политический поток, основанный на идеях строительства гражданского общества, в котором рычаги управления постепенно переходили бы от госаппарата в руки гражданских институтов⁵¹.

Но это пока утопия, и в обозримом будущем мы по-прежнему будем свидетелями борьбы между двумя основными политическими идеологиями, как, впрочем, и поисков «золотой середины» между ними.

⁶⁶ «Следует поставить вопрос о том, чтобы последующий политический курс был основан не на корпоративном либерализме, включающем в себя лишь консерватизм и неоконсерватизм, а на идеях гражданского общества». — Майнити симбун. 25.12.1994.